

"Путь в Царьград"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Александр Михайловский

Александр Харников

ПУТЬ В ЦАРЬГРАД

Авторы благодарят за помощь и поддержку Юрия Жукова и Макса Д (он же Road Warrior).

Пролог

ДАН ПРИКАЗ ЕМУ НА ЗАПАД

17 декабря 2012 года, порт Усть-Луга, Ленинградская область.

Водная поверхность Лужской губы курилась морозным паром, едва прихваченная тонким хрустящим ледком. Начало зимы в этом году в Питере выдалось морозным, с обильными снегопадами.

Лайнер «Колхида» под флагом вспомогательных судов российских ВМС стоял у причала, одетый в белое кружево инея. Над водой пронзительно голосили чайки.

Я прогуливался по пирсу, вздрагивая от холодного ветра, дующего с залива. Даже теплая зимняя куртка на меху не помогала, и я зябко ежился, наблюдая за деловой суетой докеров, опускавших в трюмы транспортного судна «Колхида» контейнеры защитного цвета без обычной грузовой маркировки. Рядом, у причалов, стояли учебные суда Балтфлота «Смольный», «Перекоп» и белоснежный плавучий госпиталь Черноморского флота «Енисей», прошедший в Питере текущий ремонт. Царила обычная в таких случаях суета, а громкие крики докеров смешивались с ненормативной лексикой.

А все началось каких-то две недели назад. Меня неожиданно вызвал шеф питерского отделения Агентства и сделал предложение, от которого я не смог отказаться. А именно — отправиться в очередную командировку в очередную горячую точку на борту одного из кораблей объединенной эскадры Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

Корабли следовали в Сирию, где фактически шла гражданская война с применением тяжелого оружия. Эскадра должна была «показать флаг» соседям Сирии, мечтавшим под шумок урвать от раздираемой внутренней смуты страны лакомые кусочки ее территории. А у нас в Сирии были свои интересы, плюс база в Тартусе — единственное (не считая Севастополя) заграничное место базирования российских кораблей.

Командировка должна быть интересной и, скажем прямо, опасной. Ведь янки и их прихлебатели хотели под вывеской «гуманитарной интервенции» повторить иракский и ливийский варианты. С учетом резкого ухудшения отношений между США и Россией — один акт Магницкого чего стоит! — возможны были самые крутые варианты развития событий, вплоть до прямого боестолкновения между нашими и американскими кораблями. Ну, а что за этим могло последовать, даже думать не хотелось.

Оформив в темпе «держи вора» все необходимые документы, я собрал свой походный рюкзак, захватил неразлучный ноутбук и фотоаппарат, и в понедельник семнадцатого декабря отправился к месту посадки на автобус, который должен был доставить меня и других

представителей СМИ в Усть-Лугу. Именно там нам и предстояло погрузиться на учебное судно ВМФ с революционным названием «Смольный».

Рандеву было назначено у станции метро «Автово», рядом с танком КВ-85, установленным на постаменте в качестве памятника. В блокаду здесь начиналась прифронтовая полоса.

Для меня это место было не просто памятным, но и святым. В нескольких километрах отсюда, у Старо-Паново, в 1943 году получил осколок в живот мой дед по отцу, Тамбовцев Петр Иванович. На следующий день он умер в полевом медсанбате. Похоронили его на Красненском кладбище, которое находилось метрах в двухстах от танка-памятника. Позднее рядом с ним похоронили и мою бабушку, а еще позже — моих родителей. Все они были блокадниками.

Я приехал на метро за час до назначенной встречи. Сходил на кладбище, смахнул снег с памятника, положил на могилы родных цветы. Потом зашел в стоящий рядом с кладбищем храм Казанской иконы Божьей Матери, помолился, заказал сорокоуст по душам усопших и поставил свечку к иконе Николая Чудотворца — покровителя всех странствующих и плавающих по морям. В числе оных с сегодняшнего дня я мог считать и свою скромную персону.

На выходе из церкви я почувствовал, как вдруг защемило сердце. Почему-то подумалось, что сюда мне уже больше никогда не вернуться... Предчувствие — великая вещь, в этом я сумел убедиться в своих командировках. И оно не раз спасало меня от смерти.

У покрашенного в веселый салатный цвет кэвэшки толпилось десятка два человек. Среди них я узнал и своих коллег — журналистов из ГТРК «Звезда». Кое с кем мне уже довелось побывать в местах, где стреляют, взрывают и убивают.

Помимо «акул пера» у постамента танка КВ-85 компактной группой стояли десятка полтора неуловимо похожих друг на друга людей среднего возраста. Хотя они отнюдь не были близнецами. Среди них была симпатичная неяркая блондинка неопределенных лет и сразу же бросавшийся в глаза высокий брюнет с ярко выраженной восточной внешностью — то ли турок, то ли араб, подумал я.

И все равно, общего между этими людьми было гораздо больше, чем различий. Кого же они напоминали? Скорее всего, коллег, но не нынешних собратьев по журналистскому цеху, азартно обсуждающих предстоящую командировку, а тех, с кем довелось работать четверть века назад.

В те годы я, тогда еще тридцатилетний старлей, служил в одной тихой конторе, трехбуквенная аббревиатура которой была известна всему миру. К началу «катастройки» я дослужился до капитана, впереди уже маячили майорские погоны, но... Грянул роковой девяносто первый год, и великой страны не стало. А тому образованию, что возникло на ее месте — какое-то невнятное «эсэнге на палочке» — уже были не нужны такие, как я.

Кто-то из моих бывших коллег подался в начальники коммерческих «служб безопасности», кто-то в бандиты, кто-то в бизнес... А я пошел в журналистику, потому что там, где мне когда-то доводилось работать под другой фамилией, я иногда использовал для прикрытия журналистское удостоверение. Ну, а теперь бейджик с надписью «Пресса» окончательно заменил мне корочки сотрудника ПГУ.

Впрочем, некоторые из моей конторы подались и в президенты. С нынешним я знаком не был (у нас были разные направления), но в детстве мы вполне могли с ним встречаться. Ведь школы — моя и его — находились рядом, да и жили мы на соседних улицах. А в числе моих

одноклассников были и те, кто неплохо знали Вовку с Баскова переулка.

Журналистская карьера у меня, в общем, заладилась. С помощью старых связей мне удавалось попадать в такие места, куда обычным представителям прессы попасть было затруднительно. В основном это были горячие точки. Благодаря оперативным и объективным материалам с мест событий, мое имя достаточно быстро стало широко известно в узких кругах.

Даже в самые мерзкие годы «разгула демократии» я не опускался до откровенных чернухи и заказухи, что было соответствующим образом оценено где надо, и командировки, куда меня направляли, становились все интереснее и интереснее.

Но, несмотря на вполне успешную карьеру, меня не покидала тоска по молодым годам и работе в «конторе»...

Да, кстати, вон с тем подтянутым мужчиной средних лет, с сединой на висках, я уже был знаком. Лет двадцать назад, перед самым августом девяносто первого года, в наш отдел пришел молодой лейтенант... Как же его звали? Кажется, Николай Ильин? Точно, Ильин...

Но — молчок! Машинально погладив свою седую бороду, я скользнул по бывшему коллеге взглядом. Если нам и впрямь по пути, то значит, Николай и по сей день работает в «конторе». Ибо в турпоездку в Сирию сегодня никто уже не ездит. Времени поздороваться и покалякать о делах наших скорбных у нас потом будет предостаточно. Особенно когда вокруг не будет посторонних глаз. Тем более что Николай, встретившись со мной взглядом, чуть заметно кивнул, как бы признавая бывшее знакомство.

В это время от группы московских телевизионщиков меня окликнули:

— Тамбовцев! Александр Васильевич!

Обернувшись, я увидел знакомого мне по командировке на войну «трех восьмерок» телеоператора «Звезды» Андрея Романова. Ну конечно, съемочная группа ВГТРК за аналогичную командировку уже была награждена медалями «За отвагу». Пришло время и парням из «Звезды» зарабатывать награды...

Поздороваться и поговорить с Андреем я так и не успел, потому что именно в это время к танку-памятнику подкатил вместительный «Неотон».

Молчаливые люди в штатском компактно расселись на задних сиденьях автобуса, съемочная же группа «Звезды», забросив в багажник свои кофры и ящики с аппаратурой, шумной компанией разместилась спереди.

Романов подсел ко мне, поставив сумку со своей навороченной камерой на пол в проходе.

— Александр Васильевич, здравствуйте! Какими судьбами?

— Теми же, что и ты, Андрей, — ответил я, поудобнее устраиваясь на мягком сиденье у окна. — Командирован редакцией ИТАР-ТАСС в известную тебе страну для освещения известных тебе событий. И, наверно, хватит пока об этом — еще успеем наговориться в дороге.

Автобус тем временем плавно тронулся с места и покатил по проспекту Стачек в сторону Петергофа. Миновав Красное Село, «Неотон» прибавил скорости. Я задумчиво смотрел в окно, прощаясь с родным городом. Ведь человек предполагает, а Бог располагает. И едем мы не в колхоз «Червоное дышло» брать интервью у знатной доярки Марьи Ивановны о рекордных

надоях, а в далекую страну, где давно уже полыхает война, подогреваемая силами международного терроризма и странами НАТО, и где счет убитым идет на десятки тысяч. Вполне вероятно, что эта гражданская война в самое ближайшее время перерастет в Большую Ближневосточную, если не сразу в Третью мировую. Андрей Романов понял мое настроение и больше не пытался заговорить.

За окном автобуса плыли присыпанные снегом леса. Разговаривать почему-то совершенно не хотелось, даже с хорошим знакомым. Я все смотрел и смотрел в окно, пытаюсь сохранить в памяти картины зимней России.

В Кингисеппе автобус сошел с трассы и повернул в сторону Усть-Луги, где под погрузкой стояло учебное судно «Смольный» Балтийского флота Российской Федерации, на котором мы и должны были отправиться в путешествие.

У причала, кроме нашего автобуса, который привез журналистов и людей в штатском, стояло еще несколько машин и длинный, как песня акына, междугородний автобус MAN. Из него выгружались какие-то люди, в которых опытный глаз мог без напряжения распознать медиков, причем военных. Но для меня все эти наблюдения были излишни, так как среди людей с чемоданами у трапа я снова увидел знакомое лицо.

Игорь Петрович Сергачев, военный хирург, а в далекие шестидесятые — мой школьный товарищ. Последний раз мы виделись с ним в мае этого года, на встрече одноклассников, собравшихся на сорокалетие нашего выпуска.

Именно тогда я прочувствовал то, что ощущают немногие еще живые ветераны Великой Отечественной, собираясь в День Победы — сиротство и горечь потерь. Из тридцати выпускников на встречу в сквер возле нашей школы пришло меньше половины... Иных уж нет, а те далече. Кто-то бесследно затерялся на необъятных просторах СССР, кто-то уехал «на историческую родину», кто-то умер...

Тем временем Игорь, как будто почувствовав, что на него смотрят, обернулся.

— Компаньеро Алехандро, салют! — это было его шуточное приветствие еще со школьных времен.

— Геноссе Игорь, и ты туда же? — мы крепко обнялись и начали расспрашивать друг друга, задавая привычные в таких случаях вопросы: как жизнь, здоровье, как дела. Тем более что посадка, похоже, задерживалась.

— Да вот, знаешь, надо попрактиковаться, пока глаз остер и рука тверда, — Игорь характерным жестом размял пальцы в тонких кожаных перчатках. — А то ведь еще пара лет — и годы возьмут свое...

— Ерунда, Игорек, вон, покойный хирург Федор Углов делал операции на сердце в девяностолетнем возрасте. А насчет здоровья, так ты еще простудишься на наших похоронах, вон какой здоровый! — я хлопнул одноклассника по могучему плечу. — Скажи, ты это какими судьбами оказался здесь?

— Скажу тебе по старой дружбе, только ничего не пиши об этом, — Сергачев оглянулся по сторонам. — Формально мы — мобильный госпиталь МЧС, и едем в Сирию на плавучем госпитале «Енисей» оказывать помощь пострадавшим. Но на самом деле здесь собраны опытные военные медики из госпиталей дивизионного и армейского уровня, причем преимущественно с Северного Кавказа. Большинству моих коллег огнестрельные и осколочные

ранения, контузии и термические ожоги куда более знакомы, чем простуды, мигрени и запоры. Вот как-то так.

— М-да, дружище, спасибо за инсайд, но о чем-то подобном мне уже мысль приходила в голову, — я понизил голос: — Моя «чуйка» шепчет, что едва мы успеем добраться до места назначения, как начнется или очередное «принуждение к миру», или вообще «интернациональная помощь».

— Ладно, Шурик, увидимся еще, а мне пора.

Медики, получив команду, гуськом направились к причалу, где стоял «Енисей».

А на другом причале, у которого стояли два учебных судна Балтфлота — «Смольный» и «Перекоп», — по трапу на борт длинной вереницей поднимались... Нет, не курсанты военно-морских училищ, а офицеры и солдаты-контрактники, навьюченные вещмешками и баулами. «Да, становится все чудесатее и чудесатее, — подумал я. — Похоже, что в командировке мне будет совсем не скучно».

У трапа «Смольного» пограничники тщательно проверили мои документы, заглянув в какие-то свои шпаргалки. Примерно такая же процедура ожидала меня и на самом судне. Вахтенный сверился с длинным свитком, поставил галочку напротив моей фамилии и дал мне ксерокопию со схемой расположения помещений корабля, где птичкой было отмечено мое жилище на время путешествия.

Двухместная каюта была оборудована в спартанском стиле: две койки, столик, рундук и тумбочка. Вскоре пришел и мой сосед. Им оказался телевизионщик Андрей Романов. Бросив свой сидор на койку, я поднялся на верхнюю палубу. Там уже вовсю шли приготовления к выходу в море. Палубная команда отдала швартовые, буксиры отвели «Смольный» от причала, палуба под моими ногами завибрировала.

Дав прощальный гудок, корабль, раздвигая форштевнем ледяное «сало», плавно и величаво двинулся из Лужской губы в Финский залив. На границе российских территориальных вод, где-то на траверзе Усть-Нарвы, к «Колхиде», «Енисею», «Смольному» и «Перекопу» присоединились сторожевой корабль Балтфлота «Ярослав Мудрый» и танкер «Дубна».

Коля Ильин нашел меня почти сразу же после того, как «Смольный» отошел от причала. Да и какой он теперь Коля? Подполковник Службы внешней разведки Российской Федерации Ильин Николай Викторович. Ага, меня уже переплюнул, салага! Но теперь назвать его так язык не повернется. В самом деле: он вполне солидный мужчина и, с его слов, имеет взрослого сына, который служит офицером в морской пехоте, и дочь-красавицу на выданье.

Мы спрятались с ним от посторонних глаз на корме, под навесом надстройки, где можно было хоть немного защититься от пронзительного холодного ветра, но не от вездесущей морозной сырости. Насколько я знаю своих бывших коллег, на эту встречу Николаю было необходимо получить разрешение от командира группы. Тем более что о моем присутствии на «Смольном» ребятам из «конторы» было, скорее всего, известно заранее. В одном «богоугодном заведении» на меня давно уже собрано досье, пожалуй, потолще, чем бюджетное послание министра финансов Госдуме. Но раз он все-таки пришел, то это значит, что карты легли как надо.

Мы стояли — он покуривал трубку, а я уже лет двадцать, как бросил эту пагубную привычку — и разговаривали вроде бы ни о чем. А в голове крутилась только одна мысль. Сам факт нахождения моих бывших коллег на борту корабля, идущего в Сирию, «Смольный» и «Перекоп», превращенные в военные транспорты и набитые офицерами и солдатами, — все

говорило о том, что игры в войну с условным противником закончились и вот-вот пойдет такая пьянка, что последнему огурцу явно не поздоровится. А пока мы рассматривали наш эскорт.

— Серьезный парниша, — кивнул в сторону хищного силуэта сторожевика Николай, — без него нам в Балтике было бы не совсем уютно. Эстов с прочими гордыми шпротоедами наши «партнеры» так накачали, что они просто на ушах стоят.

— Ну, эсты — это известные американские прилипалы, — я плотнее запахнул куртку. — Но в любом случае, знаешь, с этой командировкой я вдруг почувствовал себя, как когда-то в добрые старые времена моей работы в «конторе». Уж больно все быстро произошло, в стиле, типа, «пятнадцать минут на сборы».

Николай пожал плечами:

— Да и я еще вчера утром был не в курсе ни сном ни духом, хотя ты сам знаешь нашу «богадельню»: «Достать луну с неба к завтраму», — или: «Закат солнца вручную»...

— Ну так ведь и доставали же, и закатывали... — вздохнул я. — Вот были времена...

— И небо было голубее, и солнце ярче, и девушки красивее, и мы моложе... — Николай мотнул головой. — Ну, да хватит пессимизма. Васильевич, расскажи-ка лучше немного о себе. Ведь, считай, двадцать лет не виделись?

Я грустно усмехнулся:

— И как будто вы меня перед встречей по своим базам не пробили? Я ведь, Коля, может, и постарел, но отнюдь не поглупел. Знаешь ведь, что тружусь все двадцать лет корреспондентом в питерском отделении ИТАР-ТАСС. И в этом качестве повидал и Крым и рым, и попову грушу, и даже его дочку... Сначала, при Борьке-козле, совсем мерзко было, так что и жить не хотелось. Потом полегчало чуток. В декабре 1994 года чуть не ухлопали меня в Грозном во время Первой чеченской, потом в Югославии был в 1999 году, вместе с парнями Евкурова на Слатину шел. В 2000 году — Вторая чеченская, потом Ирак, потом Цхинвал, в известном тебе августе.

До сих пор душа болит, как тогда мы облажались. До Тбилиси рукой подать осталось, грызуны бегут быстрее своего визга, гарнизоны брошены, оружие горами на складах, все канавы забиты брошенным натовским армейским барахлом... Ну, что тебе рассказывать — ты и сам все видел, — я подмигнул своему собеседнику: — У меня ведь тоже есть свои источники информации... И тут команда: «Стоп!» Айфоныч, видать, просто струсил. А Цхинвал? Этого выкидыша Мишико надо было не галстукон кормить, а на том самом галстукон повесить за «фаберже». Тем более что наш бывший коллега это пообещал, а он, сам знаешь, умеет держать обещания.

Эх, ладно, кто видел — не забудет, а кто не видел — не поймет. Потом, после восьмого года, командировочки были так, по мелочи — испытания техники да учения... И вот теперь снова — Сирия.

— Сирия, Васильевич, это серьезно... — Коля оглянулся по сторонам. — Так сказать, не для печати... Где-то с месяц назад наши вдруг зашевелились по этому вопросу... А уж после визита Путина в Турцию все забегали, как наскипидаренные...

— Это когда Лавров руку то ли сломал, то ли растянул? — улыбнулся я. — Помню, помню, как же... Та еще была история! Не прониклись, значит, турки словесным внушениям,

воспоминания об оттоманской славе в голову ударили?

— Как-то так, Васильевич, но это тема из тех, что имеют гриф «совершенно секретно, перед прочтением сжечь», — Коля опять обернулся. — Но, в общем, ты прав.

— Имеющий уши да услышит, имеющий глаза да увидит, имеющий язык да скажет, а имеющий мозги да поймет... — я тяжело вздохнул. — На дипломатическом фронте в последнее время по этому вопросу наше стойкое «нет» начало переходить в простонародное «на...», «в...» и «к...». И наш совместный поход к теплым берегам только подтверждает этот вывод. Уже, считай, почти семьдесят лет не было такого, чтоб журналистов награждали боевыми орденами и медалями... Ты слышал, что вся группа ВГТРК, что работала в Сирии до нас, представлена к медали «За отвагу»?

Коля задумался.

— Не только представлена, но и награждена... Я слышал только про эту журналистку... как ее... Анастасию Попову. Но ты прав, Васильевич, это война.

— Поверь мне, в представлении оказалась вся группа, даже те, кто в кадр никогда не попадал. — Я зябко передернул плечами, когда очередной порыв студеного ветра с Балтики пронесся по палубе. — Было бы это не наше дело, то при первой опасности их просто вывели бы оттуда и не стали бы рисковать. А насчет войны ты прав, и для каждого это будет своя война. Для меня и ребят из «Звезды» — информационная, для вас, разведки, — интеллектуальная и военно-политическая. А возможно, кому-то из коллег придется повоевать в самом изначальном смысле этого слова. Вон в тех контейнерах на палубе «Колхиды», к примеру, явно не подарки от Санта-Клауса везут. И в трюме тоже... По осадке видно, что корабль загружен до упора...

— Да, Васильевич, не потерял ты хватки, не потерял... — покачал головой Николай. — Правильно говорят, что мастерство не пропьешь. Не ушел бы тогда от нас, сейчас бы тебе цены не было.

— Если бы сам не ушел, меня бы все равно ушли. Да и какая тут хватка, Коля? — отмахнулся я. — Все просто, как комбинация из трех пальцев. В воздухе пахнет грозой, и собаки воют, а у меня, у старого, остатки волос на голове дыбом встают. Эта Сирия сейчас — как Испания в тридцатых. После нее вся эта банда снова напрямик к нам в гости зайвится. Чем больше мы там этих уродов намолотим, тем легче будет потом. Ты же знаешь, что в Сирию вся нечисть из Чечни, Таджикистана и прочих веселых мест сбежалась. Да и турецкую борзость обломать надо. Эрдоган и Гюль, они ведь не просто так на Сирию зубы точат. У нас вот Союз хотят возродить, ну или Российскую империю — не суть важно. А туркам мечта об Оттоманской Порте спать не дает, у арабов-саудитов — о халифате времен Карла Великого. И для всех эта война как свет в окошке. И для нас она тоже многое значит. Победим на внешнем рубеже — и будет нам счастье, новоявленные Хоттабычи все полягут в сирийскую землю, и ни до Кавказа с Поволжьем, ни до Средней Азии не доберутся. Впрочем, мы еще поговорим с тобой на эту тему... — Я подошел к борту и, облокотившись на поручни, стал смотреть на бегущую внизу воду. — Знаешь, Коля, если будет надо — вернусь в «контору»! Только ведь мы, журналисты, тоже нужны Родине, и у нас своя война...

— А вот тут ты прав, Васильич, — Николай облокотился на поручни рядом со мной, — не будет таких, как ты — все заполнят либеральные шавки из «средств массовой дезинформации». Чистая отравка. Ты делай свое дело, мы будем делать свое. Я тут в ближайшее время тебя с одним человечком познакомлю, вам интересно будет, это я тебе гарантирую. Смежник он. Мы

негодяев находим, а он их в лучший мир отправляет. Но только, чур, без имен и подробностей...

— Группа «А»? — заинтересовался я.

— Нет, он из другого ведомства, — Коля замялся, — ну, ты понимаешь?

— «Летучий мыш»? — Коля кивнул, и я, по старой привычке, присвистнул: — Серьезно!

— Ну ладно, Васильевич, свидимся! — подполковник Ильин пожал мне руку. — А сейчас мне пора, извини — дела!

Он ушел, а я остался рассматривать волны, рассекаемые форштевнем нашего корабля, и размышлять о превратностях судьбы, которые совершенно неожиданно сводят и разводят людей.

18 декабря 2012 года, Балтийское море, восемьдесят миль северо-западнее Балтийска.

Утреннее солнце разогнало туман, и по левому борту в его радужном ореоле показались идущие с юго-востока два больших десантных корабля 775-го проекта, «Калининград» и «Александр Шабалин». И морской буксир, кажется, СБ-921, который на фоне «больших парней» выглядел несколько забавно.

После объединения наш отряд смотрелся солидно, тем более что на «Смольном» поговаривали о том, что до Скагеррака нас скрытно сопровождают одна или две подлодки «Варшавянки».

Вспомнился вчерашний курьезный случай. Вечером, когда мы аккуратно огибали северную оконечность острова Хиумаа, к нам подвалило занюханное суденышко под эстонским военно-морским флагом. Это был катерок со смешным названием «Suuor», наши мореманы-шутники сразу же окрестили его «Сиропом».

Я заглянул в свои шпаргалки в ноутбуке и узнал, что сие плавсредство почти мой ровесник — во всяком случае, в 1957 году оно уже числилось в составе ВМС Финляндии. В 1999 году катер этот финны подлатали и сбагрили «мааленькоой, но гоордоой» стране. Вооружен «Сироп» был спаренной советской малокалиберной пушкой ЗУ-23-2 и двумя реактивными бомбометами полувековой давности. Забавно было смотреть на этот недомерок: длина катера — тридцать четыре метра, водоизмещение — сто десять тонн. Это две железнодорожные цистерны, экипаж — шестнадцать человек.

Однако «дредноут эстонского разлива» крутился вокруг нашего каравана, провоцируя столкновение с одним из российских судов. Стоящий на палубе шкипер этой посудины с помощью рупора на ломаном русском языке поинтересовался нашим курсом, грузом и пунктом назначения. Вахтенный «Смольного» вместо ответа показал любознательному эстонцу интернациональную фигуру, составленную из ребра ладони правой руки и предплечья левой.

В конце концов капитану нашего каравана надоело любоваться на эстонские экзерциции, и он приказал прибавить ходу. Несмотря на обозначенные в справочнике пятнадцать узлов, «Сироп» явно до них не дотягивал. Вот он в очередной раз, практически впритирку, прошел у борта идущей впереди нас «Колхиды», собрав в свой адрес солидную порцию матюгов. А корабельный кок вылил на голову командира «Сиропчика» ведро помоев из камбуза. Мы обошли болтающийся на волнах, как некая субстанция в проруби, флагманский корабль

«непобедимого эстонского флота», и он вскоре растаял за горизонтом.

А на рассвете, часа полтора назад, случилось еще одно происшествие... С юга, со стороны Калининграда, прилетел вертолет Ми-8. Зависнув над кормовой частью «Смольного», он сбросил веревочный трап, по которому на палубу спустились человек шесть, внешность которых говорила сама за себя. Это были «спецы», скорее всего, «из племени ГРУ», и их «тотемом» была летучая мышь, парящая над земным шаром. Встречали их Коля Ильин и его начальница, полковник Антонова Нина Викторовна. Похоже, что прибыла обещанная Колей опергруппа, и один из новых пассажиров — тот самый полковник «Славян», о котором я уже был немало наслышан. Да и сам когда-то с ним пересекался при весьма драматических обстоятельствах.

Примерно то же время, внешний рейд Североморска, центральный командный пункт ТАКР «Адмирал Кузнецов».

— Товарищи офицеры, — контр-адмирал Ларионов обвел взглядом собравшихся, — получен приказ: выйти в море на усиление группы кораблей, возглавляемой БПК «Североморск». По расчетам штаба флота, мы должны встретиться с ними на траверзе Тронхейма. Дальнейший курс — в Средиземное море, куда вышли уже отряды кораблей с Балтики и Черного моря. Задачу по прибытии на место поставит лично президент. Вместе с «Адмиралом Кузнецовым» для проведения операции штабом ВМФ направлен эсминец «Адмирал Ушаков». Командиру БЧ-6 приготовиться для приема отдельной специальной вертолетной эскадрильи гвардии майора Смирнова, позывной — «Борей». Эскадрилья укомплектована ударными вертолетами: четырьмя Ка-52, четырьмя Ми-28 и восемью транспортно-боевыми вертолетами Ка-29. Сразу после посадки всю технику убрать в ангар. Вместе с эскадрилейой прибудет отдельная разведрота специального назначения под командованием гвардии майора Гордеева. Получено указание — контакты команды с личным составом спецроты свести к минимуму. Ответственный — начальник особого отдела капитан 2-го ранга Иванцов.

— Антон Иванович, — обратился адмирал к командиру «Адмирала Кузнецова» капитану 1-го ранга Андрееву, — выделите им изолированное помещение, а также обеспечьте максимальный уровень секретности. Эскадрилья прибудет тремя группами. Первая — восемь Ка-29 с десантом; вторая — четыре Ка-52; и самой последней прилетит группа из четырех Ми-28Н и двух транспортных Ми-8, которые доставят технический состав эскадрильи и ЗИПы к ударным вертолетам. Группы прибудут с интервалом в сорок пять минут. После разгрузки Ми-8 вылетят обратно в пункт постоянной дислокации Североморск-1. Все всем понятно?

— Товарищ контр-адмирал, это война?! — с тревогой в голосе спросил командир «Адмирала Кузнецова».

— Пока нет, Антон Иванович, и, надеюсь, все обойдется без применения оружия, — ответил контр-адмирал. — В том смысле, что не ожидаются боевые действия против наших «заклятых друзей». Их уже спугнули наши коллеги черноморцы, и американская эскадра покинула восточное Средиземноморье. Теперь их никакими пряниками не заманить на расстояние стрельбы ракетного комплекса «Вулкан» с крейсера «Москва». А узнав про нас, они отойдут еще дальше. Таким образом, возможно «принуждение к миру» турецких отморожков. Но это если господа Гюль с Эрдоганом не проникнутся трепетом от самого факта наличия нашей группировки рядом с их побережьем. Товарищи офицеры, приказ понятен?

Офицеры молча кивнули.

— Если так, то исполняйте! Еще раз обращаю внимание на соблюдение строжайших мер секретности. О нашем походе, точнее, о том, куда мы направляемся, и что у нас будет на борту, никто, кроме вас, знать не должен. К болтунам будут приняты строжайшие меры — вплоть до... ну, вы понимаете... Антон Иванович, обеспечьте передачу приказа о суточной готовности к выходу в дальний поход на «Ушаков». Если нет вопросов, то все свободны! А вот вас, капитан 3-го ранга Максютя, я попрошу остаться, — в стиле «папы Мюллера», остановил адмирал уже собравшегося покинуть помещение начальника БЧ-6.

— Александр Иванович, — Ларионов доверительно обратился к Максютя, — у нас будет проходить испытание техника, которая предназначена для оснащения авиакрыльев первых двух кораблей-доков типа «Мистраль». Пока они строятся во Франции, и наше командование решило определиться, нужны ли нам эти французские «поросята», и чем их кормить. После недавних событий на самом верху, опять возникли, ну скажем так, сомнения. Поэтому на вас ложится ответственность подтвердить или опровергнуть эти сомнения в обстановке похода, максимально приближенной к боевой. К сожалению, наша промышленность в очередной раз подвела, так что Ка-52 будут не корабельной версии. А палубных Ми-28Н пока не существует даже в проекте. В общем, легкой жизни я вам не обещаю.

Меньше всего хлопот будет, как мне кажется, с серийными Ка-29 из 830-го полка. Сразу после прибытия уберите их в ангар. Обслуживать серийную технику в походе будут их и ваши авиаспециалисты. Надеюсь, что Ка-29 не так сильно отличаются от привычной вашим орлам модели Ка-27?

Максютя кивнул.

— Вот и хорошо! Теперь по ударным вертолетам. Вместе с ними придут технические специалисты из 340-го центра, старший — майор Голованов. Будьте добры, окажите им всю необходимую помощь. До самого конца похода вам придется работать вместе. Понятно?

— Так точно, товарищ контр-адмирал.

— Все, товарищ капитан 3-го ранга, можете идти, я вас больше не задерживаю.

Еще минута — и контр-адмирал Ларионов, оставшись один, погрузился в размышления — чем же все-таки может кончиться для него вся эта история: карьерным взлетом или кровавой заварушкой, по сравнению с которой война «трех восьмерок» покажется детской возней в песочнице? Размышляй не размышляй, но все равно для него, как для военного, существует только одно — то, что в свое время произнес римский император-философ Марк Аврелий: «Делай что должен, и будь что будет».

Во тьме полярной ночи вокруг кораблей, назначенных в поход, закипела работа. Пополнялись до максимума запасы судового и авиационного топлива, до штатных величин загружались запасы авиационных боеприпасов на «Кузнецове», благо что и истребители-бомбардировщики Су-33 и ударные вертолеты Ка-52 и Ми-28Н могли использовать одни и те же типы боеприпасов. А где-то после условного полудня на палубе «Адмирала Кузнецова» зажглись посадочные огни. Со стороны аэродрома Североморск-1, пробиваясь через морозную дымку огнями посадочных фар, приближалась первая группа из восьми десантных вертолетов Ка-29. К совершившим посадку «вертушкам» подскочили техники. Надо было срочно убрать их в ангары — уже была на подходе вторая волна из четырех ударных машин Ка-52.

С прилетевших вертолетов на палубу шустро начали выбираться люди с высокими рейдовыми рюкзаками за спиной. Они подхватили ящики и свертки с чем-то, чего посторонним видеть

было не обязательно, и, сопровождаемые капитаном 2-го ранга Иванцовым, как-то незаметно растаяли в лабиринте коридоров «Адмирала Кузнецова». Словно их и не было вообще. Конечно, они не будут сидеть взаперти весь поход, но в дальнейшем они будут появляться на палубе и среди команды только одетыми в обычную для «Адмирала Кузнецова» форму. Со стороны ни один нескромный взгляд не должен увидеть, что на авианесущем крейсере свили временное пристанище воины «из племени летучих мышей».

Не успели техники убрать в ангар последний Ка-29, как на посадку зашел первый Ка-52. С этими машинами возни было побольше, ибо из-за невозможности сложить лопасти их соосных винтов, «вертушки» вписывались в габариты самолетоподъемника с допусками плюс минус пять сантиметров. Но голь на выдумки хитра: рулетка, мел, банка с краской — и вот, на самолетоподъемнике уже нанесена разметка, указывающая, какое положение на палубе должно занимать шасси «Аллигатора», чтобы операция спуска или подъема прошла успешно. Помучившись немного с первой машиной, остальные три опустили в ангары «Адмирала Кузнецова» почти в штатном режиме.

А над кораблем уже повисли «Ночные охотники»... Следом за ними на палубу опустили два Ми-8, из которых местные техники и прилетевшие на «мишках» специалисты стали выгружать на палубу разнообразные ящики и коробки с запчастями.

Через полчаса, мигнув на прощание проблесковыми огнями, Ми-8 поднялись в воздух и удалились в сторону родной авиабазы. А техники «Адмирала Кузнецова» принялись проделывать над Ми-28Н странную «косметическую процедуру». С ротора винта через одну снимали лопасти. Оставшуюся единственную фиксировали к кормовой балке. «Подстриженный» вертолет откатывали к самолетоподъемнику. Сноровка и слаженность, с которой все это было проделано, подсказали капитану 3-го ранга Максюту, что люди майора Голованова не первый раз подобным образом доводят до нужной кондиции свои машины, и что подготовка к операции началась далеко не вчера.

При ближайшем знакомстве с Ми-28Н Максюту удивило то, насколько прост в обслуживании и неприхотлив этот компактный и красивый вертолет, насколько в нем меньше, по сравнению с Ка-27, точек смазки и узлов, подлежащих пред- и послеполетному облуживанию. Максюта просто влюбился в эту машину. Это как после «Запорожца» сразу пересесть на «Вольво».

За хлопотами незаметно приблизился час «Ч». Прозвучали команды «с якоря сниматься» и «малый вперед». Тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов» и эсминец «Адмирал Ушаков», набрав ход, отправились в поход.

19 декабря 2012 года, Балтийское море, на подходе к Копенгагену, учебное судно «Смольный».

На следующий день после рандеву с десантными кораблями и прибытия группы спецназовцев, в каюту ко мне заглянул Коля Ильин. После пары ничего не значащих фраз мне было предложено встретиться с одной дамой. Вскоре выяснилось, что «дамой» подполковник Ильин называет своего командира, то есть командиршу, полковника СВР Нину Викторовну Антонову.

Нина Викторовна ждала меня под тем самым навесом на корме, где мы разговаривали с Колей в первый день. Стояла типично европейская зимняя погода, то есть около нуля, и порывистый ветер бросал горстями мокрый снег пополам с дождем. Мерзость, однако. Сама Нина Викторовна, в отличие от погоды, выглядела вполне привлекательно. Несмотря на то что ей уже перевалило за полтинник, не было видно ни морщин, ни лишних складок. Да и фигура

вполне спортивная и подтянутая. На первый взгляд ей можно было дать не более сорока лет.

— Не встречались ли мы раньше, — поинтересовалась Антонова после взаимных приветствий, — где-то я вас уже видала?

Да, полковник Антонова замечательно косит под дурочку — не помнит она, как же... Такое не забывается...

Я вспомнил август 2008 года, кажется, десятое число. Окраина Цхинвала, и на этой окраине мы, журналисты ИТАР-ТАСС, и съемочная группа ВГТРК. Словом, все как в стихах Константина Симонова про нас, военных журналистов:

...На пикапе драном
И с одним наганом
Первыми въезжали в города...

Только в отличие от Симонова, у нас даже и нагана не было — не положено. Наши только-только вошли в город, и тут «галстукоеды» контратаковали — батальоном на неполную роту, к тому же сборную солянку с бору по сосенке: тут и пехота, и связисты, и тыловики.

Там я ее и увидел — в черной спецназовской футболке и в бронеке, черные волосы с проседью собраны в пучок на затылке... Еще при ней были «спецы», то ли четверо, то ли пятеро. Обращались они к ней почтительно, исключительно «товарищ подполковник»... Она же палила из «калашника», рычала, отплевываясь от пыли, и материлась как извозчик... Наши ребята держались, но мы понимали, что, пользуясь численным преимуществом, противник в конце концов задавит нас.

Все, к счастью, обошлось. В тыл грузинскому воинству ударила рота чеченского батальона «Восток». Джигиты в российском камуфляже, но с черными вайнахскими шапочками, резво высыпали из потрепанных БМП-1, разрисованных надписями «Ямадаевцы», «Чечня» и «Мага». Раздался воинственный клич: «Аллах Акбар!» — и... Дальше было, как у Михаила Юрьевича Лермонтова: «Недолго продолжался бой: Бежали робкие грузины!..» Храбрые «витязи в драном натовском камуфляже» резво бросились бежать, да так, что даже на бэтээре их трудно было догнать. Некоторые прикинулись ветошью, продемонстрировав при этом рекорд скорости опорожнения кишечника и мочевого пузыря.

Да, такое не забывается... Так что придется напомнить «матери-командирше», причем предельно тактично.

— Товарищ Антонова... Нина Викторовна, мы с вами действительно виделись, правда, мельком, в Цхинвале, в августе 2008 года. Вы тогда были в звании подполковника. Помните, десятого августа, после боя корреспондент ИТАР-ТАСС берет интервью у ротного из батальона «Восток». Колоритный, матерый такой волчара, с рыжей бородой до пояса. А вы почти не изменились. Скажу честно, военная форма вам весьма к лицу.

Полковник Антонова опустила глаза — ага, вспомнила! Или делает вид, что вспомнила.

— Да, я тогда была при штабе группировки. А вы — в пресс-группе российских СМИ.

Я подумал про себя: «Вот скромница! Ну да, при штабе — в самом пекле она была». Но озвучивать мысли не стал и изобразил на лице понимающую улыбку:

— Точно так и было. Правда, поговорить мне с вами толком тогда не получилось. Я с

передовыми частями отправился в сторону Гори и Тбилиси. Но героическая грузинская армия драпала так быстро, что мы их так и не сумели догнать. Ну, а вы?..

Полковник Антонова задумчиво посмотрела в сторону моря, будто что-то вспоминая:

— А моя дорога лежала в другую сторону, сначала в Зугдиди, а потом в Поты.

Тут я вспомнил одно загадочное происшествие, кажется, случилось оно двенадцатого августа.

— Американские «хаммеры» с секретной аппаратурой связи — это ваша работа?

— Знаете, Александр Васильевич, мне в тех благословенных краях пришлось увидеть много интересного, — полковник Антонова ловко ушла от ответа.

— Наверное, вы решили встретиться со мной не для приятных воспоминаний о былых славных делах и походах? — осторожно поинтересовался я. — Товарищ полковник, я вас внимательно слушаю.

— Нет, Александр Васильевич, кто старое помянет, тому...

«Вот, она еще и острить пытается!» — подумал я.

— Я бы хотела побеседовать с вами о цели нашей операции. А также о ее объективном освещении в прессе. Поскольку вы *наш* человек, то я считаю целесообразным посвятить вас в некоторые ее детали, с целью более эффективного информационного сопровождения операции.

Я пожал плечами:

— Речь идет о Сирии? К сожалению, я так и не смог побывать в этой стране. Был в Ливане, Турции, а вот в Сирии пока как-то не довелось.

— Ну, это не так уж и важно, — отмахнулась Антонова. — Вы журналист. Ваша профессия в чем-то сродни нашей. Как и разведчик, вы ищете информацию, анализируете ее. А потом, из увиденного и услышанного вами, пытаетесь создать нечто единое, цельное. Помимо всего прочего, журналисты иногда умудряются сунуть свой нос туда, куда не удастся сунуть разведчику. Но я не о Сирии хочу поговорить с вами, а о Турции. Ведь во время ваших визитов вы проводили все свободное время не на пляжах Анталы, а посещали совсем другие уголки этой страны.

«Да, „контора“ работать не разучилась... — подумал я. — Впрочем, если бы они этого не знали, я бы весьма расстроился непрофессионализму своих бывших коллег...» — и уже вслух:

— Итак, с чего начнем?

— Не секрет, что Турция — это ключевой игрок на сирийской «шахматной доске». Без нее Башир Асад давно бы помножил на ноль всех мятежников. Но чего добивается Турция? Отделения от Сирии еще одного куска территории? Ведь территориальные дразги между Сирией и Турцией начались не сегодня, и даже не вчера.

— Да, Сирия никогда не забудет то, что в конце тридцатых Франция передала Турции часть сирийской территории — Александреттский санджак, Искендерун. Сирия, естественно, с такой перекройкой ее территории не согласилась. Эта тема продолжала и продолжает быть камнем преткновения в отношениях между Турцией и Сирией. Искендерун, как удобный порт на

Средиземном море и место слияния трех рек, имеет для Сирии стратегическое значение.

— Вижу, что владеете информацией, — улыбнулась Нина Викторовна. — Но до сего времени эти территориальные споры как-то обходились без применения силы. Что же, по-вашему, стало причиной обострения нынешней обстановки?

— Я полагаю, что нынешнее правительство Турции проводит политику ползучей османизации. Дело в том, что где-то в конце девяностых Турция, после череды военных переворотов, окончательно похоронила идеи отца турецкой революции Кемаля Ататюрка. Он мечтал о Турции свободной, независимой, светской, порвавшей с идеологией Османской империи.

Но 1990 год оказался роковым для турецкой экономики. Стало очевидно, что потеряны десятилетия. Синонимом экономической реформы тех лет стала дикая приватизация и либерализация, безработица, остановка работы многих предприятий, уменьшение государственных дотаций в образование. И все в согласии с вводными, которые давал Турции МВФ. Это-то привело к ухудшению ситуации в социальной сфере и массового недовольства среди населения. Власть оказалась неспособна бороться с обнищанием, и тем самым были созданы условия для создания исламистских партий. И они были созданы. В качестве идеологической платформы исламисты взяли идею неоосманизма, или неооттоманизма. Тогдашний министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу на съезде своей Партии мира и развития заявил... — я заглянул в свою записную книжку: «Мы — неооттоманисты. Мы вынуждены заниматься соседями и другими странами, включая и Африку».

Неоосманисты предлагают «великий проект»: Турция хочет преодолеть status quo и превратиться в мощную региональную державу, которая будет претендовать на особую роль в отношениях со странами «османского наследия». Неоосманисты считают, что турки несут историческую ответственность за это пространство и обязаны играть в нем особую роль. Например, обеспечить создание некоего подобия Османского экономического пространства по образцу общего рынка. В это пространство, по мнению неоосманистов, войдут страны, входившие в состав Османской империи. Неоосманисты уже заговорили о формировании общетурецкого дома «от Адриатики до Тихого океана» — не слабый размах у господ турок?

— Все правильно! — сказала внимательно слушавшая меня полковник Антонова. — Но вы не отметили еще один немаловажный момент: турецкие неоосманы — можно я так буду называть для краткости? — уже начали делить народы на «первостепенные» и «второстепенные». Вам ничего это не напоминает?

— Напоминает. И очень даже получают интересные параллели. Я записал еще одно интересное высказывание турецкого аналитика, похоже, вашего, Нина Викторовна, коллеги. Он заявил буквально следующее: «Неоосманизм исходит из того факта, что Турция — региональная суперсила. Ее стратегическое положение и культура распространены в географических пределах Османской и Византийской империй. Согласно этому, Турция, как ключевая держава, обязана играть весьма активную дипломатическую и политическую роль в большом регионе, центром которого она является». Согласно доктрине, указаны следующие регионы — «второразрядные народы» — которые должны войти в зону турецкого влияния: балканские страны — Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Сербия без Воеводины, Македония и Молдавия; затем Кавказ — Азербайджан, Абхазия и Грузия; Украина, особенно Крым, Ближний Восток и некоторые центральноазиатские державы. Таким образом, турки не ограничатся только Сирией. Под их прицелом и наши северо-кавказские республики, и даже, возможно, Поволжье.

Полковник Антонова окинула меня пристальным взглядом:

— Наши аналитики дают примерно тот же расклад, только чуть подробнее. Теперь вы понимаете, Александр Васильевич, зачем мы отправились в это путешествие?

— Понимаю, Нина Викторовна, — я решил проявить толику профессиональной наглости: — Я даже понимаю, при чем тут ваши смежники и некий полковник Славян. Думаю, что в скором времени в турецкой прессе будут опубликованы некрологи погибших в различных авто- и прочих катастрофах людей, планирующих и руководящих операциями турецких спецслужб против Сирии. В общем, я все прекрасно понимаю, согласен с таким решением и буду готовить свои репортажи с учетом предоставленной вами информации.

— Тогда, Александр Васильевич, на этом я закончу нашу сегодняшнюю беседу, и, если вас не затруднит, по старой дружбе, поговорите с коллегами с телеканала «Звезда». Они ведь тоже должны правильно понимать происходящее и работать в интересах России.

19 декабря 2012 года, Балтийское море, борт учебного судна «Смольный», на траверзе Копенгагена.

О беседе со мной полковник Антонова, похоже, рассказала своим коллегам из ГРУ. Я сделал вывод об этом потому, что через пару часов после нашего плодотворного общения с Ниной Викторовной ко мне подошел все тот же Коля Ильин и официально пригласил меня на встречу с полковником ГРУ Вячеславом Николаевичем Бережным, известным в узких кругах под псевдонимом «Славян». Собственно, о самом полковнике Бережном знал еще более узкий круг лиц, в который допустили и мою скромную персону. Что-то милейший Колюня темнит. Видно, что задумана какая-то операция, в которой информационная составляющая предназначена лично мне. Ох, не зря в эту командировку отправили именно меня и никого другого, ох не зря!

Встреча произошла в уже привычном для бесед со мной месте. Похоже, что ребята из спецслужб оборудовали здесь своего рода «подиум», снабдив его соответствующей аппаратурой. Я полагаю, что все беседы со мной записываются, а потом тщательно изучаются, с анализом всех нюансов разговора. Мне ли не знать, как много интересного можно уловить при спокойном и неторопливом повторном прослушивании состоявшейся беседы. Ну и хрен с ними, пусть пишут, мне не привыкать, да и скрывать от них нечего.

Полковник Бережной внешне был неприметным мужчиной лет сорока пяти (позже я узнал, что ему исполнилось сорок восемь). Среднего роста, худощавый, с лицом, покорябанным мелкими шрамами, он держался уверенно и ровно. По точным и спокойным жестам и властному выражению лица сразу чувствовалось, что этот человек привык, и самое главное — умеет командовать. Даже дорогой шерстяной костюм смотрелся на нем как офицерский китель. Так и хотелось увидеть на нем погоны с тремя большими звездами.

— День добрый, Александр Васильевич, — приветствовал он меня, вежливо наклонив голову с аккуратным пробормотом.

— Добрый день, Вячеслав Николаевич, — я пожал его руку. — Чем обязан вашему вниманию к моей скромной персоне?

— Моя очаровательная коллега, Нина Викторовна, рассказала мне, что вы весьма лестно отзывались обо мне, — без улыбки произнес «Славян», — а разве мы уже с вами встречались?

— Встречались, Вячеслав Николаевич, восемнадцать лет назад. Вспомните новогодний штурм Грозного 31 декабря 1994 года. Я вошел в город на броне 131-й Майкопской мотострелковой

бригады. До центра мы добрались практически без стрельбы. Слава богу, увлекшись съемками города и входящей в него техники, я не успел вместе с основными силами бригады оказаться в районе железнодорожного вокзала, где 131-ю бригаду и 81-й гвардейский полк окружили чеченцы. В суматохе уличных боев я забился в какой-то закуток и, прижав к груди сумку с фотоаппаратом и диктофоном, наблюдал, как всего в десяти метрах от меня падает подожженная «чехами» БМП, тлеет ватный бушлат на убитом солдатике, а по улице бродят увешанные оружием чеченцы, добывая раненых.

Я недолго сидел в своем укрытии. Какой-то «бача» с двустволкой нашел меня и поднял истошный крик. Прибежавшие на его вопли автоматчики выволокли меня на свет божий. Спасла принадлежность к пишущей братии — тогда чеченцы предпочитали с ходу не резать глотки журналистам, дабы не портить свой имидж борцов за свободу и независимость. Меня повели в штаб Масхадова, который командовал обороной Президентского дворца.

Там мне и был бы кирдык. Ведь позднее я узнал, что в списках, составленных нашими иудами и переданных чеченцам, я числился как бывший сотрудник ПГУ. Живым из штаба Масхадова я вряд ли бы вышел. Спасли меня ребята из ГРУ, которыми командовал один лихой майор, очень похожий на вас, Вячеслав Николаевич. Они тихо и деловито завалили моих сопровождающих и вывели окольными путями к Консервному заводу, где закрепилась группировка 8-го корпуса генерала Льва Рохлина.

— Ах, вот оно что, — полковник улыбнулся, удивительным образом помолодев на двадцать лет. — Да, помню те дни. И вас, Александр Васильевич, тоже вспоминаю. Никогда не забуду, как мы сидели на мусульманском кладбище, куда «чехи» свозили своих убитых. Их было столько, что живые не успевали рыть могилы, и трупы просто сваливали в кучу. Ночью на кладбище сбегались бродячие собаки и рвали саваны трупов, чтобы отведать человечины... Я потом долго еще вздрагивал, услышав звук раздергиваемого белья, которое моя жена в морозный день приносила с улицы.

— Ох, Вячеслав Николаевич, досталось нам тогда по полной. Я потом ходил на зачистки с бойцами из питерского СОБРа. Много чего довелось повидать... Но давайте вернемся к нашим баранам. Кстати, сейчас мы проходим мимо одного примечательного места...

— Это вы о Копенгагене? Красивый город, дворец там симпатичный, Амалиенбург называется, памятник Русалочке еще... А что вас там так заинтересовало?

— Здесь родилась «политика канонерок». Не в Агадире в 1911 году, а здесь, в Копенгагене, в 1801 году. Тогда британский премьер-министр Аддингтон обратился к Дании с наглой нотой, в которой потребовал немедленно открыть датские порты для англичан. Наследный принц датский Фредерик в ответ заявил англам, что сумеет отразить силу силой. Узнав об этом, одноглазый и однорукий адмирал Нельсон с радостью отплыл из Плимута громить датский флот. Формально эскадру возглавлял старый адмирал Паркер, смертельно боявшийся темных ночей и льдов Балтийского моря. Когда два из дюжины кораблей Нельсона сели на мель, а остальные оказались под градом картечи из орудий форта, прикрывавшего Копенгаген, и датских плавучих батарей, Паркер приказал поднять сигнал о прекращении сражения. «Прекратить бой? — заорал Нельсон. — Будь я проклят, если подчинюсь приказу!» — и, приставив подозрную трубу к пустой глазнице, сказал своему помощнику: «Уверяю вас, я не вижу никакого сигнала».

Датчане мужественно защищались, но их плавбатареи вышли из строя. Пламя с них угрожало перекинуться и на корабли англичан. Тогда Нельсон нашел выход. Он составил под гром пушек обращение к датчанам: «Если пальба из города будет продолжаться, адмирал окажется

вынужденным предать огню захваченные им суда, и даже не будет иметь возможности спасти жизнь храбрецов, которые так доблестно их защищали...»

По сути дела, этот урод превратил пленных в живой щит. Чем вам не Басаев? И принц Фредерик велел прекратить огонь. Были убиты более двух тысяч датских моряков, сильно пострадал и сам Копенгаген. За бандитский налет на столицу Дании Нельсон получил титул виконта; орденами же его не наградили, ибо война фактически не была объявлена.

— Да, интересная и поучительная история, — сказал полковник Бережных, — но какое она имеет отношение к нашим сегодняшним реалиям?

— А вы вспомните Ирак, Ливию, Сербию... Разница лишь в том, что вместо пушечных ядер парусных кораблей нынешние нельсоны используют «Томагавки» и кассетные бомбы со своих авианосцев. Наше же соединение будет для Сирии своего рода прикрытием от использования «политики канонерок». У вас же, Вячеслав Николаевич, будет своя задача, а у меня своя. Вы, наверное, хотели со мной поговорить о том месте, где эти задачи пересекаются? Мы с вами оба служим Родине, несмотря на то что сейчас одеты в штатское. И оба понимаем, что такое боевая задача и армейская дисциплина. Вячеслав Николаевич, ни в вашем ведомстве, ни в моем дураков не держат...

— В каком «вашем», — коротко хохотнул он, — в том, в котором вы работали раньше, или в том, в котором сейчас?

— В обоих, — улыбнулся я. — Помните замечательный роман, а затем и фильм по нему — «ТАСС уполномочен...»?

— Точно! — улыбка слетела с его лица. — Ну-с, продолжайте...

— Мир пришел к такому состоянию, что «Боливар не вынесет двоих». Или в нем будут рулить американцы со своими либерально-монетарно-политкорректными глупостями, или... В ближайшие годы грядет грандиозная разборка, и наш поход — одна из мер, чтобы отодвинуть ее подальше от наших границ. В настоящее время примерно тем же самым занимается Иран, и янки находятся в растерянности. Таких людей, как вы и ваши коллеги, не вывозят за пределы России просто так, людей посмотреть и себя показать. Короче, если вашу операцию не засекретят на веки вечные, то я хотел бы получить ту часть информации, которая будет разрешена к открытому доступу, и сделать о вас и вашей группе хороший материал. Страна должна знать своих героев.

Он немного задумался и ответил:

— Хорошо, я посоветуюсь с коллегами и дам вам ответ чуть позднее. А сейчас позвольте откланяться — дела! — Он сделал шаг назад и так же незаметно исчез, как и появился. Профессионал!

28 декабря 2012 года, Средиземное море, где-то в треугольнике Родос — Кипр — Александрия, борт учебного судна «Смольный».

Солнце багровым шаром садилось в воды Средиземного моря. Ласковый морской ветерок овеивал лица. По сравнению с зимней Россией, пятнадцать градусов тепла — это совершенное лето, просто тропики. Забыты были куртки, шапки, рукавицы и прочие шарфы.

Почти все пассажиры «Смольного» высыпали на палубу. И в самом деле было на что посмотреть. Навстречу нашей сводной эскадре подходил отряд кораблей Черноморского флота. Флагманом черноморцев был гвардейский ракетный крейсер «Москва» — головная боль американского 6-го флота. Как только «Москва» подходит поближе, 6-й флот сначала отодвигается подальше, потом сбегает в родной Норфолк. Тень условно убиенного «Вандергифта» не дает спать спокойно звездно-полосатым адмиралам. Следом за ним шел сторожевой корабль «Сметливый», переделанный из устаревшего большого противолодочного корабля — «поющего фрегата»; затем два больших десантных корабля, за ними спасательный буксир и танкер.

Заходящее солнце подсвечивало корабли алым цветом, да так, что они казались выплавленными из звонкой меди. В конце концов, именно эти воды когда-то бороздили корабли древних ахейцев, критян, финикийцев. Именно здесь, при матушке Екатерине, Алексей Орлов-Чесменский и адмирал Григорий Спиридов ломали хребет грозного оттоманского флота, превращая корабли турок в жирную копоть, плавающую по воде. Прошло больше двухсот лет, и снова русские корабли готовы напомнить и Европе, и Азии, кто же все-таки главный медведь в этой берлоге.

Вот так же, четыре дня назад в Атлантике, в пятидесяти милях к западу от Гибралтара, встретились Балтийский и Североморский отряды. Правда, тогда было утро, да и погода была посвежее. Ну а в остальном все то же ощущение гордости за страну, с каким-то предощущением того, что мир необратимо поменялся. Неизвестно, может быть, конец света, обещанный жрецами майя, произошел, но никто ничего пока так и не заметил? Странно?

На «Смольном» все уже знали, что американский флот, не желая соседствовать с Черноморским отрядом, уже очистил от своего присутствия Средиземное море. Впервые за много лет янки отреагировали паническим бегством даже не на демонстрацию силы, а просто на намек на такую демонстрацию. Что же будет дальше? Сирия пока держится — нет, не Башир Асад, а именно Сирия. Ведь понятно, что с падением его режима кончится и страна. Ее разорвут на части банды исламистов, возглавляемые буйными полевыми командирами. Потом придут турки — и наведут порядок... Мертвый... Как на кладбище... А нам это надо? Да ни за что! Турок надо укоротить, пока не стало хуже. Потому что следующую битву они устроят с нами за Северный Кавказ. Как будто там уже не настрелялись досыта! Ну, а потом им захочется Крыма, Кубани... Не, на фиг все это! Чтобы не воплотились в жизнь страшные фантазии Станислава Сергеева, лучше прямо сейчас объяснить кое-кому правила игры — дешевле будет.

Мальту мы обошли вне пределов ее видимости, пройдя в ста — ста пятидесяти километрах севернее ливийского побережья. По счастью, мы ни разу не напоролась на плавсредства с африканскими эмигрантами, стремящимися, как мотыльки на огонек, в сторону европейского «рая».

А сегодня, за два часа до встречи с черноморцами, все пассажиры «Колхиды», «Смольного», «Перекопа» и «Енисея» имели честь наблюдать, как на палубу «Адмирала Кузнецова» — он идет впереди нас, в параллельной колонне — совершили посадку четыре новеньких истребителя МиГ-29К.

— Свершилось! — Нина Викторовна, гордая, будто это она лично привела сюда эти истребители через воздушное пространство над Каспием, над Ираном, над Северным Ираком, Сирией и Средиземным морем, затащила меня в каюту, которая служила СВРовцам штабом.

Как ни удивительно, там уже была в сборе вся команда Бережного. ГРУшники приволокли с

собой бутылку коньяка и разбулькали ее на дюжину крохотных серебряных стаканчиков. Выпили за летунов и дипломатов — ведь было понятно, что проложен воздушный мост в обход Азербайджана и Турции. Теперь Россия сможет гонять в Сирию транспортные самолеты без риска того, что они будут принуждены к посадке турецкими истребителями. Ибо, когда транспортников прикрывают свои истребители, турки не рискнут их перехватывать, особенно в чужом воздушном пространстве.

Именно тогда я обратил внимание на то, что обе команды плюс он — ровно двенадцать человек. Фактически вакантно только место Иуды. Так и не высказав никому своего наблюдения, я дождался, пока вся компания «вздрагнет» и потом поднимется на верхнюю палубу, ждать подхода черноморцев. Там я сделал еще одно интересное наблюдение: на корабле, набитом преимущественно военными людьми в форме, сильно ослабла конспирация. Ну а что еще можете подумать человек со стороны, когда люди в штатском называют друг друга «товарищ полковник», «товарищ капитан» и «товарищ майор»?

Отряд кораблей Черноморского флота мы встретили выстрелами из салютных пушечек и криками ура. «Москва», а за ним и другие корабли КЧФ, аккуратно совершил циркуляцию, после чего занял свое место в походном порядке левее нас, балтийцев. Теперь «Колхида», «Смольный», «Перекоп» и «Енисей» были буквально зажаты «большими парнями» в коробочку. Соединение взяло курс на Тартус.

А потом произошло *это*... Солнце зашло, и вокруг нашей эскадры стал сгущаться странный желтоватый туман. Лучи прожекторов вязли в нем, как в густом киселе. Незадолго до полуночи соединение начало сбавлять ход. По какой-то причине ослепли радары и оглохли сонары, соединение будто зависло в пустоте между черной водой и черным небом. В ушах у моряков и пассажиров, повторяя удары сердца, начал стучать метроном, будто отсчитывая последние минуты жизни. И в ушах у всех зазвучал Голос...

Часть 1

ОТСЮДА — ТУДА

Нигде и никогда, вне времени и пространства.

...Голос звучал, перекачиваясь в головах людей громовыми волнами:

— Службе Обеспечения Эксперимента приступить к созданию темпоральной матрицы!

— Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Сканирующая линза создана, процесс обнаружения и локализации объектов запущен.

После делящейся вечность паузы, заполненной стуком метронома, Голос продолжил:

— Обнаружено и локализовано шестнадцать надводных и два подводных объекта, объекты в воздухе отсутствуют. Приступаю к процессу сканирования. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Сканирование завершено, матрица сформирована.

— Службе Обеспечения Эксперимента приступить к трассировке темпоральных узлов-реципиентов.

— Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента, трассировка темпоральных узлов инициирована. Первый доступный узел-реципиент — 4 января 1942 года от рождества

Христова, координаты сорок четыре дробь тридцать один в Гринвичской системе координат. Второй доступный узел-реципиент — 11 октября 1917 года, координаты пятьдесят девять дробь двадцать. Третий доступный узел-реципиент — 9 февраля 1904 года, координаты тридцать семь дробь сто двадцать пять. Четвертый доступный узел-реципиент — 5 июня 1877 года, координаты тридцать девять дробь двадцать пять. Остальные энергетически доступные темпоральные узлы-реципиенты заблокированы логическими запретами первого и второго уровней.

— Выявленные темпоральные узлы-реципиенты санкционированы, Службе Обеспечения Эксперимента приступить к процессу копирования матрицы.

— Служба Обеспечения Эксперимента к процессу копирования матрицы приступила. Первая копия — готово, копирование успешно! Вторая копия — готово, копирование успешно! Третья копия — готово, копирование успешно...

Потом Голос хихикнул и в манере хорошо вышколенной стюардессы продолжил:

— Дамы и господа, а также товарищи, наш рейс прибыл в 1877 год, за бортом 5 июня означенного года по григорианскому календарю, сто километров южнее острова Лемнос. Командир корабля и экипаж прощаются с вами и просят сохранять спокойствие и мужество. О своих семьях не беспокойтесь, о них позаботятся ваши оригиналы. — Голос посуровел: — Делайте что должно, и да свершится что суждено! Аминь!

Узел третий, 5 июня 1877 года, Эгейское море, 60 миль южнее острова Лемнос.

Раннее утро... Над водной гладью Эгейского моря медленно расплзлось линзообразное облако странного грязно-желтого тумана. Вот клочья его подхватил легкий утренний ветерок, и перед глазами моряков Средиземноморского флота Оттоманской империи предстали несколько лежащих в дрейфе кораблей с безвольно обвисшими андреевскими флагами.

Командующий флотом вице-адмирал Гуссейн-паша, рассматривавший русские корабли с мостика флагманского броненосного фрегата «Османие», отдал подзорную трубу адъютанту и огладил пышные усы.

— Аллах сам отдает неверных в наши руки. Судя по виду этих кораблей, у русских собак закончился уголь, и теперь они в нашей власти. И к тому же я не вижу у этих москвитов не только парусов с мачтами, но и достойных нашего внимания орудий. Гладстон-бей, — обратился он к британскому офицеру, командовавшему «Османие», — прикажите сделать выстрел, может, эти собаки сдадутся без боя?

Не имея перед собой достойного противника, на Средиземном море турецкий флот в основном занимался перевозкой войск из Египта на Балканский театр военных действий. Опасаясь действий русских рейдеров, турецкое командование задействовало для этой операции даже тяжелые батарейные броненосные фрегаты, вооруженные многотонными дульнозарядными нарезными пушками системы Армстронга — тот еще кошмар для морских артиллеристов.

Вот и сейчас на борту турецких кораблей было десять тысяч пехоты, пять тысяч кавалерии и двадцать пушек, которые египетский хедив любезно предоставил своему повелителю для войны с неверными. Войнство хедива расположилось на палубах турецких кораблей, а в трюмах деревянных пароходофрегатом ржали лошади.

Не имея собственных хорошо подготовленных морских офицеров, турки пригласили к себе в качестве инструкторов и командиров кораблей офицеров британского королевского флота. Вряд ли это им сильно помогло, британский флот в это время больше казался, чем был. Вот и сейчас, отдав приказ выстрелить из носовой девятидюймовки, коммодор Гладстон лихорадочно соображал, а почему это вдруг при виде русских кораблей у него в душе появилось нехорошее предчувствие. И этот странный туман — что же он ему напоминает...

Его размышления закончились сами собой в тот момент, когда пушка на «Османие» все-таки выстрелила в направлении двух русских кораблей, которые оказались в пределах дальности орудий турецкого фрегата. А тем временем из таинственного желтого тумана появлялись все новые и новые русские корабли... Причем некоторые из них своими размерами превосходили турецкие, а один был вообще громадиной — даже больше, чем знаменитый парусно-колесный гигант «Грейт Истерн».

Ни турецкий адмирал, ни его британские советники не могли знать, что корабли русской эскадры появились здесь всего несколько минут назад, а желтый туман — это остатки внешней оболочки распадающегося темпорального кокона. Не знали они и то, что с того самого момента, как этот кокон начал разрушаться, на кораблях снова ожили радары, сонары и прочая электроника. Боевые информационно-управляющие системы, обнаружив в опасной близости от эскадры сборище не отвечающих ни на какие запросы кораблей, включили автоматические сигналы тревоги. Вообще-то и до переброса управляющая автоматика была настроено довольно параноидально, да и люди, в общем-то, знали, куда идут. Поэтому тревогу никто не отключил, и, услышав сигнал, на боевые посты с топотом рванулись матросы и офицеры.

После *этого* головы у всех ныли, как после недельного запоя. Контр-адмирал Ларионов, борясь с болью, мучительно соображал: «Если это действительно 1877 год, то...»

Российская империя воюет с Турцией, и само собой, надо быть на стороне наших предков. Когда командир штурманской БЧ-1 «Адмирала Кузнецова» доложил, что потеряна связь с навигационными спутниками, причем всех систем сразу, адмирал только отмахнулся, ибо штурман отвлекал от *главного*. Из боевых кораблей в ближней к противнику линии находятся североморцы: «Кузнецов», «Ушаков» и «Североморск». Из всех прочих кораблей шанс выйти на ударную позицию был только у «Ярослава Мудрого», но одной его башни АК-100 мало, а у «Североморска» таких башен две...

Над носовой частью головного турецкого корабля, а судя по алым флагам с белым полумесяцами, это были именно турки, вспух белый клубок дыма. Через пару томительных минут примерно на полпути между эскадрами поднялся всплеск. Адмирал тяжело вздохнул и поднял микрофон к губам:

— Внимание! Всем кораблям, говорит контр-адмирал Ларионов! Приказываю по готовности открыть огонь на поражение по турецкой эскадре! — потом, аккуратно повесив микрофон на место, он взялся за бинокль.

Первый его взгляд назад, на «Ушакова» — обе его башни уже развернуты в сторону турецкой эскадры, следом за ним «Североморск», тоже готовый к бою. Удар сердца, еще один.

И вот орудия кораблей замолотили в бешеном темпе. Воздух наполнился летящей сталью. Ларионов успел перевести бинокль на флагманский корабль турок и увидел, как его рвут на части осколочно-фугасные снаряды «Адмирала Ушакова». Капитан 1-го ранга Иванов слегка перестраховался и выделил для поражения цели типа «броненосный фрегат» водоизмещением

в 6400 тонн двадцать снарядов, которые вылетели в сторону противника в течение всего восьми секунд. В штиль, с места, дистанция всего сорок кабельтовых, условия, как для новобранцев на полигоне...

Из двадцати выпущенных снарядов двенадцать попали в цель. Легко пробивая 114–127-миллиметровый слой мягкого железа, который в те годы гордо именовался броней, они взрывались внутри корпуса обреченного корабля. В конце всей этой вакханалии разрушения один из снарядов добрался-таки до бомбового погреба, и косматый шар багрового пламени разнес броненосный фрегат британской постройки на куски. В воздух они взлетели вместе с Гуссейн-пашой, британскими офицерами, турецкой командой и египетскими солдатами.

А «Североморск» короткими злыми очередями посылал снаряд за снарядом в конец турецкого ордера, и там факелами вспыхивали деревянные пароходофрегаты.

Потеряв с ходу свой флагман, турецкие корабли сделали попытку развернуться, подставляя борта под огонь русской артиллерии. Два броненосных корвета столкнулись, и теперь, охваченные пламенем, тонули, быстро погружаясь в синие волны Эгейского моря.

Зря контр-адмирал Ларионов беспокоился о том, что больше половины его боевых кораблей бездействуют. В принципе, на всю турецкую эскадру хватило бы и одного «Ушакова». Через полчаса на поверхности моря остались только русские корабли, плавающий мусор и головы турецких матросов, цеплявшихся за обломки своих некогда грозных кораблей.

Контр-адмирал Ларионов приказал прекратить стрельбу, спустить катера и собрать уцелевших турецких «водоплавающих». Особый интерес он проявил к людям в турецкой военной форме, но с ярко выраженной англосаксонской внешностью. Кроме того, через час на борту «Адмирала Кузнецова» в адмиральском салоне был назначен военный совет. Это же сообщение о военном совете было отправлено по звукоподводной связи, и, к всеобщему удивлению, через несколько минут из волн появились рубки двух подводных лодок. Одна из них была дизель-электрической лодкой «Алроса» Черноморского флота, типа Кило-II (по натовской классификации — «Черная дыра»). Другой была непонятно откуда взявшаяся здесь АПЛ «Северодвинск», типа «Ясень», которая пока еще не была принята флотом и находилась в процессе государственных испытаний, но при этом несла на борту не массогабаритные макеты вооружения, а полный комплект ракетоторпед «Калибр» и ракет Х-101/102. Наличие последних означало, что лодка уже была подключена к пресловутому «черному чемоданчику».

Теперь забота об этих восьми ядерных зарядах и четырех ядерных «Вулканах» на «Москве» легла на плечи контр-адмирала Ларионова.

В основном именно на эти темы он и собирался поговорить с командирами кораблей на военном совете. Кроме них были приглашены полковник Антонова, полковник Бережной и другие командиры частей, личный состав и техника которых перевозились на «Колхиде», «Смольном» и «Перекопе». Надо было принимать какое-то решение — куда идти, что делать, как и с кем воевать.

Первую кровь туркам они уже пустили, но было это все сумбурно, суматошно и как-то бестолково, больше смахивало на пьяную драку, а не на правильное сражение. И только «антикварность» противника спасла соединение от потерь. В дальнейшем все операции должны проходить более-менее в соответствии с разработанными планами, а не так, как сейчас.

Контр-адмирал догадывался, что их «приземление» из будущего рядом с турецким флотом

было одним из испытаний «экспериментаторов». Попались бы они ему в руки! А раз это невозможно — за все будут отвечать турки, ну и англичане, конечно, за компанию.

День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, 60 миль южнее острова Лемнос, адмиральский салон тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов».

Контр-адмирал Ларионов прохаживался перед собравшимися в адмиральском салоне офицерами. Тишина стояла такая, что был слышен тихий шум принудительной вентиляции.

— Товарищи офицеры, не буду вдаваться в подробности эксперимента, невольными участниками которого мы оказались, — начал он. — В общих чертах вы и так все знаете, ибо Голос был слышен всем. Своего рода система общего оповещения, куда более эффективная, чем те, что установлены на наших кораблях.

Теперь о военно-политической обстановке. В окружающем нас мире месяц с небольшим назад началась Русско-турецкая война. Та самая, в которой была Плевна, Шипка и так и не взятый из-за страха перед Британией Константинополь. Мы тоже только что слегка отметились в этой войне. Как нам удалось выяснить, скорее всего, на нас вылез Средиземноморский флот Турции...

— Товарищ контр-адмирал, — поднял руку командир эсминца «Быстрый» капитан 1-го ранга Иванов, — разрешите поправку?

Ларионов кивнул.

— Виктор Сергеевич, у меня такое ощущение, что это не турецкий флот «вылез» на нас, а нас вытолкнули ему навстречу. Оттого все и произошло так скоротечно и сумбурно.

— Возможно, возможно, Михаил Владимирович, — ответил контр-адмирал, — но это отнюдь не отменяет того факта, что в Средиземном море у турок флота уже нет.

— Зато есть у англичан, товарищ контр-адмирал, — из группы сотрудников разведки, стоящих в задних рядах, вышел пожилой мужчина с коротко подстриженной седой бородой. Рукава его рубашки защитного цвета были закатаны до локтя, открывая сильные мускулистые руки. — Корреспондент ИТАР-ТАСС Александр Тамбовцев, или же, если вам будет угодно, капитан Тамбовцев ПГУ КГБ СССР.

Журналист обвел взглядом собравшихся офицеров.

— Видите ли, товарищи, военная история России — это мое хобби, можно сказать, вторая специальность. Потому-то любезная полковник Нина Викторовна Антонова и пригласила меня на военный совет, ибо никто из присутствующих здесь офицеров разведки не готовился к прошлым войнам. И если операции и сражения времен Великой Отечественной войны еще как-то разбираются в военных училищах и академиях, то более ранние войны отданы на откуп историкам. Ну, а информация, хранящаяся в моем ноутбуке, была бы бесценна как для русских, так и для турецких штабистов.

Итак, идет война за освобождение Болгарии, и не только ее, от османского ига. Обстановка на 5 июня 1877 года. На европейском ТВД линия соприкосновения русских и турецких войск все еще проходит по Дунаю. На русской стороне в самом разгаре подготовка к переправе, которая должна произойти через три недели в окрестностях Зимницы. Это прямо в центре русско-

турецкого фронта. Еще через неделю падет Никополь. Если мне не изменяет память, Осман-паша с двадцатитысячной армией все еще находится в крепости Видин — это на стыке болгарской, румынской и австрийской границ.

После переправы русских войск через Дунай он успеет со своей армией форсированным маршем дойти до Плевны. И из-за этого война затянется на лишние полгода.

На Кавказском театре военных действий обе армии уже начали активные действия. Турки взбунтовали горцев, а русская армия, перейдя границу, начала продвижение к Карсу. Кстати, именно сегодня турками взята в осаду крепость Баязет. Да-да, та самая, о которой писал Валентин Саввич Пикуль.

На Черном море господствует турецкий флот, основные его базы — Батум-Кале и Варна. Господствует настолько, что турки всю войну не прерывали регулярные грузопассажирские перевозки по Черному морю. Вот и вся военно-политическая обстановка.

Кроме того, у России в Европе практически нет союзников; Франция, после поражения в франко-прусской войне и Парижской коммуны, обессилена и боится каждого шороха. Все остальные страны нейтральны — в лучшем случае. А в худшем, мечтают при поражении России в этой войне ударить ей в спину. Особо в этом деле надо отметить Великобританию и Австро-Венгрию. Вероятность их вступления в войну на стороне Турции достаточно реальна. Союзники же России, сербы и румыны, еще те проститутки, и постоянно смотрят — откуда дует ветер. Вот, вкратце, и вся политинформация.

— Понятно, товарищ Тамбовцев, спасибо! Коротко и ясно, — контр-адмирал побарабанил пальцами по своему столу, — но напомните нам, пожалуйста, внутривнутриполитическую обстановку в России на данный момент.

— Она такова. На российском троне сидит император Александр II. Его ближайший помощник — канцлер Горчаков. Оба уже стары, оба придерживаются весьма либеральных взглядов в стиле Путин-лайт. Наследник престола — великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III, тот самый, который сказал: «У России только два союзника — армия и флот». Он придерживается прямо противоположных внутривнутриполитических взглядов, чем его отец, и в либеральной и советской историографии закреплен как оголтелый реакционер.

— Ну что же, Путин-лайт — это все же лучше, чем Ельцин-хард, — сострил адмирал, разрядив обстановку. — А если серьезно, то присягу я не нарушал и нарушать не собираюсь. Другие мнения есть?

Собравшиеся ответили молчанием.

— Отлично! Следовательно, присягнув России, я должен за нее воевать, а значит, объявляю соединение находящимся в состоянии войны с Оттоманской империей. А начнем мы с создания операционной базы, — контр-адмирал подошел к карте.

— Практически у нас под носом расположен остров Лемнос, как пробка затыкающий вход в Дарданеллы. Остров населен в большинстве своем православными греками, в настоящее время с большой симпатией относящимися к Российской империи. На борту «Колхиды» имеется оборудование, а на «Смольном» и «Перекопе» — персонал, предназначенный для расширения нашей базы в Тартусе. Что вы скажете, товарищ Тамбовцев, нет ли у вас информации о том, что собой представляет турецкий гарнизон на этом острове?

— Товарищ контр-адмирал, точной информации нет, но известно, что все турецкие регулярные

войска были отправлены на фронт, а охранять порядок в тылу, особенно в христианских областях, были оставлены банды башибузуков. Войска эти — напроочь отморозки, недаром слово «башибузук» в переводе с турецкого означает «неисправная голова». То есть, говоря современным языком, «безбашенные». Набирали их в семидесятые годы девятнадцатого века из местного отребья и эмигрировавших в Турцию северокавказских абреков. Что это за публика, те, кто побывал в горячих точках на Северном Кавказе, может себе представить. Так что занятие Лемноса может выглядеть как своего рода продолжение контртеррористической операции.

И еще одно: воевать с Турцией на стороне России во исполнение присяги — дело совершенно святое. Но мы приносили присягу России, а не государю императору Александру II, поэтому идти в прямое подчинение к тамошним деятелям я бы считал недальновидным. А вот вступить с царем в переговоры, уже контролируя определенную территорию, было бы весьма полезно.

Кстати, при царице Екатерине II в этих краях существовала целая российская губерния. Да-да, ни много ни мало! На островах Эгейского моря, отвоеванных у турок, базировалась в течение нескольких лет эскадра адмирала Спиридова. Столицей островной губернии был остров Парос. Здесь русские корабли чинились, получали провизию и боеприпасы, команды их отдыхали перед выходом в поход. Дарданеллы были практически наглухо заблокированы, и турки ничего с этим не могли поделать.

В этой островной российской губернии были организованы русские школы для греческих ребятишек, которые позднее, получив звания офицеров российской армии и флота, отличились в следующей русско-турецкой войне. Все это назло своей матери похерил Павел I.

Почему бы не повторить опыт предков? Взять, к примеру, предложенный вами остров Лемнос. Остров большой, площадь четыреста восемьдесят квадратных километров. На острове есть удобные бухты для стоянки кораблей, население в основном греческое, то есть, как вы правильно заметили, — сочувствующее русским.

Именно здесь можно будет заложить нашу военно-морскую базу. Отношения с Россией установить как союзнические. Мы воюем с врагами России, а Санкт-Петербургские власти не вмешиваются в наши дела. Заняв эти острова, можно контролировать все Эгейское море, и даже все Восточное Средиземноморье. Ну и, соответственно, устанавливать свою власть над окрестными территориями.

Теперь о снабжении... Продукты питания можно покупать у греков и жителей малоазийского побережья Турции. Ведь там, помимо турок, проживает много армян и тех же греков, которые, как я уже говорил, хорошо относятся к русским. Да и сирийские арабы тоже настроены антитурецки, и с удовольствием будут — за деньги, разумеется — поставлять нам продовольствие.

— Вопрос только в том, где взять местные деньги, — хмыкнул контр-адмирал Ларионов. — Я не думаю, что кого-нибудь из них устроят российские рубли из кассы соединения. И даже евро с долларами.

— Товарищ контр-адмирал, — вышел вперед полковник Бережной, — деньги в большом количестве имеются в Стамбуле, который, как говорится, есть город контрастов. Веками турки грабили свои европейские и азиатские владения и свозили туда несметные богатства. Пусть государственная казна пуста, но есть личная сокровищница султана, а также отдельные богатенькие османские буратины, немало награбившие в Болгарии, да и не только в ней. В конце концов, как говорил один из военачальников, деньги — это война, а война — это деньги.

— Все это, конечно, хорошо, но Стамбул не Лемнос, и гарнизон там малость побольше... — возразил Ларионов.

— Кстати, — добавил Тамбовцев, — в самом Константинополе сейчас практически нет войск, кроме двенадцатитысячного корпуса султанской гвардии. Солдаты ночуют в глинобитных казармах, расположенных неподалеку от султанского дворца в Долмабахче...

— Товарищ контр-адмирал, — не торопясь встал командир авиагруппы «Адмирала Кузнецова» полковник Хмелев, — разрешите один вылет с пятисоткилограммовыми ОДАБаами, и мы сделаем так, что эти двенадцать тысяч так в казармах и останутся. Навечно... И если там в гарнизоне действительно нет других войск...

Полковник Бережной переглянулся с летчиком, потом с контр-адмиралом Ларионовым.

— Вы что, товарищи?! Мы, конечно, авантюристы, профессия обязывает, но не настолько же. Хотя... Если взять в плен султана Абдул-Гамида, то тогда война кончится на следующий же день.

— Ага, и тогда вся Турция превратится в одну большую Чечню, — добавила полковник Антонова. — В каждом вилайете появится свой султан, и еще с десятков полевых командиров помельче, желающих стать этим самым султаном. Если не найдется какой-нибудь умный и беспринципный паша вроде Кемаля Ататюрка. Хотя, конечно, можно попробовать, потому что в нашей команде, кажется, есть свой ататюрк — российского разлива.

— Вот и решено! — подвел итог контр-адмирал Ларионов. — Операцию по захвату острова Лемнос готовит командир батальона «Севастополь» майор Осипян. Полковник Бережной, полковник Хмелев, майор Смирнов и майор Гордеев, ваше задание — проработать план операции по нейтрализации гарнизона Стамбула и захвату в плен султана, что явится первой фазой по овладению Константинополем. Во второй фазе операции к ним присоединятся батальон «Балтика» и сдавший позиции на Лемносе комендантской роте базы батальон «Севастополь». Все ясно?

Ну, а с таких позиций можно будет и с самодержцем Всероссийским поговорить. И не как нищebroдам залетным, а как людям солидным, с капиталом и недвижимостью. Все остальные получают поставленную задачу в виде боевого приказа, а посему все свободны...

Присутствующие уже начали расходиться, когда адмирал добавил в уже привычном ему стиле:

— А вас, товарищ Тамбовцев, я попрошу остаться.

Тогда же и там же.

Журналист Александр Тамбовцев.

Когда мы остались наедине, адмирал пару минут задумчиво ходил по салону, а потом вдруг спросил:

— Александр Васильевич, как вы думаете, каковы вообще наши перспективы в этом времени?

— Конечно, как военно-морское соединение мы можем уничтожить любой военный флот мира, но, простите, это даже не из пушки по воробьям, это атомной бомбой по тараканам. Да и на

суше наши парни могут немало дров наломать, особенно в радиусе досягаемости палубных бомбардировщиков, но... Самый больной вопрос — это ресурс. Кончатся топливо и боеприпасы, хотя при некоторых материальных и интеллектуальных затратах это ресурс возобновимый. Но вот запчасти к технике и вооружению здесь еще никак не произведешь... Паршивый затвор к «калашу» не сделать.

— Короче так, Александр Васильевич, начистоту... Наше соединение рассчитано на полтора-два месяца автономных активных действий, исходя из запасов топлива и боеприпасов, или полгода по ресурсу ЗИПов — и все.

Вы человек опытный, как журналист — в первую очередь, в общении с людьми. Мы же люди военные, атака — оборона, профессия обязывает. Если и проявляем хитрость и предусмотрительность, то особого рода. От вас же мне нужна помощь в сфере политики, раз уж подобное занятие для нас стало неизбежным. Ведь даже предстоящий захват острова Лемнос и Проливов с Константинополем — шаг сугубо политический, и вызовет большой шум, как в Петербурге, так и в прочих столицах.

Я медленно прошелся туда-сюда по салону.

— Виктор Сергеевич, конечно, вы правы, шаг, который нам предстоит сделать, является и политическим, но без него нам никак. Да и Александр II, может, на людях и поморщится, но в душе останется доволен. В этом случае будет выполнено и Рейхштадтское соглашение, то есть Российская империя будет непричастна к захвату Проливов, да и сами Проливы будут находиться под дружественным контролем. Ведь это соглашение заключали австрийский и российский императоры. А с нас — какой спрос?

Теперь, товарищ контр-адмирал, о дружественности. Нам нежелательно идти в прямое подчинение хоть к Александру II, хоть к будущему Александру III. Царский двор — это еще тот серпентарий. Нравы там царят жестокие, все интригуют против всех, а упавшего дружно топчут. Тамошние порядки не для наших людей, выросших в значительной мере на советских ценностях.

Мы должны иметь общий с империей внешнеполитический курс, быть лояльными к ней в военном плане; и одновременно — проводить свою, совершенно независимую внутреннюю политику.

Теперь по ресурсам и территории... Больше всего для нас подходят сами Проливы, с островом Лемнос как передовой базой, и по куску европейского и азиатского берегов с городом Измир. То, что мы можем это захватить, я не сомневаюсь, а вот удержать эту территорию возможно только опираясь на местное население.

Товарищ контр-адмирал, мы как-то отвыкли сортировать людей по вероисповеданию. Но это не просто констатация того, в какой храм человек ходит молиться. Это то, какой у него менталитет, совместим ли он с нашим в принципе или нет. Славян на этой территории почти нет, но это, может быть, даже и к лучшему. Достаточно вспомнить кровавую резню сербов во время распада Югославии, трагическую судьбу Слободана Милошевича, преданного и проданного своими соотечественниками гаагским упырям за обещание неких преференций, которые сербы, кстати, так и не получили, и прочие жуткие реальности Балкан в двадцать первом веке.

Греки были к России гораздо лояльней, но, к сожалению, мы их несколько раз предали. Один раз — после смерти Екатерины Великой, когда вместе с Турцией занялись войной с Францией.

Республику Семи островов, образованную на отвоеванных Ушаковым территориях, Александр I передал Наполеону, а позднее все Ионические острова попали под тяжелую лапу британского льва. Другой раз — во времена Николая I, когда греки получили в качестве короля Оттона Баварского, а потом Вильгельма Датского — фактически отдали их в руки англичан. Потом в этой войне, когда не оправдались их надежды в освобождении островов...

Ну, а Советская Россия оказала Турции помощь в войне с «англо-греческими интервентами». И Кемаль устроил в 1922 году резню грекам и армянам в Смирне. Тогда, под звуки турецкого духового оркестра, заглушавшего крики людей, безжалостно убиваемых турецкой солдатней, на виду у эскадры европейских судов, стоявших в гавани Смирны, были вырезаны около двухсот тысяч человек.

Я думаю, этого достаточно. Для удержания желательных территорий нам нужен будет корпус вспомогательных войск, вооруженных трофейным оружием. Не тем бараклом времен Наполеона, которым вооружены башибузуки, а новыми винтовками английского и американского производства, которыми вооружена регулярная турецкая армия. Ну и конечно, выучка, приближенная к выучке наших морских пехотинцев. Не знаю, для контроля границ на первом этапе должно хватить одной дивизии в десять-пятнадцать тысяч штыков. И главное, лояльность — эти люди должны верить нам, как Божьим посланцам, от нас должна зависеть жизнь их семей. Здесь с этим серьезно.

Теперь о Российской империи... Во-первых, нынешний император хотя человек и неплохой, но на старости лет его либерализм уже порой доходит до маразма. Под стать ему и канцлер Горчаков. На Берлинском конгрессе они с такой легкостью сольют плоды побед русского оружия, что просто диву дашься. Пусть им и грозили чуть ли не мировой войной, но ведь можно же было поблефовать. Напомнить, к примеру, некоторым судьбу Наполеона.

— Насчет мировой войны пусть не беспокоятся, — буркнул Ларионов. — Это моя профессия. Пусть император пришлет желающих повоевать к нам, а мы их обучим хорошим манерам. От Триеста «сушки» с бомбами долетят до Берлина, а от Марселя — до Лондона и Парижа. Я уже молчу про Вену. Ради такого случая насколько возможно поэкономим ресурсы.

Я кивнул:

— Если в этой войне будет осада Плевны, можно будет показательно, на глазах военных атташе, как их называют сейчас — агентов, разнести эту крепость по камешку, тогда вся Европа застынет в позе испуганной мышки. Но это детали. Суть же не только в страхе перед европейской военной силой, но и в обилии при дворе и в обществе всяческих «филов». Франкофилы, англофилы, пруссофилы, австрофилы... Короче, все это очень похоже на тусовку наших рукопожатых правозащитников, только хозяева у них разные и ненавидят они друг друга люто.

Русофилы есть только в окружении цесаревича Александра Александровича, но там это выливается в такие перегибы, такую кондовую реакцию... Фамилию Победоносцев вы наверняка слышали...

Адмирал кивнул.

— Так вот, идеи у этого дядечки вполне правильные, патриотические, а вот их воплощение извращено до предела. Можно сказать, его идея «подмораживать» российское болото и привела к росту революционного движения. Хочешь превратить болото в твердое место, так надо сваи забивать да камень с песком сыпать, а не морозить. Природу не обманешь, весна

обязательно придет. Если не удастся переубедить наследника, то отношения с империей у нас будут умеренно прохладные. При папе по одной причине, при сыне — по другой.

Адмирал махнул рукой:

— Ну да ладно, Александр Васильевич, вы человек опытный, будущий Александр III тоже не дурак, надеюсь, вы его распропагандируете. А что касается этого Победоносцева, то попросим товарища Бережного, и его люди устроят ему геморроидальные колики с летальным исходом.

Я вздохнул:

— Этим лучше не увлекаться, поскольку нам частенько придется прибегать к таким методам за пределами нашего богоспасаемого отечества, поэтому желательно не наводить никого на ненужные мысли... — И после некоторого молчания спросил: — Так все-таки Лемнос, Виктор Сергеевич?

— И Лемнос тоже, Александр Васильевич. Я подумал, что не стоит туда наваливаться всей массой, точно будет из пушек по воробьям. Выделим один БДК с черноморцами, «Ярослава Мудрого» для огневой поддержки, ну и «Колхиду», «Смольный», «Перекоп» и «Енисей» с буксирами да с танкерами, чтоб под ногами не путались, пока Босфор с Дарданеллами воевать будем. Форты Дарданелл будем не захватывать, а уничтожать. Они ничего не смогут сделать против огневой мощи орудий «Ушакова» и «Москвы». Правда, на перешейках надо будет высадить десанты, чтоб телеграф перерезать да гонцов отлавливать. Потом и очередь Константинополя с Босфором наступит. Операция планируется в стиле блицкрига, так что готовьтесь. На днях будете беседовать от моего имени с царем или наследником. С кем именно, еще раз хорошо подумайте. А сейчас извините, — контр-адмирал Ларионов посмотрел на часы, — меня уже ждут в оперативном отделе.

День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, остров Лемнос.

Капитан морской пехоты Сергей Рагуленко.

День уже клонился к закату, когда наш БДК «Калининград» подошел к острову Лемнос с западной стороны. Этот маленький кусок суши, как висячий замок, был способен намертво запереть ворота Дарданелл. Как сказал адмирал Ларионов, когда ставил мне задачу:

— Этот остров, с преимущественно греческим населением, должен стать нашей тыловой базой и нашим опорным пунктом.

Низко стоящее солнце заливало оранжевым светом аквамариновую гладь Эгейского моря, густые кедровые леса на склонах гор да поднимающиеся амфитеатром вверх белые домики под красными черепичными крышами греческого селения с нежным женским именем Мирина. В такую погоду хочется лежать на белом песчаном пляже в обнимку с молоденькой девушкой, а совсем не воевать... Но надо!

Глубины тут большие, берег крутой, а пляжи узкие, поэтому сбрасывать нас будут у самого берега. Можно еще постоять на верхней палубе и полюбоваться на пейзаж. Вот взгляду почти полностью открылась маленькая бухточка Мирины. А там — стоящий на якоре то ли паровой корвет, то ли фрегат. Короче, нечто парусно-деревянное с длинной дымовой трубой и огромными колесами по бортам. На корме лениво полощется багрово-красное полотнище с полумесяцем — турок, скорее всего, посыльный корабль из так называемой Дарданелльской

эскадры.

Поднимаю бинокль. Вот засуетились, забегали матросики в красных фесках. Это они зря, голубчики, им бы флаг спустить и принять позу «ку»... Но поздно: в их сторону уже повернулась носовая башня «Калининграда», и длинная очередь осколочно-фугасных 57-миллиметровых снарядов хлестнула по деревянному корпусу корабля. В небо взметнулись языки пламени, над бухтой пополз жирный черный дым.

Ну все, пора вниз... Начались «пляски бешеных драконов». Трюм заполнен приглушенным гулом работающих на малых оборотах двигателей. На моей БМП ребята уже закрепили большой Андреевский флаг. Вскрываю на броню и после трех прыжков бросаю себя в командирский люк. Торчу из него по пояс, как статуя Командора. Створки десантных ворот широко распахиваются, впуская внутрь танкового трюма дневной свет. Командую: «Вперед!» — и захлопываю люк. БМП рванулась вперед и нырнула в воду. Заработал водомет, машина поплыла к берегу, как лебедь белая.

Я приоткрыл башенный люк. Ах ты, мать твою, соленые брызги-то прямо в лицо! Но ничего, водичка-то экологически чистая, без пестицидов, солей тяжелых металлов и прочей гадости. Вся проблема — только утереться.

Ветер подхватывает флаг, белое полотнище с косым андреевским крестом разворачивается во всю ширь, будто говорит, как когда-то говорил князь Святослав жившим в этих краях ромеям: «Иду на вы!»

Быстро плывем к маленькому пляжику в глубине бухты, остальные берега обрывистые, там на берег не выйдешь. Ага, и по самым этим берегам бегают какие-то малоприятные мохнорылые личности в красных фесках и палят в нашу сторону из древних даже для этих времен карамультуков.

На военном корабле пожар разгорается, но как-то без особого энтузиазма. Да и тушат его там, кажется — вон матросы с ведрами бегают... А это еще что такое? Ворочают орудие на палубе в нашу сторону?! Непорядок!

Берусь за ТПУ и вызываю своего наводчика:

— Кандауров!

— Да, тащ капитан? — глухо отзывается в наушниках.

— По фрегату, осколочно-фугасным!

— Это корвет, тащ капитан! — слышу, как этот негодяй хихикает.

— Ну, значит, по корвету — одна хрень, лишь бы горел! — хочется и материться, и смеяться одновременно.

— Так точно, тащ капитан, готово! — слышу, как внизу лязгает механизм заряжания.

— Огонь!

Пушка ухнула, и... снаряд угодил в разложенные на палубе холщовые мешочки с пороховыми зарядами.

Вы никогда не плескали ведро бензина в почти потухший костер? Зрелище, я вам скажу, замечательное. Огонь стеной до неба. Пересохшее дерево корпуса этого корвета вспыхнуло, словно облитое горючим. А по берегу с палящими по нам башибузуками ударили пулеметы и автоматические пушки. Это были именно башибузуки, ибо видно, что одеты они не в синюю форму регулярной турецкой армии, а кто во что горазд. Самодельные воины Аллаха все куда-то попрятались — сразу после того, как пару человек разнесло в кровавые клочки прямыми попаданиями тридцатимиллиметровых снарядов и еще столько же было убито и ранено более банальными способами.

И вот гусеницы цепляют за дно, и мы, машина за машиной, выходим на берег. Если верить древнегреческим мифам, где-то в этих краях впервые вышла на берег богиня Афродита. И хоть наши БМП не столь красивы, но рады им местные куда больше, чем какой-то там Афродите. Мои парни спешиваются и рассыпаются по окрестностям. Узкая улочка, змеей поднимающаяся в гору, приводит нас на небольшую площадь... Место власти, три в одном: дом раиса, небольшой базарчик и эшафот с расставленными вокруг кольями, на которые насажены головы казненных. Между прочим, там были и женские, и даже детские головы. Оттоманская Порта во всей ее красе, мать ее!

Ну, тут мне казачья кровь в голову и ударила. И, кстати, не мне одному! Все вокруг стало багровым, в ушах заревело: «Бей их, гадов!»

Помню, что моя БМП молодецким ударом вынесла ворота в доме и ворвалась во двор. Подхватив автомат, выпрыгиваю из люка и кидаюсь в драку. Выстрелы из древних пистолей и короткие автоматные очереди в ответ. Оружие бородатые лица, падающие мне под ноги после каждого выстрела, и пуля из древнего пистоля, угодившая в грудную пластину бронежилета. Ух ты, больно-то как, будто конь лягнул!

Отбираю у глупой девки разряженный пистоль, потом кинжал. Безоружная, она визжит, царапается и кусается, как дикая кошка. Но ничего, у нее это пройдет. Придавливаю на шее мало кому известную точку, и дочка раиса мешком оседает на пол. Почему дочка? Да одета она слишком шикарно, и украшений на ней на целую ювелирную лавку. Рев в ушах стихает.

— Тащ капитан! — передо мной стоит старшина Ячменев. — Все кончилось, всех... — он замаялся, — порешили!

— Отлично! — я провел рукой по оцарапанному лицу. — Кого-нибудь, кроме этой стервы, живьем взяли?

— Толстяка одного — местные говорят, что он здесь начальник... Ну, и еще пару слуг, которые сныкались и не отсвечивали.

— Постой, Ячменев, ты что, и по-гречески умеешь? — не понял я.

— Да нет, тащ капитан, — Ячменев пожал плечами. — Там в подвале — зиндане здешнем — один грек сидит, то есть сидел. Так он говорит, что купец, и что до войны в Одессе часто бывал. По-русски болтает будь здоров, только вот странно как-то. Димитриос Ок... Он... Ом... Блин, не помню дальше...

— Может Онассис? — пошутил я. — Тоже купец, между прочим, был знатный. Ну что же, веди к своему Димитриосу.

5 июня 1877 года, Эгейское море, остров Лемнос.

Поручик Дмитрий Никитин (в миру Димитриос Ономагулос).

Меня должны казнить завтра на рассвете. Во всяком случае, так сказала мне эта жирная скотина, Саид-бей Миринский. Он долго и старательно перечислял все муки, которые должны пасть на голову «неверной собаки», то есть на мою. Ну, терять мне было нечего, и я сказал ему, что лучше сто раз быть молодой и злой собакой, чем один раз старой жирной свиньей.

Перечисление моих завтрашних мук прервал мальчик-бача, который принес хозяину новость о том, что к Мирине подходят два корабля... Скорее всего, из флота британцев, ибо в турецком флоте таких больших и красивых кораблей нет.

Бей кряхтя встал с мягкой, обшитой шелком подушки, на которой он восседал, и приказал своим слугам бросить меня в земляную яму, где содержатся враги султана и его, а сам... Нет, что вы, этот бурдюк с жиром давно никуда из дома не выходит, и покинет его разве только на погребальных носилках. А встречать английские корабли он послал своего младшего сына Селима. Ну, а меня снова бросили в зловонную яму.

— Ну что ж, — решил я, когда над моей головой со скрипом опустилась ржавая решетка, — раз уж меня оставили в покое, то стоит попытаться поспать, ибо завтра будет трудный день.

И я улегся на кучу грязной, вонючей и сырой соломы.

Но сон не шел. И я начал вспоминать свое детство. Отца, Ивана Антоновича Никитина, таким, каким он был во времена моего детства — артиллерийский офицер, красавец, душа компании... Мать, Елену Ономагулос, статную черноволосую гречанку, дочь купца и рыбопромышленника.

История любви моих родителей изобиловала совершенно шекспировскими страстями. Но все обошлось счастливее, чем у Ромео и Джульетты. Строгий командир полка дал поручику Никитину разрешение на женитьбу, а суровый отец простил свою юную дочь, посмевавшую влюбиться в молодого русского офицера без его ведома. А ведь время тогда было еще то, 1847 год, царствование государя-императора Николая Палыча. Строгость нравов жесточайшая.

На следующий год, аккурат через девять месяцев после свадьбы, родился и я. От отца мне достались серые глаза и четкий очерк скул, от матери — густые вьющиеся черные волосы и смуглая кожа. Следом за мной родились Мария, Леонид, Александр, Елена...

Но сначала была война. В 1854 году мы бежали из Евпатории от высадившихся там турок, англичан и французов. Мне было семь лет, Марии — четыре, а маленький Леонид только только родился. Дядька Егор, отставной солдат, которого отец выбрал мне в воспитатели, едва успел запрячь бричку, подхватил на руки Марию, мать — Леонида, и мы побежали... Где-то на полпути к Симферополю нас едва не поймали татары, которые с приходом англичан напрочь позабыли о том, что они подданные русского царя.

Что они могли с нами сделать? Да все что угодно... Ограбить, убить, продать в рабство... Мать бы наверняка изнасиловали, в те годы она была очень хороша собой.

Лошади неслись во весь опор, сзади, визжа и улюлюкая, нас нагоняли татары. Дядька Егор выпалил в них из старых, еще времен войны с Наполеоном, пистолетов. Один татарин свалился с лошади, но остальные лишь сильнее завизжали и стали яростно махать над головами кривыми саблями.

И тут из-за поворота дороги, огибавшей холм, выехал казачий разъезд. Донцы-молодцы,

спасители наши. Все, как на картинке: синие кафтаны, барашковые шапки, бородатые лица и пики с красными флажками. Команда хорунжего — и, уставив перед собой пики, казаки сорвали лошадей в галоп.

Страшна сшибка конных, особенно тогда, когда одни всю жизнь готовились к войне, а другие — мечтали вволю пограбить и поизмываться над слабыми и безоружными.

Казачки ловко насадили несколько татар на пики, а потом начали рубить их шашками своим знаменитым, как позднее стали называть его, «баклановским ударом», разрубая супостата чуть ли не пополам, от плеча к бедру. С той поры я и решил, что когда вырасту, то обязательно стану русским воином. И не просто воином, а офицером, чтобы все враги наши так же боялись меня, как эти татары — казаков.

Отец мой всю войну провел в Севастополе, сражался на знаменитом Четвертом бастионе, был несколько раз ранен. А мы с матерью полтора года жили в Мелитополе у деда, старого Александра Ономагулоса. Там-то я и научился бегло говорить по-гречески...

Потом я упросил отца, чтобы он отправил меня в кадетский корпус. Как сына георгиевского кавалера и участника обороны Севастополя, меня туда приняли на казенный кошт. Потом было Михайловское артиллерийское училище. И вот, весна 1871 года, подпоручик Никитин — строевой артиллерийский офицер, закончивший училище с отличием. И предложение генерал-адъютанта Николая Павловича Игнатьева, от которого я не смог отказаться.

Русской военной разведке был нужен человек, хорошо владеющий греческим языком, внешне похожий на уроженца Эллады и имеющий подготовку артиллерийского офицера. Ну и, само собой, преданный России.

Шесть лет мы готовились к этой войне, шесть лет мы собирали сведения о турецкой армии. Саид-бей просто дурак! Если бы он знал, что спрятано на моем корабле... А спрятаны там ни много ни мало как сведения о турецких гарнизонах в Проливах, кроки укреплений Босфора и Дарданелл, расположение артиллерийских парков и пороховых складов. Я ведь специально дразнил эту тупую скотину, чтобы к тому времени, как они начнут грабить мой каик и мое имущество и найдут эти бумаги, я был уже мертв. Спасибо судьбе хоть за это...

От грустных размышлений меня отвлек звук, похожий на орудийный выстрел, за ним еще несколько таких же. «Неужто англичане салютуют туркам? — подумал я. — Или турки англичанам...»

Вдруг земля чуть задрожала, наверху что-то залязгало и заскрежетало. Потом загремели выстрелы. В доме бея заполошно заорали турки, а потом я ощутил страшный удар, от которого с потолка на меня посыпались комья земли и какой-то мусор.

Я услышал выстрелы, причем звучали они так, словно беглый огонь вел целый взвод стрелков, топот ног и самые сладкие сейчас для меня звуки — родной российский мат. Только наш русский человек может так выражаться во время схватки, причем неважно, нижний чин это или офицер.

Я вскочил на ноги и прижался к стене. И вовремя — мой турецкий тюремщик вбежал в зиндан и, сунув ствол своего кремневого пистолета сквозь решетку, выпалил в то место, на котором я только что лежал. Секунду спустя он был сбит с ног выстрелом, отлетел к стене и сполз по ней на землю, превратившись в кучу грязного окровавленного белья.

Наверху все стихало. Скорее всего, нападавшие разогнали банду Саид-бея, собранную сплошь

из подонков и разбойников. Победители стали собирать трофеи и добивать побежденных. Это я понял по одиночным выстрелам, произведенным явно в упор. Так они и про меня могут забыть! Из пересохшего горла я выдавил несколько сиплых звуков, потом прокашлялся, собрал все оставшиеся у меня силы и заорал:

— Люди добрые, помогите! Вытащите меня отсюда!

Наверху послышались тяжелые шаги. Это не были шлепающие шаги турка, обутого в кожаные галоши без задников на босу негу. Шел человек обутый, как мне показалось — в тяжелые армейские сапоги.

— Кто там орет по-русски? — спросил меня незнакомец.

— Димитриос Ономагулос, купец из Афин, — ответил я, кашляя. — Выпустите меня отсюда.

— Ага, счаз! — Я не мог догадаться — это да или нет. Но откинутая в сторону решетка и спущенная вниз лестница не оставили мне сомнений. Сверху ударил яркий бело-голубой луч света. — Теперь давай вылазь, купец афинский...

Не очень-то удобно подниматься по лестнице, когда твои руки связаны. Но ничего, я поднялся.

Дальше все было как во сне. Мои освободители оказались военными, одетыми в испятнанную угловатыми кляксами форму. Они ловко срезали острым ножом веревку с моих рук и повели меня куда-то внутрь дома.

Когда мои глаза привыкли к свету, я смог рассмотреть более внимательно своих спасителей. Не было никаких сомнений, что это русские, причем русские солдаты. Но таких я в своей жизни не встречал еще ни разу. Дело даже не в их форме и странном вооружении — эта странность пропадала, как только к ней привыкал глаз. У меня было впечатление, что я вижу воинов, вышколенных до четкости большой и хорошо отлаженной машины, каждый из которых точно знал, что ему следует делать. В общем, это было совсем не похоже на нашу русскую армию, где за внешним блеском парадов и смотров царили беспорядок и разгильдяйство, из-за которых небоевые потери превышали потери от вражеских пуль и снарядов.

Но с другой стороны, я шесть лет не был в России, где, как я слышал, под руководством военного министра генерала Милютиня шла реформа армии. Может быть, эти солдаты из новых, уже реформированных частей?

На эту же мысль меня навели и эмблемы с Андреевским флагом, нашитые на солдатскую форму. Я дернул своего сопровождающего за рукав:

— Солдат, я русский офицер, немедленно отведи меня к своему командиру.

День Д, 5 июня 1877 года, Эгейское море, неподалеку от острова Лемнос.

Капитан Александр Тамбовцев.

Поздравьте меня! Я снова капитан! Контр-адмирал Ларионов издал приказ по эскадре о привлечении на военную службу офицеров запаса. И вот я опять в рядах родной «конторы»! Чувствую себя будто заново родившимся.

Но вот дело, которое мне поручили... Нет, операцию по захвату острова Лемнос Балтийский

батальон морской пехоты проводит без меня. Дарданелльскую десантную операцию готовят тоже без меня. Без меня самолеты с разведывательным оборудованием и беспилотники проводят воздушную разведку региона. А я...

Ну чем может заняться офицер «конторы» после победоносного сражения? Я буду ассистировать мадам Антоновой, простите, полковнику Антоновой в одном очень важном деле. Нам предстоит допросить подобранных после разгрома турецкой эскадры военнопленных. Турки нас, мягко сказать, вообще не интересовали. А вот их английские советники-командиры, те да, могли рассказать нам много важного и полезного.

Допрос мы проводили в одной из аудиторий для занятий учебного судна «Смольный».

На первое у нас был лейтенант королевского флота Питер Кроу. Этот молокосос стал грозить нам всеми карами земными и небесными за то, что мы «по-пиратски» напали на корабли, на которых находились подданные ее величества королевы Виктории. И для доходчивости прибавил к сказанному «непереводимую игру слов» с использованием лексикона обитателей лондонских доков.

Правда, вскоре я заставил его пожалеть о своих словах, произнесенных в присутствии дамы. Нет, я не использовал приемы из арсенала заплочных дел мастеров Средневековья и не пускал в ход ни утюг, ни паяльник на манер братвы в малиновых пиджаках с толстенными цепями на бычьих шеях.

Все было вполне гуманно и вежливо. Несколько нажатий на болевые точки, расположенные на голове и шее, и язык грубияна развязался. Наша уважаемая Нина Викторовна, которая вела видеозапись нашей беседы, не успевала задавать нашему английскому другу наводящие вопросы.

Как выяснилось, лейтенант был отправлен командующим Средиземноморской эскадры Ее Величества в распоряжение командующего береговой обороны Турции, британскому адмиралу на турецкой службе, сэру Генри Феликсу. Питер Кроу должен был помочь адмиралу проинспектировать береговые батареи Проливов и составить план их усиления на случай возможного прорыва в Босфор и Мраморное море российских кораблей.

К сожалению, лейтенант только направлялся к месту своей службы, и ничего конкретного о системе береговой обороны Проливов сообщить не мог. Но зато он сообщил много интересного о своих бледнолицых братьях, большая часть которых, правда, сгинула бесследно во время побоища.

Второй экземпляр, представившийся Теодором Смитом, оказался еще интересней. Он поначалу долго плевался в нашу сторону, захлебываясь от ярости, кричал о том, что «господь покарает русских за все их прегрешения против цивилизованного человечества» (ну прямо задержанный ОМОНОм «протестут») и по-польски ругал «быдло москальское», которое ему жизнь сгубило.

Из всего сказанного я понял, что перед нами никакой не Теодор Смит, и после курса форсированной рефлексотерапии выяснилось, что мы имеем дело с паном Тадеушем Ковальским. Это был участник польского мятежа 1863 года, служивший хорунжим под знаменами Домбровского и сбежавший в Британию после разгрома мятежников, поскольку в России ему однозначно светила бессрочная каторга, или даже пеньковая веревка. В Туманном Альбионе он стал обитателем трущоб лондонского Ист-Энда, занимался сутенерством, а потом, когда объявили набор в королевский флот, пошел служить туда, рассчитывая еще разок

напакостить москалям.

Дослужившись до матроса 1-го класса, он сам напросился на турецкую службу и в составе эскадры отправился в Стамбул. В столице Османской империи он должен был под руководством одного из британских офицеров сколотить отряд, состоящий из русских дезертиров. Этот отряд планировалось использовать в тылу наших войск для совершения диверсий и проведения активной разведки.

Несмотря на шляхетский гонор, пан Ковальский быстро понял, чего он стоит на земле этой грешной, и заговорил-запел так, что любо-дорого было смотреть и слушать. Мы с Ниной Викторовной выдоили из него все, что он знал о планируемых действиях английских спецслужб против российской армии и о британских офицерах, которые должны были ими руководить. Для полковника Бережного был составлен список лиц, которых было бы желательно взять живьем во время предстоящей операции по захвату Стамбула.

Третий допрашиваемый оказался командером Джозефом Блейком, советником-командиром одного из турецких фрегатов. Он, к нашему удивлению, не стал запираться, и довольно охотно стал отвечать на наши вопросы. Блейк признался, что без большой охоты отправился на временную службу в турецкий флот. Как человек военный, он не мог не выполнить приказ вышестоящего начальства, тем более что после службы султану ему было обещано повышение в чине, да и жалованье за время, когда он будет носить красную феску, ему обещали двойное.

— Послушайте, капитан, — обратился ко мне Блейк. — Если бы я знал, что у русских есть такие удивительные корабли, способные сражаться с самыми лучшими британскими броненосцами, то я бы ни за какие фунты и пиастры не встал бы на мостик турецкого фрегата.

К тому же турки оказались скверными моряками — ленивыми, неопрятными, недисциплинированными. Я попытался было навести порядок среди экипажа, но куда там! — Блейк махнул рукой. — Все без толку.

К тому же во время сражения, а точнее, избиения младенцев, когда мой фрегат горел как свеча, эти скоты думали не столько о том, как спасти корабль, сколько о том, как набить карманы. Какие-то ублюдки успели ограбить мою каюту, а еще двое, приставив ножи к горлу, вытащили у меня кошелек, отобрали часы и стащили с пальца обручальное кольцо. И за этих подонков я еще должен был сражаться? Желаю вам всыпать им побольше, чтобы они наконец узнали, что такое — поднимать руку на белого человека!

— Прямо Киплинг! — усмехнувшись, сказал я Антоновой.

Нина Викторовна побарабанила пальцами по столу:

— Да, свербит в нем «бремя белого человека». Как там писал сэр Редьярд?

Неси это гордое бремя — родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным народам на край земли,
На каторгу ради угрюмых мятущихся дикарей,
Наполовину бесов, наполовину людей.

— Вот-вот, — ответил я ей, — душевным человеком был создатель «Маугли», особенно вот в таких строках:

Солдаты, несите в колонии
Любовь на мирном штыке.

Азбуку в левом кармане,
Винтовку в правой руке.
А если черная сволочь
Не примет наших забот,
Их быстро разагитирует
Учитель наш, пулемет.

Блейк с тревогой смотрел на наши с Ниной Викторовной упражнения в словесности.

— Господа, а что будет со мной?

Полковник Антонова ответила британцу:

— Все будет зависеть от степени вашей полезности российской армии и флоту, а также от вашей помощи нам в войне против турок.

Она дождалась, пока конвой увел пленного, после чего поинтересовалась моим мнением о результатах допроса.

— Дорогая Нина Викторовна, по-моему, мы узнали достаточно много интересного. Надо еще проанализировать полученную информацию, сверить ее с имеющимися у нас историческими материалами, а потом в обобщенном виде доложить адмиралу. Впрочем, все в рамках того, что мы и так знали из исторических источников, ничего принципиально нового.

В этот момент в дверь постучали. В аудиторию зашел улыбающийся полковник Бережной, и с ним какой-то человек, одетый в камуфляжную форму с погонами старшего лейтенанта, но явно не имеющий никакого отношения к нашим морякам или морпехам. Похоже, что этот плотный черноволосый мужчина средних лет, но уже с сединой на висках, был кем-то из местных.

Бережной приложил руку к козырьку камуфляжного кепи.

— Здравия желаю, друзья. Вот, хочу представить вам местного коллегу, поручика Никитина Дмитрия Ивановича. Он был освобожден из турецкого плена нашими морскими пехотинцами, так что прошу любить и жаловать...

Перед войной поручик проводил разведку Дарданелльских и Босфорских укреплений и Стамбульского гарнизона. Более того, при аресте он сумел сохранить добытые материалы, а после своего освобождения передал их нам. Благодаря этому героическому поручику, скоротечной Боспорско-Дарданелльской операции — быть!

Да вы не краснейте, уважаемый, все нормально, мы все только выполняем свой долг перед Россией. Так что, товарищи офицеры, сбор в оперативном отделе ровно через час.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — Нина Викторовна бросила взгляд на часы. — Александр Васильевич, будьте любезны, напишите отчет, а я пойду посмотрю, чем там у нас «аналитики» занимаются, и в первую очередь ваш бывший коллега подполковник Ильин.

5 июня 1877 года, Эгейское море, ТАКР «Адмирал Кузнецов».

Поручик Дмитрий Никитин (в миру Димитриос Ономагулос).

Иногда мне хочется смеяться, иногда — плакать, а иногда кричать: «Господи?! Куда я попал?!

Кто эти люди, и зачем я здесь?!»

В один момент мир встал с ног на голову, и все то, что я знал раньше, в одночасье потеряло смысл. Иногда мне это даже нравится, приятно, знаете ли, оказаться на стороне победителей. Тем более в деле, которому ты посвятил всю свою жизнь. Но, господа, давайте все по порядку.

Унтер-офицер, которому я сказал, что он имеет дело с русским офицером, не стал со мной спорить, и лишь удивленно приподнял левую бровь. Дальше произошло нечто совершенно невероятное. Он вытащил из нагрудного кармана своего жилета маленькую черную коробочку с торчащим из нее штырем, что-то на ней нажал и приложил ее к уху.

— Товарищ капитан, докладывает сержант Бондаренко. Тут это, грек, которого мы из зиндана вытащили, говорит, что он русский офицер, разведчик...

Коробочка что-то прохрипела в ответ, и унтер оглянулся.

— Так недалеко от ворот мы, под навесом. Ага, так точно, товарищ капитан, выходим к воротам и ждем, — унтер убрал коробочку в карман и повернулся ко мне: — Вот так, господин офицер, товарищ капитан сейчас подойдет, выходим к воротам и там ждем его...

У этих самых ворот я остановился в остолбенении: огромные створки из кедровых досок в два пальца толщиной лежали сорванные с петель. Ну а чуть дальше, на площади, стояло то, что заставило меня вытаращить глаза от удивления. Боевая повозка, машина — не знаю даже как и назвать *это*, причем того же цвета, что и форма на диковинных солдатах. На вид она вся была сделана из железа, и при этом еще и двигалась не на колесах, а на длинных гибких лентах из металлических звеньев, соединенных в кольцо. Так вот что так лязгало и гремело у меня над головой! Только, хоть убейте меня, я не представляю, что за мотор заставляет двигаться сей удивительный механизм. Ведь для паровой машины необходимой для нее мощности внутри просто нет места.

Я же все-таки артиллерист, человек образованный, в технике понимаю достаточно. Да и по службе мне нужно знать о новинках техники. Так вот что я вам скажу, милостивые господа, ничего похожего *нигде* и *никем* сделано не было!

Мимо нас прошел молодой подпоручик, бросивший на ходу моему сопровождающему:

— Бондаренко, Иванцова не видел?

— Он где-то внутри, тащ лейтенант, — ответил тот, мимоходом козырнув.

Что меня еще очень удивило (кроме боевой повозки, естественно), так это то, что нижние чины, унтера и офицеры были одеты в абсолютно одинаковую форму, различаясь только погонами. Это что же надо было сделать с нашим офицерством, представители которого, как сороки, обожают всё блестящее и которые ни за что не согласились бы променять свои яркие мундиры на эту форму-невидимку. Похожие взаимоотношения офицеров, хотя бы с унтерами, я раньше видел только в казачьих сотнях. Ну, там все понятно — рядовой казак и офицер у казаков обычно с одной станицы, а может, даже с одной улицы. А тут? Ой, не знаю, не похожи они на станичников. Хотя нет, кажется, вот идет один из них...

— Здравия желаю, тащ капитан, — козырнул унтер, ну как-то не поворачивается у меня язык называть его сержантом. — Вот этот человек утверждает, что он русский офицер, хотя сначала сказал, что греческий купец.

Капитан внимательно оглядел меня с ног до головы. Показалось, что он заглядывает прямо мне в душу. По возрасту и ухваткам я угадал в нем старого служаку, понюхавшего пороху, который, может быть, дрался с англичанами и французами рядом с моим батюшкой на Малаховом кургане, или резался с турками под Еривань. Немного помолчав, он сказал:

— Чем вы можете доказать, что вы офицер Российской армии? Или, милостивый государь, я должен поверить вам на слово?

Немного волнуясь, я подал ему лоскут полотна размером примерно с носовой платок, который извлек из-за подкладки моей куртки. И тут он снова меня удивил. Коротко хмыкнув, капитан повертел лоскут в руках, бормоча себе под нос:

— Ну где же я вам тут утюг возьму?! — потом сунул его в руки унтеру. — Натяни потуже! — Еще мгновение, и в руках у капитана, как у какого-нибудь факира в ярмарочном балагане, вспыхнул огонь. Он водил пламенем под полотном, и на нем стали появляться зеленоватые буквы. Закончив свои манипуляции, капитан вслух прочитал написанное на полотне: «Податель сего является поручиком Русской армии Дмитрием Николаевичем Никитиным и действует на территории Оттоманской Порты с моего ведома и по моему поручению. Генерал-адъютант Н. П. Игнатьев. 7 февраля 1871 года».

Капитан еще раз хмыкнул и поднял на меня глаза:

— Что вы имеете доложить, господин поручик? — Теперь в его взгляде читался вполне практический интерес к моей персоне.

Я подтянулся.

— Господин капитан, у меня есть сведения, которые в связи с началом военных действий должны быть срочно отправлены в Россию. В настоящий момент эти бумаги находятся в тайнике на моем каике.

Капитан вернул мне мой документ, буквы на котором по мере остывания побледнели.

— Сержант Бондаренко, возьми машину, пару ребят из своего отделения и стоняй с господином поручиком в гавань. Если ротный спросит, скажи — я приказал! И быстро, одна нога здесь, другая там!

Ой, что тут началось! Меня посадили на борт одной из боевых повозок и сказали: «Держись!» Неожиданно повозка подо мной взревела, как разъяренный бык. Я от неожиданности чуть... ну, вы понимаете, да?

Наверх ловко запрыгнули унтер-офицер Бондаренко и еще двое таких же пятнистых нижних чинов и присели на броню (я сразу понял, что машина сделана из толстой прочной стали). Боевая повозка дернулась, круто развернулась и с металлическим лязгом помчалась по извилистой улочке в сторону гавани. Едва только раздался первый рык, как на всех заборах и деревьях вокруг нас появились любопытные мордашки соплеменников моей любезной матушки, в возрасте примерно от пяти до пятнадцати годов.

В гавани догорали остатки турецкого вооруженного парохода «Иседдин». Увидев набережную, я присвистнул от удивления. Похоже, что именно здесь полегли лучшие воины Саид-бея. Тут были трупы аскеров, внешне совершенно целые, а также такие, от которых мало что осталось.

Хвала Николаю Угоднику, моя «Ласточка» была целой и невредимой. Старый Константинас,

мой шкипер, заместитель и почти второй отец, встретил меня у трапа со слезами на глазах:

— Мой господин, мы уже и не надеялись увидеть вас в живых, — повернувшись к моим сопровождающим, он низко поклонился им: — Скажи этим храбрым русским воинам, что мы всегда будем помнить добро, которое они сделали для нашего народа.

Я отвел его в сторону.

— Константинас, старый плут, я помню, что когда меня арестовали, бей оставил на корабле двух своих бандитов. Где они?

— Все в порядке, хозяин, — старик снова поклонился мне. — Когда в гавань вошел русский десант, эти дети сатаны решили немного пострелять по их железным машинам. Мы видели, что сделал с корветом всего один снаряд из пушки их повозки, и решили не рисковать. Наши матросы стукнули турок по голове веслами, связали и спрятали в трюме. И видит Божья Матерь, мы совершенно не знаем, что с ними делать.

— Выкиньте их за борт, — отмахнулся я. — Такая мелочь, как жизнь, теперь им совершенно не нужна. Если их отпустить, то они снова начнут разбойничать, пусть и с другим главарем. Напихай камней за пазуху и отпусти их на волю — на дно морское.

— Будет сделано, мой господин, что еще? — Константинас сделал рукой неуловимый жест, и к нам подбежал один из матросов, кстати, его внучатый племянник. Они немного пошептались, и я был уверен, что теперь, как только мы отбудем, башибузуки отправятся на встречу с крабами.

Я произнес условленную фразу:

— Мой старый друг, мне нужна та самая шкатулка из кедра, которую подарил мне мой уважаемый дядя. Обстоятельства призывают меня по делам службы покинуть вас. Но прошу постоять несколько дней в Мирине, пока не станет окончательно ясно, ухожу я или остаюсь.

Константинас еще раз поклонился.

— Слушаюсь, мой господин. — И, кряхтя, удалился вниз, где, в только одному ему известном месте, лежала упомянутая шкатулка, открыть которую можно лишь с помощью ключика, висевшего на цепочке рядом с нательным крестом. При попытке взлома шкатулки все ее содержимое должно было обратиться в пепел. Во всяком случае так уверял меня мастер, изготовивший ее.

Убедившись, что все в порядке, и получив все свои бумаги в целости и сохранности, я от души обнял моего старого друга.

Потом наша гремящая и плюющаяся дымом машина резво побежала обратно, наверх, к бывшей усадьбе бея. Почему бывшей? Потому что над ней уже развевался Андреевский флаг, а на белой стене большими черными буквами по-русски было написано: «Военная комендатура».

Когда капитан увидел мои бумаги из шкатулки, то у него глаза стали круглыми и блестящими, словно у кота, увидевшего жирную мышь. Он оживился, быстренько пролистал мои записки и схемы, после чего схватился за висящую на боку коробочку (чуть больше той, посредством которой беседовал со своим командиром унтер) и отошел в сторону.

Глядя со стороны, можно было подумать, что человек сошел с ума и разговаривает сам с собой.

Но я-то чувствовал, что есть тут какая-то хитрость и где-то капитана слышат, и даже отвечают ему.

— Алло, «Кузнецов»? Говорит капитан Рагуленко, срочно дайте кого-нибудь из разведотдела. Да, важная информация, касающаяся укреплений Проливов и Стамбула. Что, полковник Бережной? Да, так точно, товарищ полковник, сейчас рядом со мной стоит поручик русской армии Никитин. У него имеются самые свежие схемы укреплений и турецких береговых батарей в Босфоре и Дарданеллах. Да, это человек Игнатьева. Есть срочно доставить...

Далее, господа, началось нечто, напоминающее романы французского писателя Жюль Верна. Пока мы занимались моими бумагами, на площади перед бывшим домом бея начал собираться народ, даже заиграла музыка. У моих греческих соплеменников в жизни не так уж много радостей, так что этим самым радостям они умеют отдаваться всей душой. А какой праздник без веселой пляски?

Сгущалась тьма, запылали два огромных костра, топливом для которых послужили обломки выбитых ворот. Музыка играла уже вовсю, и «пришельцы из далеких северных лесов» дружно хлопали в такт зажигательной мелодии. И тут вдруг произошло такое!..

Неожиданно пробившийся через музыку звук сперва напоминал жужжание комара. Но довольно быстро это жужжание превратилось в свист, гул и ревуший грохот. Над насмерть перепуганными людьми зависла тень какого-то воздушного аппарата, от которого исходили порывы штормового ветра.

Капитан Рагуленко взял меня за локоть:

— Поручик, вы храбрый человек?

Не зная, как ответить на этот неожиданный вопрос, я кивнул.

— Ну, вот и отлично! — сказал он, глядя, как сверху на тросе опускается нечто вроде сиденья. — Господин поручик, я получил приказ немедленно отправить вас вместе со всеми вашими бумагами на флагманский корабль нашей эскадры.

Пока меня пристегивали к сиденью, напоминающему люльку маляра, он пожал мне руку:

— Там вас встретит или сам полковник Бережной, или кто-то из его людей. Желаю удачи! — последние его слова потонули в реве ветра, и меня вознесло на высоту. Только выдержка и офицерская гордость удержали меня от криков ужаса. Через несколько минут сильные руки втянули меня внутрь этого летающего аппарата. А я-то уж думал, честно говоря, что мне всю дорогу придется висеть на веревке, как червяку на крючке.

Путешествие можно было бы назвать даже приятным, если бы не постоянный свист и рев над головой. Через какое-то время аппарат (позже я узнал, что он называется вертолетом) опустился на палубу огромного корабля. Его очертания терялись во тьме, но и так было понятно, что он во много раз больше любого военного судна, которое мне приходилось видеть. Хвала господу, летающее кресло мне больше не понадобилось, и я, слегка покачиваясь, ступил на палубу этого удивительного корабля, прижимая к себе заветную шкатулку.

Меня уже встречали. Это был офицер, так же, как и я, поручик, и к тому же примерно моих лет. Он представился мне:

— Старший лейтенант Бесоев. Господин поручик, полковник Бережной вас ждет!

Меня снова повели по трапам и коридорам. Но прежде чем мы попали к господину полковнику, меня переодели согласно местной военной моде, при этом каптернармус со странным прозвищем «Хомяк» выдал мне кучу малопонятных и вообще непонятных вещей. Полковник же, просмотрев мои бумаги и выслушав мою историю, сказал мне:

— Поручик, я вижу, что вы наш человек! Поверьте, это дорогого стоит!

Тогда я был несколько не в себе из-за бурных событий минувших дня и ночи. Поэтому я только вяло кивнул. Тогда мне даже не пришло в голову оценить — что означают сказанные полковником слова.

День Д, 5 июня 1877 года, вечер, Эгейское море, 50 километров юго-западнее входа в пролив Дарданеллы, оперативный отдел тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов».

Поручик Дмитрий Никитин (в миру Димитриос Ономагулос).

Я наблюдал, как контр-адмирал Ларионов прохаживался туда-сюда по помещению, которое здесь называли «оперативным отделом». Вот он остановился и обвел присутствующих внимательным взглядом. Я вижу этого человека первый раз в жизни, но уже понимаю, что туркам очень не повезло в том, что он со своей эскадрой оказался в этих водах. Адмирал быстр и решителен, и мне трудно даже представить пределы мощи, сосредоточенной в его руках. Да, я уже знаю о том, что они пришли из будущего, хотя умом мне не понять — как такое возможно! И еще труднее представить себе силу и мощь этой эскадры. Стоит лишь об этот задуматься, как начинает кружиться голова... Ведь это же бездна лет прошла, и даже страшно представить — насколько они обогнали нас в своих знаниях и опыте ведения войн! Но суть не в этом, точнее, не только в этом... Т-с-с! Он, кажется, хочет что-то сказать?

Адмирал еще раз посмотрел на собравшихся.

— Товарищи офицеры, поскольку любое промедление с проведением операции будет означать утрату фактора внезапности, мною принято решение этой ночью провести Дарданелльско-Босфорскую операцию, целью которой является захват Проливов и города Константинополя. О политических аспектах мы поговорим попозже, а сейчас рассмотрим чисто военные аспекты...

Адмирал замолчал, а у меня даже дух перехватило. Как, с ходу идти на штурм Проливов и турецкой столицы, опираясь только на мою информацию об укреплениях!?

Тем временем адмирал продолжил:

— Среди нас здесь находится русский офицер, который доставил нам планы укреплений и схемы размещения турецких частей, несущих гарнизонную службу в Проливах.

Все присутствующие дружно повернулись в мою сторону, и я почувствовал, что краснею, как гимназистка.

— В общих чертах, эта информация подтвердила уже имеющиеся у нас данные о системе турецкой обороны Проливов, относящиеся к периоду Первой мировой войны. Но теперь мы не предполагаем, а знаем точную диспозицию противника. План такой: форты в горловине Пролива уничтожаются корабельной артиллерией эсминца «Адмирал Ушаков» и ракетного крейсера «Москва»... — К моему великому удивлению, с небольшим щелчком на белой стене появилось нарисованное светом изображение одной из привезенных мною схем фортов. — Форт

«Эртогрул» и... — Еще один щелчок, изображение снова сменилось. — Форт «Седдулбахир» на европейском берегу являются целями для ракетного крейсера «Москва». Василий Васильевич, — обратился адмирал к старшему морскому офицеру средних лет, очевидно, к командиру крейсера, — вам не надо разрушать эти форты до основания. Достаточно будет того, чтобы их гарнизоны обратились в бегство.

После обстрела на берег будут высажены ротные тактические группы морской пехоты Черноморского флота, в задачу которых будут входить захват фортов с суши и закладка зарядов в их пороховые погреба. Оборона Проливов должна быть полностью нейтрализована. Нам не хотелось бы, чтобы кто-нибудь попытался занять брошенные форты и использовать их против нас. Морская пехота будет продвигаться вдоль берегов Пролива по направлению к Мраморному морю, где она совершит обратную амбаркацию на свои транспортные корабли.

В настоящий момент батальон морской пехоты Балтийского флота, захвативший Лемнос, сдает свои позиции роте Северного флота, не имеющей боевой техники, и грузится на свои БДК. На их долю выпадает осуществление вековой мечты русского народа — освобождение древнего Константинополя от турецких оккупантов.

Что же касается фортов Орхания-Тепе и Кум-Кале на азиатском берегу Дарданелл, то они являются целями для эсминца «Адмирал Ушаков». Вам, Михаил Владимирович, та же самая задача, что и Василию Васильевичу. При обстреле целей руководствуйтесь принципами минимальной достаточности, экономьте боеприпасы — ресурс-то невозполнимый. А то знаю я вас, начнете махать шашкой направо и налево...

Хорошо нашим «братьям» в двадцатом веке, в сорок втором и даже четвертом годах — местная промышленность худо-бедно может производить боеприпасы для наших артсистем. А тут всю индустрию надо создавать с нуля. Это касается всех — бесполезная трата боеприпасов, топлива и моторесурса техники является тягчайшим преступлением.

«Да, — подумал я, — что-то не понятно насчет братьев в двадцатом веке. Не все, видно, они мне рассказали...»

Пока я ломал голову над услышанным, адмирал продолжил:

— Одновременно с началом бомбардировки с моря турецкие форты в глубине пролива будут атакованы боевыми вертолетами. «Аллигаторы» идут вдоль европейского берега, «Ночные охотники» — вдоль азиатского. Вооружение — НАРы с объемно-детонирующими боевыми частями. Есть мнение в качестве усиления придать вашей группе вертолеты Ка-29 с блоками НАР.

— Товарищ контр-адмирал, — встал офицер с двумя синими просветами и одной большой звездой на погонах, — неплохо было бы, если вы придадите нам Ка-29 не в качестве ударных машин, а посадите на них десант, с той же целью, что и высадка морской пехоты в горловине пролива. Тогда мы сможем действовать по схеме огневой удар — захват. А то пока десант по местным дорогам доберется до внутренних фортов, могут произойти неприятные для нас неожиданности. Я не прошу придать нам спецуру. Снимите с кораблей хотя бы одну из противодиверсионных рот морпехов или роту охраны с «Кузнецова», и используйте ее для десантирования на форты...

— Разумно, Андрей Николаевич, разумно... — адмирал потер подбородок. — Так и сделаем. Придадим вам роту морской пехоты капитана Грибова с Балтийского флота. Товарищ капитан, вам все понятно? Когда мы закончим, подойдете к майору Смирнову, и с ним согласуете

взаимодействие.

С Дарданеллами, кажется, все уже решили. Начало операции в 22:00. Походный ордер первой группы: головным идет СКР «Сметливый», за ним БДК «Калининград» и «Александр Шабалин». Вторая группа выдвигается в пролив после завершения подавления береговой обороны. Она состоит из флагманского корабля соединения ТАКР «Николай Кузнецов», эсминца «Адмирал Ушаков» и БДК «Саратов» и «Новочеркасск». Замыкает колонну БПК «Североморск».

Десантные корабли к моменту выдвижения должны обратно принять на борт морскую пехоту. СКР «Ярослав Мудрый», учебные корабли «Смольный» и «Перекоп», транспорт «Колхида», вспомогательные суда, плавгоспиталь «Енисей» и крейсер «Москва», остаются на острове Лемнос в гавани Мудроса, — адмирал перевел дух. — Теперь по Константинополю. Батальон балтийцев высаживается в самом городе. Черноморцы — одна рота на европейском берегу в известном всем местечке Сан-Стефано, другая на азиатском берегу, в местечке Гебзе. Их задача — перерезать дороги, ведущие в глубь страны, и не допустить как бегства членов турецкого правительства из столицы, так и подход подкреплений к гарнизону Константинополя.

Товарищи офицеры, все свободны, остальные распоряжения по финальному этапу вы получите непосредственно перед началом операции.

Мы все уже поднялись, собираясь выходить. Честно говоря, здесь, среди этих людей, я не знал, куда мне теперь идти и что дальше делать. Но тут адмирал снова заговорил:

— А вот вас, полковник, Бережной, я попрошу остаться. Это же относится и к полковнику Антоновой, подполковнику Ильину, майору Гордееву, капитану Тамбовцеву и... — он встретился взглядом со мной, — поручику Никитину.

День Д, 5 июня 1877 года, вечер, Эгейское море, 50 километров юго-западнее входа в пролив Дарданеллы, оперативный отдел тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов».

Капитан Александр Тамбовцев.

Вместе со мной в помещении оперативного отдела остались полковник ГРУ Бережной, полковник СВР Антонова, подполковник СВР Ильин, майор ГРУ Гордеев и поручик Русской армии Никитин, он же греческий негодник Димитриос Ономагулос. Сплошные шпионы, или, говоря вежливо, разведчики!

Значит, речь пойдет о чем-то головокружительно лихом, о чем потом нельзя будет говорить лет пятьдесят, а может, и поболее. Интереснее всего, пожалуй, наблюдать за поручиком. Он тут единственный из хроноаборигенов, и к тому же самый младший по званию. Чувствует себя с полковниками-подполковниками, как мышь на кошачьей свадьбе. У них тут с этим сурово, старшие офицеры для поручиков почти что небожители, а контр-адмирал для него и вовсе как полубог...

Но, как ни странно, контр-адмирал Ларионов начал совет именно с поручика. Впрочем, если задуматься, то ничего в этом странного нет — в русском флоте принято было начинать военный совет с самого младшего по званию, дабы не давить его мнением старших.

— Господин поручик, — контр-адмирал сделал паузу. — Я хочу еще раз выразить вам свою

благодарность за доставленную информацию. Думаю, благодаря вам будет спасено немало человеческих жизней.

— Ваше превосходительство, господин контр-адмирал, я попал к вам случайно, ваши люди меня сами нашли. Причем в самом неприглядном месте — подземной тюрьме бея Мирины. Можете представить мое состояние — я уже готовился к встрече с Всевышним, причем после не самых приятных процедур.

И тут буквально вдруг из ниоткуда являются ваши лихие молодцы и разносят все в пух и прах, — поручик перевел дух. — Ведь я сначала подумал, что турок атаковала самая обычная реформированная часть российской армии. Ну, восстановил военный министр Милютин морскую пехоту, ну, карабин автоматический на вооружение приняли.

А вот про то, что вы пришли к нам из будущих времен, так о том первые подозрения у меня возникли лишь тогда, когда меня закинули в этот летающий экипаж — вер-то-лет. Ведь даже ваша боевая самодвижущаяся повозка не вызвала у меня большого удивления! Ну, машина, ну, ездит сама, так паровоз тоже сам ездит... Так ведь у нас, господа, и век такой, что каждый день чудо на чуде, да и месье Жюль Верн, до романов которого я большой охотник, постарался, отбил способность удивляться.

— Да-а-а! — протянул контр-адмирал Ларионов, выслушав исповедь молодого человека. Впрочем, какой он «молодой» — старше любого из присутствующих на целое столетие. — Во всем, получается, виноват месье Жюль Верн. Но вы-то сами, поручик, как думаете — будете с нами дальше сотрудничать или нет? — его голос и выражение лица стали совершенно серьезными. — А ведь нам очень нужна ваша помощь.

На лице поручика Никитина появилось недоумение:

— Прощу прощения, ваше превосходительство, но чем я могу вам помочь? Ведь я — простой русский офицер, да к тому же абсолютно не разбирающийся в ваших хитрых машинах и не знающий всего того, что знаете вы?

Полковник Бережной поднял руку:

— Разрешите, товарищ контр-адмирал?

Ларионов кивнул, отходя в сторону.

— Поручик, самое главное, что вы разведчик! Шесть последних лет вы работали на турецком направлении и, надеюсь, знаете эту страну, а особенно Стамбул, досконально. Нам нужны ваши знания, опыт и связи, ибо нашей целью является не только военный набег, или, как у вас это называется, диверсия, а захват и оккупация Второго Рима...

— Господа! — поручик неподдельно изумился услышанному. — А как же Россия, в смысле наша Россия, ведь Проливы — это наша мечта со времен... ну, наверное, Петра Великого.

— Господи, поручик, — вздохнул я, — об этом пока мало кто знает, но год назад между Австро-Венгерской и Российской империями было составлено так называемое секретное Рейхштадтское соглашение, в котором Российская империя, в лице канцлера Горчакова и в присутствии императора Александра II, в числе всего прочего обещала не занимать Константинополь и Проливы. Соглашение настолько секретно, что о нем не знает даже ваш начальник — генерал-адъютант Игнатьев. Кстати, тексты договоренностей несколько отличались друг от друга.

В случае поражения турок, согласно русскому тексту, Сербия получала Герцеговину и порт Спицца на Адриатике, Черногория — часть старой Сербии и Боснии, а Австро-Венгрия — турецкую Хорватию и пограничные районы Боснии. Согласно австрийскому тексту, в случае поражения турок, Сербия и Черногория получили бы лишь пограничные районы Боснии и Герцеговины, а большая их часть переходили бы под контроль Австро-Венгрии. При этом Россия возвращала бы себе Юго-Западную Бессарабию, потерянную после Крымской войны, и Батум.

— Но это же предательство, господа! — вскипел поручик. — Как государь мог обещать им такое!

— Увы, нет, молодой человек, это не предательство, а просто большая политика, — пожал плечами контр-адмирал. — Не дай Российская империя определенных гарантий своего неусиления в результате конфликта с Турцией, и воевать бы пришлось с альянсом Британии, Австро-Венгрии, Германии и Турции... Вам напомнить сюжет прошлой войны?

Потом еще будет Берлинский конгресс, на котором у России силами всей Европы будут выкручивать руки, отбирая законные плоды ее побед.

А между прочим, австрияки за чужой счет, не приложив практически никаких усилий, обзаведутся двумя богатыми провинциями, Боснией и Хорватией, а англичане оккупируют Крит, «до тех пор, пока в руках русских остается Батум».

Но мы, как вы верно заметили, не Российская империя, мы никаких «предательских» договоров не подписывали, ни с Австрией, ни с Британией. И тот, кто придет к нам за шерстью — уйдет без головы, это вы, наверное, тоже поняли. С другой стороны, мы русские и патриоты, и имя «Россия» для нас не пустой звук. Но это я что-то уже в поэзию ударился...

Поручик подтянулся.

— Ваше превосходительство, чем же я могу вам помочь в этом святом деле? Всю жизнь я мечтал увидеть, как будут наказаны за свое вероломство австрийцы и британцы. Наглых французов наказал Бисмарк, теперь очередь за заносчивыми бриттами и подлыми австрияками. Я, да и, наверное, все русские люди, ничуть не пожалею, если возмездие в отношении их совершится вашими руками.

Адмирал пригладил короткие усы.

— В курс дела вас введут полковник Бережной и полковник Антонова, но со своей стороны могу вам пообещать: скучать вам не придется.

Бережной усмехнулся.

— Позвольте еще раз представиться: Бережной Вячеслав Николаевич, полковник Главного разведывательного управления Генерального штаба — военная разведка, чтобы вам было понятней. А эта почтенная дама — Антонова Нина Викторовна, тоже полковник, но только службы внешней разведки, а стало быть, ваша коллега.

Поручик пожал плечами:

— Господа, но какое отношение разведка имеет к захвату города? Это ведь дело армии. Ну, и флота, конечно.

— И армии тоже, — согласился с ним Бережной. — Но маленькая поправка. Вы, поручик, только что согласились вступить в некий закрытый клуб, в котором принято друг друга называть товарищами... Да, да, это именно так. И еще: тут у нас нет нижних чинов, а есть товарищи бойцы. Если вы сможете усвоить эти простые истины, то тогда мы с вами споемся.

— Да, — поручик кивнул головой, — я это заметил еще на Лемносе, товарищ полковник.

— Отлично, — азартно потер ладони Бережной, — реакция есть — значит, дети будут! Не обращайтесь внимания, товарищ поручик, сия шутка времен моей молодости.

Теперь по существу, — его лицо стало предельно серьезным. — Нам надо не просто захватить почти миллионный город, а захватить его силами примерно четырехсот бойцов. Черт с ним: ночью, внезапно уничтожив гарнизон, мы это сделаем. Но как его удержать утром, когда местные башибузуки и прочая сволочь увидят, насколько нас мало? Начнется кровавый хаос. Турки кинутся убивать христиан, а мы будем вынуждены массово убивать турок, чтобы прекратить резню.

В закрытых исторических документах мне приходилось встречать информацию о том, что некая тайная организация православных греков готовила восстание в городе на случай его осады и штурма русскими войсками... Не имеете ли вы, товарищ поручик, отношения к этой организации?

— Да! — коротко ответил Никитин. — Имею. Только, если штурм начнется этой ночью, мы просто не успеем их предупредить.

— Успеем! — сказал адмирал. — «Алроса» еще засветло прошла Дарданеллы и сейчас находится в Мраморном море на полпути к Стамбулу. Мы перебросим вас на нее вертолетом. Они, поручик, высадят вас там, где укажете.

— Что такое «Алроса», господин... простите, товарищ контр-адмирал? — переспросил Никитин.

— «Наутилус» капитана Немо помните? — усмехнулся адмирал. — Так вот, товарищ поручик, вы первым из ваших современников сподобитесь взойти на борт самого настоящего подводного корабля.

— Да... — поручик сдвинул на затылок свое кепи, — вы меня удивляете, товарищи! Товарищ полковник, — повернулся он к Бережному, — на какой час запланирован штурм, и каким будет сигнал к выступлению? Вы только начните, и в городе поднимется каждый грек и каждый христианин. Почти пятьсот лет ждали, вы даже представить себе не можете!

— Операция начнется перед самым рассветом, примерно в четыре часа утра по нашему времени, — полковник Бережной расстелил на столе карту Стамбула. — Вы извините, но эта из нашего времени, а за почти сто пятьдесят лет город сильно разросся.

Сигналом к началу операции станут стрельба и взрывы в районе Долмабахче. Да, да, не удивляйтесь, мы сразу начнем с захвата его султанского величества, Повелителя Правоверных Абдул-Гамида II.

Если операция пройдет успешно, то Турция будет обезглавлена, и повсюду начнут появляться много-много мелких султанов, которых мы и передадим поодиночке. Но должен вас предупредить, что мы не сможем вооружить ваших друзей своим оружием, ибо просто не имеем ни нужного количества стволов, ни запаса боеприпасов к ним.

Поручик ткнул пальцем в карту:

— Вот здесь, к северу от дворца, в арсенале Топ-хане, по нашим сведениям, хранится запас султанской армии: пять тысяч винтовок Генри-Винчестера и десять тысяч винтовок Пибоди-Мартини. И патроны к ним, примерно по двести выстрелов на ствол.

— Твою дивизию! — выдохнул Бережной. — Майор Гордеев, — обратился он к командиру роты спецназа, — обязательно выделите туда спецгруппу, арсенал нужен нам неповрежденным.

«И точно, — подумал я, — целую дивизию вооружить можно».

— Только вот что, товарищ поручик, нам совсем не нужно, чтобы ваши ополченцы превратились в банду грабителей. Порядок должен быть жесточайший, никаких разбоев, бессудных убийств и прочих беспорядков допускать нельзя. За такое наши бойцы будут уничтожать на месте, невзирая на национальность и вероисповедание. Вы не думайте, что турки, совершившие ранее преступления против ваших братьев, останутся безнаказанными, но сперва должен быть гласный суд, официальный приговор, и только тогда — веревка на шею преступника. Понятно?!

— Так точно, — поручик еще раз вытянулся, и козырнул, — господин... извините, привычка... товарищ полковник, разрешите приступить?

— Приступайте! Майор Гордеев вас проводит к себе, и вы договоритесь с ним насчет связи и взаимодействия, — Бережной повернулся к командиру роты спецназа: — Александр Александрович, обеспечьте поручика средствами связи и обучите его ими пользоваться. Только побыстрее, время не ждет.

День Д, 5 июня 1877 года, ночь, Эгейское море, вход в пролив Дарданеллы, ГКП тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов».

Полковник ГРУ Вячеслав Бережной.

— Товарищ Бережной, назначаю вас, как самого старшего по званию из армейских офицеров, командующим сухопутным соединением, — контр-адмирал Ларионов вопросительно глянул в мою сторону. — Справитесь?

— Да! — ответил я, и тут же у меня мелькнула мысль: «Влип! — картина Репина „Приплыли!“: одно дело через оперативную группу руководить действиями роты спецназа, людей досконально мне известных, взрослых и до предела ответственных. И совсем другое — получить под свое командование воинское соединение от майоров до кашеваров включительно. При этом соединение получается примерно масштаба бригады и крайне несбалансированное по составу. Ну и дела! Но куда деваться — действительно, не Нину Викторовну Антонову же назначать комбригом?»

Но мысли мыслями, а вслух я мог сказать только одно:

— Постараюсь, товарищ контр-адмирал, разрешите приступить. — Ибо невместно нам, элите армии, бегать от ответственности. Впрочем, как я уже сказал, при всем богатстве выбора, другой альтернативы нет!

Ясная безлунная ночь, почти полное безветрие, в черной-черной воде отражаются

бесчисленные звезды. Погасив огни, соединение крадется к Дарданеллам. Кстати, непроглядный мрак царит только для невооруженного глаза. Стоит только взглянуть в электронный бинокль с фотоумножителем, как непроглядная тьма сменяется хмурыми серыми сумерками. На европейском берегу на фоне неба отчетливо виден передовой форт Эртогрул, на азиатском — форт Орхания-Тепе. На полетной палубе «Кузнецова» уже раскручивают роторы восемь ударных вертолетов. Все готово к началу операции.

Бархатно-черную тьму разорвали багровые вспышки. Крейсер «Москва» открыл огонь по форту Эртогрул примерно с дистанции в семнадцать с половиной километров. Мгновение спустя «Ушаков» ударил носовой башней по форту Орхания-Тепе, а кормовой — по форту Кум Кале, находящемуся на азиатском берегу в самой горловине пролива. Полторы минуты сплошной канонады, сто тридцать пять двухпудовых осколочно-фугасных снарядов, летящих на цели по крутым траекториям. Если командиры БЧ-2 на «Москве» и «Ушакове» все сделали правильно, то нет такой силы, которая была бы способна остановить мчащуюся по воздуху смерть.

Тем временем центр управления полетами «Кузнецова» дал добро ударным вертушкам, и они, поднявшись в ночное небо, направились к берегу, подобно стае разъяренных ос. На стартовые площадки начали выкатываться транспортно-боевые Ка-29.

Вспышка первого разрыва полыхнула на Эртогруле секунд через пять после прекращения огня, потом вторая, третья, четвертая. Кусты разрывов громоздятся друг на друга, бросая к небесам багровые блики. То, же самое происходит и на азиатском берегу. «Ушаков» так же точно накрыл свои цели.

Примерно на середине серии сильнейший взрыв гремит на Эртогруле, фейерверком разлетаются во все стороны пылающие обломки — красота! — очевиднейшее прямое попадание в пороховой погреб. А снаряды продолжают падать на пылающие изуродованные руины. Вряд ли там выжил хоть один человек. Но, по опыту бомбардировки этих же фортов в ходе Дарданелльской операции союзников в Первую мировую войну, можно ожидать, что часть гарнизона фортов сумеет уцелеть в укрытиях. Так что и для десантников работы хватит.

Тем временем «Москва» переносит огонь на форт Седдулбахир. На азиатском берегу пылает форт Кум-Кале. Что там может гореть — непонятно. Неужто какой-нибудь неуставняк, вроде годового запаса сена для баранов господина коменданта, или, что более вероятно, фураж для гарнизонных лошадей? Однозначно что-то вроде этого, ибо пламя вздымается к небесам стеной.

Орхания-Тепе в руинах. В бинокль видно, что стена форта, обращенная к морю, съехала вниз к проливу вместе с орудиями, и теперь этот форт вряд ли сможет оказать сопротивление. Так, нужно внести в предварительный план кое-какие корректировки. Не стоит зря жечь топливо и расходовать моторесурс.

Подношу к губам микрофон рации:

— Сэм-один, десантирование на азиатский берег приостановить до особого распоряжения. Как поняли? Прием.

В ответ проскрипело:

— Я Сэм-один, вас понял, высадку десанта приостанавливаю до особого распоряжения...

Эсминец «Адмирал Ушаков», короткой серией на сорок пять секунд из обеих башен, закончил обрабатывать форт Кум-Кале-2, запирающий горловину пролива с азиатской стороны.

Перемудрили, товарищи артиллеристы, явно перемудрили. Форты, построенные в середине XVIII века, не выдержали ярости фугасных снарядов, сделанных в конце XX века. Вон и Седдулбахир, точнее, то, что от него осталось. А осталось не так уж и много — осыпавшиеся груды камня и битого кирпича, закопченная воронка на месте порохового погреба. Десантировать тут морскую пехоту нет смысла, проще завтра с утра прислать группу на вертолете для зачистки и обследования. Отменяем десант и втягиваемся в пролив.

А впереди уже полыхает зарево — вертушки со снайперской точностью штурмуют форты, расположенные в глубине пролива. «Ушаков», который идет в порядке сразу за «Сметливым», готов в любой момент открыть огонь по указанным целям.

Но тут полная тишина, ибо вертолетчики отлично справляются сами. Один раз на берегу мелькнула группа всадников, с борта «Ушакова» по ним ударила шестиствольная скорострелка АК-630. Когда рассеялись дым и пыль, на земле остались бьющиеся в агонии лошади и изломанные человеческие тела. Позднее мы узнали, что там закончил свою жизнь главнокомандующий береговой обороной Турции, британский адмирал на османской службе сэр Генри Феликс. Его посеченное осколками тело, как и тело его британского адъютанта, на третьи сутки доставили в Константинополь греческие ополченцы.

Проходим мимо первой пары внутренних фортов Дарданос — Мессудие. Огромные дульнозарядные орудия британского производства опрокинуты мощными взрывами. Пожалуй, без подъемного крана и какой-то матери восстановить эти батареи будет невозможно. Тем более эти орудия системы Армстронга так дурно сконструированы, что представляют куда большую опасность для своих расчетов, чем для неприятеля. Разрыв орудийного ствола для них — обычное дело. Молодец поручик, вся его информация точна, бьем вроде бы наугад, но попадаем точно в цель.

Впереди пролив делает поворот, а перед ним, на европейском берегу, напротив города Чанаккале, целая группа фортов — четыре или пять. Это самое узкое место пролива. Над фортами, подобно разъяренной мошкаре, вьются ударные вертушки. «Ушаков» беглым огнем бьет вперед, по замыкающим пролив фортам Анадолу и Нагара. Там пылают пожары и грохочут взрывы — ну, в общем, все как обычно.

А на палубу «Кузнецова» садятся израсходовавшие боезапас ударные вертолеты. Быстрая перезарядка НАРами пусковых контейнеров — и вот они снова взмывают в воздух, уступая место транспортным Ка-29. Смотрю на часы: ого, а операция-то уже идет больше часа. Укрепления Дарданелл почти прорваны, скоро и нашему спецназу пора заняться своим привычным делом.

На очереди операция «Фараон», и транспортные вертолеты в следующий раз поднимутся только с «воинами племени летучих мышей» на борту. А безлошадная морская пехота будет служить нам в этом деле в качестве средств усиления.

Ночь, район Стамбула Галата.

Поручик Дмитрий Никитин (он же Димитриос Ономагулос).

Я много раз читал и перечитывал книгу моего любимого писателя Жюль Верна «20 тысяч лье под водой». Но я не мог себе даже представить, что мне самому доведется побывать на борту подводного корабля, который, пожалуй, кое в чем был совершеннее «Наутилуса» капитана Немо. На «Алросе», так назывался этот корабль, не было фонтанов и картинных галерей. Но в

отличие от «Наутилуса», он не был предназначен для путешествия. Это было самое совершенное орудие убийства, и горе тому, кто станет мишенью «Алросы».

Впрочем, поближе познакомиться с подводным кораблем потомков мне не довелось.

После того как недалеко от Принцевых островов вертолет завис над всплывшей «Алросой» и на той же беседке меня аккуратно погрузили на палубу корабля, я сразу же был приглашен на совещание, которое вел старший лейтенант Синицын, командир группы подводных бойцов элитного подразделения моих коллег из будущего. Они собирались... Да-да, не удивляйтесь, ворваться в султанский дворец и захватить самого Абдул-Гамида!

Первый раз я услышал об этом на совещании у адмирала Ларионова. Поначалу подумал, что адмирал шутит — горстка людей против всего гарнизона турецкой столицы! Но мне объяснили, что с гарнизоном никто воевать и не собирается, а с охраной дворца они сумеют справиться.

Или у этих людей чудовищное самомнение, или... Мне даже стало страшно — если они способны на *такое*, то никто из власти предрежащих в этом мире не может теперь спать спокойно.

Мне же была поставлена особая задача. Суть ее заключалась в следующем. Я должен был незаметно высадиться в пригороде Стамбула Галате и установить связь с одним из моих людей, который имеет возможность время от времени посещать султанский дворец. Потом я познакомлю его с командиром бойцов из будущего, и он расскажет тому о системе охраны дворца Долмабахче, расположении внутренних и внешних постов (насколько они ему известны) и о возможных местах проникновения в резиденцию султана.

Но это было далеко не самым главным. Об основной моей задаче мне рассказал полковник Бережной, когда мы остались с ним вдвоем. И задание заключалось в следующем. Мне надлежало встретиться с резидентом русской разведки в Стамбуле, находящимся там под чужим именем. И вступить с ним в контакт в качестве официального представителя командования эскадры пришельцев из будущего. Для связи с майором Гордеевым мне была выдана радиостанция. Это та самая черная коробочка с торчащим из нее гибким стержнем, с помощью которой наши потомки могут общаться друг с другом на большом расстоянии. Связист с погонами подпоручика в течение получаса обучил меня правилам пользования этим удивительным прибором. Оказалось, что это не так уж сложно, главное — запомнить последовательность действий. На всякий случай мне была дана инструкция с изображением самой радиостанции и кнопок на ней. Во время своего путешествия на вертолете в Мраморное море, я, как прилежный гимназист, заучивал правила пользования этой радиостанцией.

Кроме нее полковник Бережной передал мне фотографии судов и летательных аппаратов потомков. Фотографии были удивительные, цветные, словно картины, исполненные самым искусным художником.

И вот уже видна цель моего путешествия. Ночь была как на заказ — темная, безлунная. Не знаю как, но, несмотря на темноту, подводная лодка всплыла точно в том месте, какое я указал на карте. Во тьме мерцали едва видимые с моря огоньки Галаты. Моряки быстро наполнили каким-то газом резиновую лодку, установили на ней небольшой моторчик с винтом на конце блестящей штанги и пригласили меня пройти в лодку. Вместе с механиком, обслуживающим моторчик, в лодку сели два бойца старшего лейтенанта Синицына, вооруженные своим странным оружием, чем-то похожим на ружье-недомерок с кривым магазином для патронов под ним. На голове у них были большие очки, похожие на глаза огромной лягушки. С собой они взяли две какие-то трубы, ответив на мой вопрос об их предназначении, что это «шмель»,

который «кусается больно», и что «береженого Бог бережет».

Резиновая лодка двигалась по воде удивительно быстро. На подходе к берегу один из морских бойцов дал мне свои странные очки, оказавшиеся «прибором ночного видения». Чудеса продолжались — через окуляры этих очков я отчетливо видел, хотя и в каком-то мерцающем зеленоватом свете, саму деревушку и причал со стоящими у него рыбацкими лодками. Подойдя к этому причалу, мои спутники осторожно приткнулись к нему, а потом буквально на руках высадили меня из лодки.

Я огляделся по сторонам. Это был район Галаты, больше похожий на рыбацкую деревушку. На берегу стояла тишина, лишь кое-где лениво лаяли собаки. Лодка с «Алросы» бесшумно отошла от причала. Потом едва слышно заработал моторчик, и она помчалась к подводному кораблю. Я еще раз осмотрелся и, не увидев ничего подозрительного, зашагал вдоль берега. Ночных разбойников я не боялся, поскольку в моем кармане лежал взведенный автоматический пистолет из будущего и две запасных обоймы к нему. А эти шакалы умеют чуют тех, кто способен дать им отпор, и обходят их стороной.

Путь к дому старого рыбака-контрабандиста Аристидиса Кириакоса мне был хорошо знаком. Не один раз я вот так, ночью, переправлялся на этот берег и высаживался на этом причале. Так что теперь ноги сами вели меня к цели.

Ночь, район Стамбула Галата, дом Аристидиса Кириакоса.

Димитриос Ономагулос (он же поручик русской армии Дмитрий Никитин).

Я постучался в дверь. Открыл мне сам хозяин. Удивительно, но он был одет, словно и не спал вовсе. Кроме того, в руках Аристидис держал старый кремневый пистолет — память о его службе в знаменитом Балаклавском батальоне.

Кириакос хорошо знал, кто я и где служу, потому, не став ходить вокруг да около, я сразу же приступил к делу.

— Скажи, приятель, ты хотел бы помочь российской армии захватить Стамбул? — напрямую спросил я Кириакоса.

— Дмитрий, ты же знаешь меня не первый год, — ответил он мне, — когда я отказывался помогать русским братьям? Только насчет захвата Стамбула... — он задумался, — знаешь, Дмитрий, хоть русская армия и могуча, а ее солдаты храбры, но вряд ли ей под силу уничтожить этих вурдалаков, которые веками пили кровь из нашего народа, и вырвать у них из рук город святого Константина.

— А если я скажу тебе, что русские смогут это сделать, причем в самое ближайшее время? — снова спросил я Аристидиса.

— Дмитрий, я знаю тебя как человека честного. Ты не будешь меня обманывать. Если русским удастся освободить Константинополь и водрузить крест на Святой Софии, то это будет самый счастливый день в моей жизни. Ради него я готов на все... Какую помощь ты от меня ждешь?

— Аристидис, я приплыл к тебе на русском корабле с Лемноса. Остров уже захвачен русской эскадрой, — я достал из кармана куртки часы. — И вот еще что: четверть часа назад корабли начали уничтожение укреплений в Дарданеллах. Да-да, Аристидис, именно, не штурм или

обстрел, а уничтожение. Поверь мне, на Османскую империю надвигается такая сила, которую ты даже представить себе не можешь. Турки будут раздавлены, как жаба, попавшая под колесо тяжелой повозки.

Тебе надо будет встретиться с командиром русских десантников, которые собираются... Ты только присядь, а то, боюсь, не устоишь на ногах... Так вот, они собираются захватить дворец Долмабахче и взять в плен самого султана!

— Матерь Божья! — воскликнул Аристидис. — Ты точно сошел с ума! Или твои русские спятили! Да как вам это удастся сделать?!

— Они смогут это сделать, и ты им в этом поможешь. Сейчас мы с тобой пойдем к пристани. Там нас будет ждать лодка с русского корабля...

— Как, русский корабль уже здесь! Как же его турки пропустили через Дарданеллы?! — изумился Аристидис.

— Да, здесь... А разрешение на проход через Дарданеллы он у турок и не спрашивал. Впрочем, ты скоро сам убедишься в том, что это разрешение ему не очень-то и нужно...

Теперь слушай дальше. Ты расскажешь командиру морских десантников все, что знаешь о султанском дворце. Ведь тебе приходится иногда там бывать. Я ведь знаю, что ты поставляешь рыбу, пойманную тобой, поварам султанской кухни...

— Да, иногда я привожу на продажу свой улов в Долмабахче... Проклятый Абдул-Гамид любит вкусно поесть. А я мечтаю, чтобы это османское отродье когда-нибудь подавилось рыбной костью...

— Так вот, русских интересует расположение внутренних и наружных постов в султанском дворце, а также все, что тебе известно о логове этого шакала, проливающего кровь наших братьев по вере.

— Я готов рассказать русским все, что знаю, — Аристидис засунул свой пистолет за пояс. — Идем, раз так нужно!

— Хорошо, пошли. Ты, надеюсь, не забыл русский язык?

— Обижаешь, Дмитрий! Как можно! Я ведь каждый год отправляюсь в Балаклаву поклониться могилам своих родственников и навестить своих племянников, которые живут там.

— Тогда вперед. У нас мало времени, мне тут надо встретиться с еще одним человеком. И еще я тебя прошу, Аристидис — ничему не удивляйся!

День Д+1, 6 июня 1877 года, 4:20, Мраморное море, кубрик роты спецназа на тяжелом авианесущем крейсере «Адмирал Кузнецов».

Полковник ГРУ Вячеслав Бережной.

— Товарищи офицеры и бойцы, командованием перед нами поставлена задача по захвату резиденции турецкого султана, дворца Долмабахче, и пленении султана Абдул-Гамида II, — я оглядел стоящих передо мною парней. Годы специальной подготовки и тренировок превратили их в настоящих профессионалов. — Султана необходимо взять живым, — продолжал я, — и с

минимальными повреждениями для его психики и тела.

Я вывел на подключенную к ноутбуку плазменную панель схему дворца.

— Непосредственно захват будет производить группа капитана Каргопольцева, вот тут личные покои султана... Группа старшего лейтенанта Евсеева зачищает центральную часть дворца, группа капитана Андропова блокирует парк и внешнюю ограду. Со стороны моря, по линии набережной, с нами будет взаимодействовать группа боевых пловцов из состава морской пехоты Черноморского флота. Подлодка «Алроса» с боевыми пловцами на борту уже находится на месте операции.

Старший лейтенант Антипов поднял руку:

— А наша группа, товарищ полковник?

— Ваша группа будет выполнять отдельную задачу, может быть, не менее важную, чем захват султана. Севернее дворца на том же берегу пролива Босфор расположен военный арсенал Топхана. Там хранится неприкосновенный оружейный запас султанской армии — более пятнадцати тысяч современных для этого времени винтовок, в том числе более десяти тысяч американских винтовок Генри-Винчестера и Пибоди-Мартини. Нам абсолютно не нужно, чтобы этот арсенал попал в неправильные руки, — увидев, что старший лейтенант хочет что-то сказать, я остановил его жестом. — Более того, из местных греков и славян наше командование рассчитывает сформировать вспомогательные войска, а там, между прочим, оружия, и причем неплохого для этого времени, на целую дивизию...

— Все понятно, товарищ полковник, — кивнул Антипов. — Какие-нибудь особые указания будут?

Я задумался.

— Есть сведения, что на территории арсенала находятся жилые помещения, в которых квартируются иностранные специалисты: немцы, англичане, французы. Постарайтесь, чтобы эти люди по возможности не пострадали. И не покинули нас не попрощавшись. Короче, они нам еще пригодятся. Охрану же разрешаю зачистить полностью, нам совершенно не нужен раньше времени шум в городе. Все понятно?

— Так точно, — козырнул старший лейтенант, и я переключился на группу, которой предстояло брать султана, и вывел на плазменную панель его фото.

— Значит, так: перед нами его султанское величество Абдул-Гамид II. Брать его только живьем. В молодости он занимался гимнастикой, верховой ездой и стрельбой. Так что султан неплохо физически развит. Очень подозрителен, никому не доверяет, всегда спит с револьвером под подушкой. В его оправдание можно сказать, что быть султаном в Турции — весьма опасная профессия. За истекшие пятьсот лет почти ни один султан не умер своей смертью, хотя очень многие — в своей постели.

Парни понимающе усмехнулись.

— В деле нас будет поддерживать группа ударных вертушек, выделенный канал для связи с ними вы получите непосредственно перед началом операции. И еще, неподалеку от дворца расположен комплекс казарм султанской гвардии — элитные войска, натренированные германскими инструкторами, примерно двенадцать тысяч штыков. Одновременно с началом захвата дворца, тройка Су-33 исполнит по ним «соло на ОДАБах».

Командир роты и мой первый зам, майор Гордеев, поднял руку:

— Как я понимаю, дворец необходимо не только захватить, но и удержать?

— Да, Александр Александрович, удержать дворец необходимо. Во-первых, из-за хранящейся в нем султанской казны и прочих материальных ценностей; во-вторых, просто как центр власти. Но мы не ждем организованных попыток турок его отбить. Максимум, что возможно, так это попытки проникновения на территорию дворцового комплекса банд мародеров.

И еще: примерно через два с половиной часа после начала операции в районе дворца будет развернуто до батальона морской пехоты, причем первую роту, без бронетехники, мы перебросим вертолетами уже минут через сорок. Не думаю, что в таких условиях задача удержать дворец будет очень сложной. Кроме дворца морская пехота возьмет под контроль арсенал Топхана и прилегающий к дворцу посольский квартал, — я посмотрел на часы. — Надеюсь, что все ясно, потому что времени на разговоры больше нет.

День D+1, 6 июня 1877 года, 5:05, Мраморное море, тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов».

Полковник ГРУ Вячеслав Бережной.

Все, время пошло! Ударные вертушки одна за другой оторвались от палубы и легли в круг ожидания. На стартовые площадки начали выкатывать наши транспортные Ка-29. Сейчас наша эскадра миновала остров Мармарис и находится на расстоянии получаса полета вертолета до Константинополя.

Да, отныне и навеки этот город будет теперь именоваться только так!

Запрыгиваю в вертушку. Вместе со мной летит еще полувзвод спецназа, шестнадцать отчаянных парней в черных ночных камуфляжах, с ног до головы увешанных своими «орудиями труда».

Раскручиваются турбины, и вертолет поднимается в воздух. Невидимая во тьме, проваливается вниз палуба «Кузнецова», а на горизонте уже видно тусклое розовое зарево — Константинополь. Этот мир еще не знает электрического освещения, но на бульварах и улицах городских кварталов, где проживают богатые люди, уже светят газовые фонари. Газом здесь освещают не только улицы, но и обычные жилые помещения, так что ночью крупный европейский город виден издали. Вот и Константинополь при султанах тоже не избежал определенной европеизации, и тоже стал виден с воздуха, не за двести километров, как в наше время, но за пятьдесят — вполне уверенно.

Два десантных Ка-29 и два «Аллигатора» чуть обгоняют общую группу. Все правильно, это группа, которая пойдет брать арсенал. А Константинополь — вот он, уже рядом. По левому борту в темноте угадываются купола Святой Софии в окружении минаретов, и рядом — развалины старого дворца византийских базилевсов.

А вот и дворец Долмабахче, впереди и левее нас. Снимаю с предохранителя автомат. Парни один за другим уже скользят вниз по сброшенному тросу. Высота метров двадцать, но ниже не опуститься по банальной причине — под нами сад.

Я последний. Фу ты, ноги касаются земли. Сколько лет так не десантировался, но тело помнит

все в деталях. Отпускаю трос, и вертолет, как освобожденный воздушный шарик, резко набирает высоту, теряясь во тьме. Надвигаю на глаза ноктоскоп — и темнота сменяется серыми сумерками. Бродячие псы за оградой подняли оглушительный лай, но поскольку, как я читал, их лай для всех — дело привычное, и ночные стычки между бродячими сворами происходят постоянно, то охрана этим шумом никак не озаботилась. А зря!

Не дожидаясь команд, спецназ быстро расширяет границу захваченной территории, бесшумно уничтожая двинувшихся на шум турецких часовых. Внешний периметр, в соответствии с планом, занимает группа капитана Андропова, а перед нами — дорожка к узкой двери черного хода во дворец. Судя по специфике валяющегося под ногами мусора — на кухню. От двери синим глазом дважды моргнул фонарик — свои!

Час до рассвета, Стамбул.

Дмитрий Никитин, поручик русской армии.

Выйдя из дома Кириакоса, я вместе с хозяином направился к пристани. Но перед этим я достал из кармана радиостанцию, включил ее и, как было ранее договорено, трижды нажал на кнопку вызова. Это был сигнал, означавший: «Все в порядке — встречайте гостя». На пристани нас уже ждала лодка.

При виде ее и людей, в ней сидящих, Аристидис оторопел. Он сначала схватился за пистолет, а потом стал креститься и читать вслух «Отче наш».

— Дружище, я ведь предупреждал тебя, чтобы ты ничему не удивлялся, — сказал я еще не пришедшему в себя греку. — Эти русские воины — наши друзья. А что одеты они так — не обращай внимания. Самое большое удивление тебя ждет впереди...

— Дмитрий, я даже не знаю, что и подумать! Если бы я не знал тебя как истинно православного человека, то я бы непременно решил, что связался с воинством Сатаны...

— Аристидис, а если это воинство Христово? Ведь надо судить по людям не по их одежде, а по их поступкам. А вернуть крест на Святую Софию — разве это не угодное Богу дело? Но мы только теряем с тобой драгоценное время. Садись в лодку и отправляйся на русский корабль. Там ты сделаешь то, что ты мне недавно обещал. Помни, что греки будут гордиться тобой!

Я пожал руку своему старому другу, попрощался с бойцами «спецназа» — так орлы полковника Бережного называли себя — и отправился в Галату, в квартал, где жили богатые европейские купцы.

Там, окруженный высокой каменной стеной, стоял дом негоцианта Макса Шмидта, гражданина Северо-Американских Соединенных Штатов, немца по происхождению. Он приехал в Турцию еще до начала Гражданской войны и быстро разбогател на торговле египетской пшеницей и хлопком. Макс Шмидт пользовался большим уважением, как среди своих коллег, так и среди турецких чиновников. Впрочем, последние больше любили не самого американца, а те взятки, которые от него получали.

И только немногие знали, что под вывеской торгового дома «Макс Шмидт энд Компани» скрывается резидентура русской военной разведки в Турции. И возглавляет ее майор Леонтьев Евгений Максимович. Именно он имел прямой выход на генерал-адъютанта Николая Павловича Игнатьева, который двенадцать лет был послом в Константинополе, а теперь

фактически возглавлял военную разведку русской армии, действующей на Балканах.

Я имел право выйти напрямую на майора Леонтьева лишь в самых исключительных случаях. Но сейчас я считал, что настал именно такой случай.

Внимательно осмотревшись и не заметив соглядатаев, я постучал в дверь дома. Она распахнулась почти сразу же, словно меня тут ждали заранее. Слуга, высокий и крепкий брюнет, внимательно выслушал пароль и, не говоря ни слова, повел меня в дом. Заведя в гостиную, он попросил подождать пару минут и вышел из комнаты. Вскоре в гостиную вошел сам хозяин — среднего роста, плотный, мужчина лет сорока, похожий на типичного немецкого бюргера.

— Что вы, собственно, хотели мне сообщить, господин?..

— ...Ономагулос, — назвался я.

Майор внимательно прищурился — видимо, эта фамилия была ему знакома.

— Вы еще что-то хотели мне показать? — спросил он.

В ответ я надорвал шов на своей куртке и вытащил оттуда лоскуток с рекомендательным письмом Николая Павловича Игнатьева.

Майор внимательно его прочитал, потом еще раз так же внимательно посмотрел на меня, после чего положил лоскуток на стол и устало присел на стоявшее рядом со столом плетеное кресло.

— Итак, поручик, что случилось такое, что вы, зная о категорическом запрете прямых контактов со мной, решились все же прийти в мой дом? — спросил он.

— Господин майор, — ответил я, — дело действительно не терпит отлагательств. Сегодня Константинополь будет русским!

Услышав это, Евгений Максимович вздрогнул и чуть не уронил сигару, которую собирался прикурить от свечки.

— Поручик, вы в своем уме?! — воскликнул он. — Наши войска находятся на Дунае, турецкая армия не понесла еще ни одного серьезного поражения, а вы изволите говорить такой вздор!

— Да, господин майор, — внешне спокойно повторил я ему, — готов ответить за каждое свое слово. Эскадра адмирала Ларионова уже уничтожила укрепления Дарданелл и через несколько часов начнет штурм Константинополя. А ударный отряд десантников под командованием полковника Бережного с минуты на минуту атакует дворец Долмабахче. Цель — пленение султана Абдул-Гамида!

— Поручик, теперь я точно вижу, что вы повредились рассудком! — с каким-то облегчением, и даже сочувствием ко мне, сказал майор Леонтьев. — Более невероятные известия мне никогда в жизни не приходилось слышать! К тому же я никогда не слышал ни об адмирале Ларионове, ни о полковнике Бережном...

— Понимаю вас, господин майор, — ответил я, — скажу честно, что и сам я, впервые увидев корабли эскадры и ее десантников, подумал, что сошел с ума. Но если вы не верите мне, то, наверное, поверите вот этому...

И я достал из висевшей у меня на боку сумки плотный конверт из неизвестного мне материала, в котором лежали фотографии кораблей эскадры.

— Господин майор, посмотрите на эти фотокарточки... — взяв со стола нож для разрезания бумаг и аккуратно вскрыв конверт, я протянул Леонтьеву, удивленно наблюдавшему за всеми моими манипуляциями, пачку цветных фотографий. На глянцевой плотной бумаге были изображены корабли под Андреевским флагом. «Москва», «Ярослав Мудрый», «Сметливый», «Североморск», «Саратов» — уже по названиям кораблей было ясно, что это русская эскадра.

А вот сами корабли... Ничего похожего Евгений Максимович Леонтьев ни разу в жизни не видел. Скошенные носы, как у чайных клиперов, длинноствольные орудия в округлых башнях, полное отсутствие мачт с реями, и вместо них — какие-то ажурные сооружения, похожие на металлическую паутину.

Но больше всего майора потрясли летательные аппараты, стоящие на палубе огромного корабля, превышающего своими размерами даже всеми признанное «чудо XIX века» — английский шестимачтовый гигант «Грейт Истерн». Летательные аппараты (я не удержался и похвастался, что не далее как вчера летал на одном из них над Мраморным морем) были двух типов.

Одни — похожие на огромных стрекоз, с винтами, расположенными горизонтально над ними, и с какими-то непонятными цилиндрами, подвешенными под короткими крыльями этих аппаратов. Вторые были похожи на силуэты летящих ласточек. Принцип движения их майору был непонятен, и он пришел в полное замешательство, после того как я сообщил, что скорость передвижения этих «самолетов» (но отнюдь не «ковров») превышает скорость звука. На всех летательных аппаратах были нарисованы красные звезды и небольшие андреевские флаги.

— Поручик, я ничего не понимаю! Что это? И главное — откуда?!

Я вздохнул, как перед прыжком в ледяную воду, и начал свой рассказ о потомках, непонятно как попавших в наше время. Во время моего рассказа майор смотрел на меня, как пятилетний ребенок смотрит на няню, рассказывающую ему сказку на ночь. Он охал и удивленно взмахивал руками, когда слышал о чудо-оружии пришельцев из будущего, об их средствах связи, о страшных ракетах, действие которых мне, правда, увидеть еще не удалось, о бронированных повозках и об артиллерии, способной стрелять с удивительной скорострельностью, дальностью и точностью.

Он восхищался приборами, с помощью которых ночью можно видеть так же хорошо, как днем, и умных машинах, способных хранить в своей памяти целые библиотеки и умеющих в считанные мгновения делать расчеты, на которые у обычных людей ушли бы годы. Я рассказал о бойцах «морпехах», которые шутя вырезали турецкий гарнизон на Лемносе, не потеряв при этом ни одного человека.

Но особенно потряс майора рассказ о подводном корабле, на котором я прибыл этой ночью в Константинополь. Услышав о его способности без бункеровки углем пересекать океаны, погружаться на огромную глубину и играючи топить вражеские корабли, он воскликнул:

— Поручик, мне не очень-то верится во все вами рассказанное, но если Россия сможет стать союзником этих людей, то мы будем самой сильной державой в мире! Если ваш полковник Бережной и адмирал Ларионов не миф, то я прошу вас немедленно познакомить меня с ними!

В этот миг в городе, неподалеку от нас, примерно там, где рядом с дворцом Долбабахче находились казармы султанской гвардии, раздался взрыв страшной силы. В доме жалобно

тренькнули стекла. Почти сразу же в районе самого дворца вспыхнула ожесточенная перестрелка. Причем странная перестрелка. Гулкие хлопки ружей Пибоди-Мартини, которыми была вооружена охрана дворца, звучали часто, почти непрерывно. Так неопытные солдаты для самоуспокоения стреляют в воздух. Им отвечали редкие и сухие двухпатронные очереди из автоматических карабинов, которыми были вооружены бойцы Бережного. Познакомившись лично с этими людьми, я был уверен, что они не будут палить в воздух, и что каждый выстрел — это еще один убитый турок.

Когда стих последний выстрел, я торжественно объявил майору Леонтьеву:

— Ну вот и все, освобождение Константинополя от многовекового рабства началось! Поздравляю вас, Евгений Максимович!

В кармане у меня запиликала радиостанция. Глядя в удивленные глаза майора, я вытащил ее наружу, и приложил к уху:

— Поручик Никитин. Слушаю!

— Это Бережной говорит. Как там у вас дела, поручик? Все в порядке?

— Почти в порядке, товарищ полковник, — ответил я, — только вот господин майор мне не особо верит... А как у вас дела?

— Кхе, поручик, как у нас могут быть дела?! — прохрипела рация. — Птичка в клетке, а клетка в наших руках. Взяли голубчика, сидит теперь в кубрике на «Алросе» и думает о своей печальной судьбе. Да, кстати, господин майор нас слышит?

— Так точно, товарищ полковник! — ответил я. И протянул Леонтьеву рацию. Тот осторожно взял ее в руку и неумело приложил к уху.

— Господин майор, — сказал Бережной, — подходите к дворцу султана вместе с поручиком, часовые вас пропустят. Пароль — «Олимп», отзыв — «София». Гарантирую вам неприкосновенность и сохранение тайны личности.

— Неприкосновенность чего? — не понял майор.

— Ну, это значит, что никто не узнает, кто такой на самом деле «Макс Шмидт», — хмыкнул по радио полковник. — Хотя для пользы дела было бы лучше, если бы вы явились сюда под какой-нибудь другой личиной. А Макс Шмидт должен быть как жена Цезаря — вне подозрений.

— Пожалуй, вы правы, господин полковник, — ответил Леонтьев. — Ждите, мы скоро будем.

Пока я выключал рацию и прятал ее в карман, майор позвонил в колокольчик.

— Генрих, — сказал он слуге, — запрягите двуколку и принесите мой набор для ночных прогулок и пару револьверов. Поручик, вы вооружены?

Я молча показал ему свой автоматический пистолет из будущего, который полковник называл «стечкиным». Брови майора поднялись, но он ничего не сказал, видимо, оставив все вопросы на потом, для полковника Бережного.

День D+1, 6 июня 1877 года, 5:05, Стамбул, сад дворца Долмабахче.

Полковник ГРУ Вячеслав Бережной.

Из темноты навстречу мне выступила фигура в черном комбинезоне, почти таком же, как и у меня.

— Старший лейтенант Синицын, — вполголоса сказала фигура, — морская пехота Северного флота. Набережная зачищена, минус девять единиц. Поручик Никитин прислал проводника, — он указал на стоящего в стороне пожилого грека, — очень знающий и надежный товарищ, воевал в Крымскую в греческом Балаклавском добровольческом батальоне.

Я кивнул, и грек, шагнув вперед, заговорил на довольно хорошем русском языке:

— Господин полковник, дозвоьте представиться, младший унтер-офицер Аристидис Кириакос, Балаклавский греческий батальон.

Я пожал удивленному греку руку.

— Калимэра, кириэ Кириакос, а теперь, если вы знаете дорогу в этом бедламе, тогда давайде пойдем и сделаем это.

Грек пробормотал себе под нос:

— Вот за что я люблю русских — если вы решили что-то сделать, то не тратите много времени на лишние разговоры... — и достал из-за пазухи кремневый пистоль устрашающих размеров.

— Э, нет, господин Кириакос, — остановил я его, — так дело не пойдет. Спрячьте свою гаубицу. — Грек нехотя убрал пистолет. — Сделаем так. Вы входите, вежливо со всеми здороваетесь, ведь они вас знают, не так ли? — Кириакос хмуро кивнул. — Вот, тем лучше... А сразу за вами пойдут мои ребята, которые и поубивают всех на нашем пути. Надеюсь, среди слуг во дворце нет ваших друзей?

Грек отрицательно замотал лохматой головой:

— Кириакос не дружит с шакалами!

— Тем лучше, дорогой друг, тем лучше! — я кивнул своим ребятам: — Прикрывайте его!

Грек подобрал с земли большую плетеную корзину.

— И куда же вас отвести, господин полковник?

Я осмотрел своих ребят и усмехнулся.

— Лично меня сейчас интересуеет дорога к спальне султана. Ну что, начали!

— Был я один раз неподалеку от нее! — Кириакос глубоко вздохнул, ссутулился и засеменил с корзиной к двери кухни.

На стук из-за двери по-турецки отозвался недовольный голос:

— Кого это носит в такую рань? Что тебе надо, сын шайтана?

— Абдулла-эфенди, это я, Кириакос, — так же по-турецки ответил грек, — я, как всегда, принес

свежую, только что пойманную барабульку на завтрак доброму падишаху Абдул-Гамиду, да пребудет с ним милость Всевышнего. Ты же знаешь, что эту рыбу разрешено есть только султану. И чем быстрее ты ее сделаешь, тем она будет вкуснее.

— Ты, как всегда, вовремя, старый плут, — дверь кухни распахнулась, и в проеме появился толстый турок с большим кухонным ножом в руке. — Проходи скорее, масло уже греется на плите.

Едва только Абдулла успел это сказать, как выступившая из-за спины Кириакоса черная тень нанесла страшный удар спецназовским ножом «Айсберг» прямо в сердце повара. Сильные руки аккуратно опустили недвижимое тело на землю. Аскер, стоявший за поваром в проходе, уже раскрыл было рот, чтобы поднять тревогу, но тут что-то негромко хлопнуло, и на его широко выбритом лбу появилось красное пятнышко, будто там раздавили вишню.

Грек плюнул на труп повара.

— Ты прав, Абдулла, в аду уже раскалили масло и заждались черти. Туда тебе и дорога, собака!

Между тем мои люди, рассыпавшись по саду, методично и без шума вырезали внешнюю охрану на той части сада, которая прилегала непосредственно к дворцу. Никто из этих аскеров не должен был дожидаться до утра. Нам совершенно не нужны были живые турки.

Тем временем за греком внутрь кухни втянулся весь наш взвод. Кириакос был чем-то вроде универсальной отмычки, открывающей перед нами все двери. А рядом с ним шла смерть, бесшумная, скорая и неумолимая.

Кухня в Долмабахче располагалась на отшибе, чтобы запахи приготовляемой пищи не беспокоили обитателей дворца. Пройдя ее насквозь, мы снова вышли в сад, а оттуда уже беспрепятственно вошли в само здание дворца. Повара, аскеры, слуги, евнухи из гарема не спали. В эти предутренние часы дворец повелителя правоверных жил своей странной жизнью. Узкие коридоры были слабо освещены, где старинными свечками или масляными светильниками, где новомодными газовыми рожками. А мы шли через него, оставляя после себя трупы.

Перед высокими резными дверями Кириакос остановился и вполголоса сказал:

— Дальше жилая часть дворца, расположение комнат я там знаю плохо. Но султанская спальня должна быть где-то рядом, с окнами в сторону сада.

Он помолчал.

— Теперь-то я верю, что у вас все получится. За свою жизнь я повидал множество людей, которые мнили себя ужасными головорезами. Так вот, эти люди по сравнению с вами — как малые дети. Впервые увидев вас, я подумал, что вы порождения Сатаны, но потом понял, что вы из совсем другого воинства. Удачи вам, друзья, — старый грек по очереди перекрестил всю штурмовую группу, — и да хранят вас Иисус Христос и Матерь Божья.

— Эфхаристо, отец! — капитан Каргопольцев пожал руку Кириакоса. — Пусть Господь хранит тебя, твоих детей, внуков и правнуков. Пошли, ребята.

В полутьме коридоров и залов мы преодолели последние полсотни метров, отделяющие нас от покоев султана. Хвала всем святым — у нас пока получалось работать бесшумно, в основном ножами, и лишь иногда ВСС. Трупов мы, конечно, наворотили немерено, но на войне как на

войне. Значит, не повезло тем, кто попался нам навстречу. Слава богу, моим парням не пришлось лезть в гарем. Убивать женщин — это еще та работа.

Я глянул на часы... До запланированного часа икс — еще семь минут. И нам оставалось совсем немного, чтобы приступить к главному — пленению его султанского величества Абдул-Гамида II. Вот мы, кажется, и пришли.

Короткий коридор, а в нем перед высокой резной дверью, украшенной бронзовыми накладками, на часах, опершись на ружья, кемарили два аскера. Увидев моих ребят, они спросонья широко раскрыли от удивления рты, наверное, подумав, что мы образы, навеянные им дурманом конопли, которую они тайком покуривали. Но это была последняя мысль в их жизни... Глухо щелкнули сдвоенные выстрелы ВСС, бритые лбы аскеров под фесками украсились карминными отметинами, и два безжизненных тела сползли по стене. Брякнуло упавшее ружье — эх, не успели мы его подхватить, как у второго стражника.

Я подошел к дверям султанской спальни. Прислушался... В покоях было тихо. «Светоч веры» и «тень Аллаха на земле», наверное, видел уже седьмой сон. Осторожно подергал дверь — заперто изнутри. Рядом со мной наш сапер быстро и умело раскатывал в ладонях колбаски пластида. Потом он стал лепить их на дверные петли и замок. Ловкие пальцы привычно вдавливали в упругую массу блестящие цилиндрики взрывателей. Выдохнув: «Готово!» — он отскочил за угол коридора. Мы последовали за ним. Взгляд на часы — время! И тут за стеной рвануло так, что показалось, будто весь этот проклятый дворец подпрыгнул на месте.

— Все, пора, рви! — махнул я рукой саперу. Массивная дверь в облаке пыли и дыма слетела с петель и рухнула внутрь спальни. Еще секунда, и в султанские покои полетела ручная светозвуковая граната «Факел-С»...

Стамбул, предрассветный час, дворец Долмабахче, спальня султана Абдул-Гамида II.

...Но султан Абдул-Гамид не спал. Устав за день от государственных забот, тридцатичетырехлетний владыка Османской империи никак не мог смежить усталые веки. Его мучили мрачные мысли. И главная мысль султана была: «Никому нельзя доверять!»

Он помнил, как был свергнут с престола его родной дядя, султан Абдул-Азиз. Проклятые собаки, его советники Мехмед Рушди и Хуссейн Авни, подняли руку на падишаха, закрыли его, как последнего раба, под замок, а потом... А потом было дело темное и страшное. Официально — свергнутый султан вскрыл себе вены. Но вот недавно доверенные люди сообщили Абдул-Гамиду, что дядя его не сам наложил на себя руки, а был убит подлыми шакалами, которые не побоялись пролить кровь падишаха, хоть и бывшего. Ну, ничего, придет время, и он найдет и убийц, и тех, кто их подослал...

Абдул-Гамид заворочался на своей постели и сунул руку под подушку. Револьвер был на месте. Без своего верного «Галана» султан спать не ложился. Никому ведь нельзя доверять...

Абдул-Гамид любил оружие, и купил этот французский револьвер во время поездки в Европу, когда он вместе со своим дядей посетил страны, где правители не боятся спать по ночам без револьвера под подушкой.

А сегодня очень странное сообщение пришло с голубиной почтой из Измира. Французский грузовой пароход, шедший из Марселя в Измир, подобрал в море умирающего египетского аскера, который плывал, цепляясь за обломок реи. До Измира египтянина не довели. Он умер

через два часа после того, как его спасли.

Но перед смертью он рассказал очень странную историю. Якобы на их караван напали неизвестные корабли, которые движимые неведомой силой, без парусов и паровых машин, летели по волнам со скоростью арабского скакуна. И были эти корабли огромными, а один из них вообще напоминал пирамиды далекой родины умирающего. Эти исчадия Иблиса обрушили на корабли правоверных адский огонь, который в считанные минуты отправил на дно моря весь их караван.

Конечно, рассказанное можно было бы посчитать предсмертным бредом, но караван-то ведь куда-то запропастился. А он должен был пройти Дарданеллы еще вечером. Но сообщений о нем до сих пор нет. Надо об этом узнать поподробнее у командующего флотом.

Абдул-Гамид приподнялся в постели и взял с изящного, инкрустированного перламутром прикроватного столика лист бумаги и карандаш. Написав на бумаге несколько слов, султан положил ее на столик и снова лег в постель.

Война с неверными, начавшаяся недавно, не радовала султана. Конечно, бои шли далеко от Стамбула, но войско белого царя собирается форсировать Дунай и двинуться в глубь Болгарии. Английские советники наперебой твердили Абдул-Гамиду, что войско московитов слабое, что у них плохие ружья и пушки, но это мало успокаивало султана. Да и сами англичане тоже были не прочь отхватить от империи лакомые кусочки вроде Египта и Кипра. Никому нельзя доверять...

Известие о странных кораблях, появившихся в Эгейском море, все никак не давало покоя султану. Что это за корабли? И есть ли они на самом деле? Уж больно удивительные и невероятные вещи рассказал умирающий египтянин. Абдул-Гамид во время своей поездки по Европе видел там корабли английского и французского флотов, но ничего подобного ему встречать не доводилось.

Эх, почему он не послушал год назад русского посла Игнатьева... Вот был человек! Его при жизни дяди считали вторым после визиря и называли Московским пашой. Может быть, надо было дать автономию неверным на Балканах, пообещать им то, чего они хотели. Тогда бы не пришлось воевать с царем Александром. А ведь в прошлую войну русские дошли до Эдирне, или, как они его называют, Адрианополя. В эту войну они могут дойти и до Золотого Рога. На все воля Аллаха!..

Кстати, англичане сообщили, что генерал Игнатьев сейчас находится в полевой ставке царя. Надо объявить за его голову награду. Тысячи ливров должно хватить. Опасен он, ох, опасен!

Игнатьев оставил в Стамбуле паучью сеть своих шпионов. Проклятые греки и армяне никак не могут успокоиться, так и норовят ударить ножом в спину. Может, надо им указать место, которого они заслуживают? Надо дать возможность черни погромить неверных — пусть сорвут на них свою злость, да и чужим добром разживутся.

Султан снова взял со столика лист бумаги и сделал на нем новые пометки.

Эти порождения шайтана — неизвестные корабли в Эгейском море — никак не давали ему покоя. Наверное, стоит предупредить командующего береговыми батареями в Проливах, английского генерала сэра Генри Феликса, чтобы он привел гарнизоны и береговые батареи в Дарданеллах в полную боевую готовность. Утром надо послать туда почтового голубя. И самому проконтролировать, ведь эти лентяи в военном министерстве, ишаки беременные, ничего не делают без напоминания. Никому нельзя доверять!

В саду дворца, под окнами спальни султана, закашлялся караульный аскер. Потом он затих, и что-то зажурчало, словно он, не боясь гнева падишаха, справлял под окнами своего повелителя малую нужду. Опять, наверное, сын свиньи, анаши накурился! Совсем обнаглели, обезьяноподобные!

Кстати, этот бейлюк несет караульную службу во дворце уже больше месяца — а это много. К воинам могли подобрать ключики те, кто мечтает свергнуть султана. Надо завтра же сменить этот бейлюк на другой. Никому нельзя доверять!

И султан сделал очередную пометку на бумажном листке. В коридоре кто-то брякнул оружием. Уснул, наверное, выкидыш ослиный! Надо завтра с утра примерно наказать начальника охраны! Распустил он своих бездельников, а они, видя его снисходительность, совсем разучились службу нести. Никому нельзя доверять!..

У двери в спальню послышалась какая-то возня. Абдул-Гамид осторожно достал из-под подушки револьвер и тихо взвел курок. Вдруг за окном, неподалеку от султанского дворца, раздался страшный грохот. Подбежав к окну, Абдул-Гамид тихонько отдернул штору и увидел, как в багровом зареве адского огня разлетается обломками казарма султанских гвардейцев. А в небе над ней, освещенное отблесками пожара, проносится воистину порождение шайтана — огромная железная стрекоза, изрыгающая смерть и пламя...

Холодный пот побежал по спине султана... Он отвернулся от окна, и в этот момент в коридоре что-то грохнуло... Дверь в спальню слетела с петель и рухнула на пол. Хватаясь за револьвер, повелитель правоверных успел увидеть мелькнувшую в клубах пыли фигуру в черном — с круглой стеклянной головой и с лягушачьими глазами. «Это слуга Иблиса пришел за мной...» — успел простонать Абдул-Гамид, наводя на дверь ствол револьвера. В это время прямо перед ним об пол стукнулся небольшой предмет, и все вокруг залил ослепительный свет, который был ярче тысячи солнц. Султан икнул и потерял сознание... Он не почувствовал, как на его запястьях защелкнулись наручники, и не услышал, как хриплый голос наклонившегося над ним человека произнес:

— Готовченко!

Рука в черной перчатке аккуратно взяла с туалетного столика листок бумаги с арабскими письменами и спрятала в карман. В ведомстве полковника Антоновой есть люди, которым весьма пригодятся такие бумажки.

Часть 2

КРЕСТ НАД СВЯТОЙ СОФИЕЙ

Ночь, Константинополь.

Майор Леонтьев и поручик Никитин.

Майор извинился, после чего отправился в спальню, где пробыл около получаса. Когда он вышел оттуда, то я не узнал его. Вместо немецкого бюргера передо мной стоял старый морской волк. Стоптаные башмаки, заношенные брюки из грубой саржи, под распахнутой морской курткой — тельняшка не первой свежести, и в довершение всего — мятая шляпа с полями, прожженными сигарами. Лицо майора украшала живописная шкиперская борода, а на щеке была видна свежая ссадина. Одним словом, типичный подгулявший матрос, коих пруд пруди в портовых кабаках Стамбула.

— Ну что, поручик, узнали бы вы меня на улице, столкнувшись нос к носу? — самодовольно поинтересовался майор Леонтьев.

— Ни за что на свете! Если бы точно не знал, что вы — это вы.

— Вот и замечательно, — ответил майор. — Впрочем, нам надо спешить, время не ждет!

Мы спустились во двор, где нас уже ждали слуга Леонтьева и запряженная в двуколку кобыла. Генрих вручил майору два заряженных револьвера Кольт «Писмейкер» образца 1873 года и коробочку с патронами. Леонтьев осмотрел револьверы, ловко прокрутил их барабаны и сунул их в кожаную сумку, пришитую к сиденью двуколки. Лицо его разругалось, он словно помолодел. Неразговорчивый слуга открыл створки ворот, и мы выехали на улицу.

Взрывы в районе султанского дворца прекратились, но зато по всему городу трещали выстрелы и слышались дикие крики. Похоже, что стамбульский сброд воспользовался неразберихой и паникой, под шумок решил заняться своим привычным делом — грабежом и насилием. Мы переглянулись с майором и, не сговариваясь, достали оружие.

И вовремя. Из-за поворота вывалила группа турок, вооруженных как попало. У двоих или троих были старые кремневые ружья, а остальные сжимали в руках топоры, большие ножи и палки. Шедший впереди высокий турок в красной армейской феске и синей солдатской куртке, одетой прямо на голое тело (должно быть, дезертир), увидев двуколку с сидящими на ней европейцами, радостно завопил: «Гяуры!» Он бросился к нам, размахивая старым, наверное, еще дедовским ятаганом. Мы с майором вскинули наше оружие и открыли огонь в упор по разбойникам.

Первые ряды нападавших буквально смело. Пуля майора, выпущенная из кольта калибра 0.45, снесла полчерепа жожаку бандитов. Оружие потомков, которое они называли автоматическим пистолетом Стечкина, действительно оказалось автоматическим. Я выпускал пулю за пулей, нажимая раз за разом на курок. Магазин пистолета казался бездонным. Уже больше половины бандитов были убиты или ранены, а уцелевшие, поняв, что их всех сейчас прямо здесь перебьют, с дикими криками бросились бежать. Майор, выпустив шестую, и последнюю, пулю из своего револьвера, схватил кнут и стегнул им кобылу, которая, ничуть не испугавшись грохота выстрелов, стояла не двигаясь, и лишь нервно прыдала ушами.

Кобыла рванула, мы переехали через валяющиеся на земле трупы разбойников и помчались по пустынным улицам города.

— Поручик, откуда вы взяли это чудовище? — майор кивнул на мой пистолет.

— Оттуда же, откуда и все остальное, господин майор, — ответил я, перекивая цокот копыт.

— У вас там что, целый арсенал спрятан? — намотав поводья на облучок двуколки, майор выдвинул сбоку кольта эжектор и стал им ловко выколачивать из барабана стреляные гильзы. Потом он достал из коробочки патроны и начал пихать их в барабан через боковое окошечко. — Сколько раз вы из него выстрелили?

— По-моему, раз двенадцать, — пожал я плечами. — А всего в магазине двадцать патронов.

— Чудеса! — майор сунул перезаряженный в сумку. — И много там еще такого?

— Много, господин майор, всем хватит, — ответил я. — И британцам, и австрийцам... Полковник Бережной сказал, что пусть только дадут повод, а за нами не заржавеет!

Майор весело оскалился и поднял вверх большой палец:

— Ну, тогда это точно наши потомки! Нам ведь, русским, что мужику, что графу, для того чтобы морды бить, что в первую очередь нужно? Конечно, повод!

Уже у самого дворца нам преградил дорогу патруль морских пехотинцев. Они вскинули свои автоматические карабины, но я предусмотрительно замахал им руками и громко крикнул: «Товарищи, не стреляйте, мы свои!» Похоже, что звуки русской речи их немного успокоили. Опустив оружие, морпехи стали ждать, когда мы подъедем к ним поближе.

— Пароль? — спросил нас один из них, судя по погонам, подпоручик.

— Олимп, э-э... товарищ подпоручик. Нам срочно нужен полковник Бережной. Дело особой важности, — ответил я им.

— София, — ответил подпоручик и задумался. — Вы, случайно, не поручик Никитин?

— Да, это я, — и в подтверждение своих слов я достал из кармана радиостанцию.

— Понятно, опять бойцы невидимого фронта. Товарищ полковник, как всегда, в своем репертуаре, — проворчал подпоручик и окликнул одного из морских пехотинцев, который устанавливал на перекрестке двух улиц, ведущих к дворцу, что-то, напоминающее расставившее черные коленчатые лапы ядовитое насекомое: — Кириллов, как там, с «Пламенем» закончили?

Солдат оторвался от странного агрегата и стер рукавом пот со лба:

— Почти закончили, товарищ лейтенант, еще минута, и к бою готов.

— Заканчивай скорее, и проводи этих господ во дворец, к полковнику Бережному. — Тонкий пруттик нервно постукивал по голенищу шнурованного сапога.

— Простите... э-э-э... господин подпоручик, — неожиданно подал голос майор Леонтьев, — а что это такое «Пламя»?

— Простите, с кем имею честь? — вежливо спросил Леонтьева подпоручик.

— Майор Российской императорской армии Леонтьев Евгений Максимович, — ответил ему мой спутник, по-молодому спрыгнув с сиденья двуколки. — Теперь извольте представиться вы, молодой человек!

— Лейтенант Федоров Александр Николаевич, морская пехота, Северный флот, — подпоручик молодцевато козырнул. — Честь имею, господин майор.

— Ну-с, милейший поручик, расскажите нам, что это за такое «Пламя» и с чем его едят? — майор прошел к аппарату, вокруг которого копошились солдаты.

— Значит, так, господин майор, — подпоручик прикрыл глаза, как будто что-то вспоминая, — АГС-17 «Пламя» — 30-миллиметровый автоматический гранатомет на станке. Предназначен для поражения живой силы и огневых средств противника, расположенных вне укрытий, в открытых окопах (траншеях) и за естественными складками местности. То есть в лощинах, оврагах, на обратных скатах высот. Дальность стрельбы — тысяча семьсот метров или, по-вашему, восемьсот пятьдесят сажень. Скорострельность — от ста до четырехсот выстрелов в

минуту, один боекомплект — восемьдесят семь выстрелов. Радиус сплошного поражения живой силы одной гранатой примерно семь метров, или три с половиной сажени.

Посмотрев, как солдаты сноровисто крепят к установке барабан и заправляют ленту, в которой плотно, одинаковые как близнецы, были набиты тупорылые, дюйм с четвертью, патроны, майор удивленно покачал головой и потом повернулся ко мне:

— Знаете, поручик, до сего момента я считал все происходящее какой-то мистификацией, сном, бредом... Но лишь сейчас я поверил в то, что все это *есть*. Вот эта маленькая машинка, которую способен нести на себе один человек, способна отправить к праотцам роту или две солдат, имевших глупость подойти к ней на расстояние выстрела. А ведь наверняка она не одна такая... Э-эх! Господин подпоручик, долго там еще? Нас ждет полковник Бережной. — К майору, попавшему в привычную среду, стремительно возвращались армейские привычки. А вот это может быть опасно, ибо некоторые привычки наших господ офицеров, которые я, кстати, никогда не одобрял, совершенно неприемлемы в обществе гостей из будущего. Это я о взаимоотношениях старших офицеров с младшими по званию. Надо будет как-нибудь потактичнее предупредить майора об этой особенности наших новых союзников.

К тому времени сержант Кириллов, который должен был стать нашим проводником, закончил установку АГС, развернув его ствол так, чтобы иметь возможность простреливать продольным огнем две улицы.

— Ну что, господа офицеры, оставляйте вашу повозку с лошадкой здесь, дальше придется идти пешком, — лейтенант Федоров махнул рукой в сторону дворца, — и давайте поскорее, а то мне тут каждый человек нужен. Кириллов, отведешь офицеров — и бегом назад. Это пока еще тихо, а потом точно ползут. Вон, соседи по радиации сообщили, в соседнем квартале толпа с каким-то придурком впереди, который вертелся как волчок, на блокпост поперла. Так их из всех стволов еле-еле загасили... Трупов сейчас там...

— Это у них дервиши такие, раньше они у янычар были, доводили их до иступления так, что те на картечь шли не пригибаясь, — сказал майор Леонтьев. — Янычар уже полвека как разогнали. А эти дервиши, бекташами именуемые, еще живы, и народ мутят.

— Да нам наплевать — дервиши это или просто припадочные, — ответил лейтенант Федоров. — Все мясо — пуле ведь все равно, кого отправлять к Аллаху!

Идти нам было недалеко. Минут через десять мы уже оказались на месте. Пройдя через ворота дворца, где наш провожатый обменялся какими-то словами с часовыми, мы повернули направо и подошли к группы военных, одетых в черные комбинезоны. Среди них я увидел знакомую фигуру полковника Бережного.

— Товарищ полковник, разрешите доложить? — откозыряв, обратился наш провожатый к моему старому знакомому.

— Докладывайте, сержант, — ответил полковник, незаметно подмигивая нам одним глазом.

— Вот эти двое назвали пароль и сказали, что вы их ждете... — сержант замялся: — Разрешите идти?

— Идите, — махнул рукой Бережной, и сержант, развернувшись, быстрым шагом пошел обратно.

Полковник Бережной с любопытством смотрел на меня и на майора Леонтьева, который в

своей одежде старого морского волка выглядел здесь немного комично.

— Если я не ошибаюсь, вы майор Леонтьев? — спросил он у моего спутника.

— Не ошибаетесь, господин полковник. Честь имею, майор русской армии Леонтьев Евгений Максимович. Резидент русской разведки в Османской империи.

— Полковник Главного разведывательного управления Российской армии полковник Бережной Вячеслав Николаевич. Мы с вами коллеги, господин майор, и более того, я надеюсь, что мы с вами быстро найдем общий язык. Быстрее, чем с политиками и дипломатами.

День Д+1, 6 июня 1877 года, 6:35, Стамбул, сад дворца Долмабахче.

Полковник ГРУ Вячеслав Бережной.

Небо уже полностью посветлело, когда мне доложили — вернулся наш дорогой поручик, да не один. Вместе с ним пришел некто, выглядящий как подгулявший матрос, но с выправкой кадрового офицера. Некто назвался майором Леонтьевым. Ну что же, Леонтьев так Леонтьев. Мизансцена у нас тут подходящая, обстановка рабочая — идет разбор полетов по результатам ночной операции, так что отчего же не поговорить?!

Несмотря на то что майор вырядился немецким матросом средних лет, гулякой и любителем крепкой выпивки, его настоящую профессию выдавали глаза. Ну не может быть взгляд простого моремана таким цепким и внимательным. Пока мы ручкались, он чуть дыру во мне не протер своими гляделками. С поручиком-то попроще, он уже у нас пообтерся, да и обстоятельства нашего знакомства не очень-то располагали к излишне критическому восприятию реальности. Тогда вот с поручика-то мы и начнем. Надобно занять его делом, ну, на ближайшие лет двадцать как минимум.

— Одну минуту, господин майор, — сказал я, поворачиваясь к Никитину, — а вам, господин поручик, объявляю благодарность за образцово выполненное задание. — Поручик расцвел щеками, как гимназистка на своем первом в жизни балу. — А сейчас найдите этого вашего Кириакоса, который, между нами говоря, ценнейший человек, настоящая энциклопедия здешней жизни. Кроме того, с сей секунды, вы — военный комендант Константинополя. Да-да, именно Константинополя! Запомните сами и передайте всем: нет больше никакого Стамбула, есть древняя столица возрожденной Византии — Константинополь!

Ух ты, как товарищ поручик подтянулся, даже забыл, что на нем не воинский мундир, а партикулярное платье греческого торговца!

— Рад стараться, госп... простите, товарищ полковник! Разрешите исполнять?

Я пожал ему руку:

— Исполняйте, господин комендант!

Неожиданно улыбка сбежала с лица поручика:

— Товарищ полковник, извините, но я же не знаю, что должен делать военный комендант?!

— Ничего страшного, самое главное — вы свой. По крайней мере, для местных греков. И поскольку ваша вторая половина крови — русская, вы должны быть своим и для нас. Что

называется, един в двух лицах.

А что касается обязанностей коменданта, то старший лейтенант Бесоев Николай Арсентьевич временно будет вам помощником и наставником. Вон он стоит под деревьями вместе с вашим старым другом Кириаком. На первое время выделим вам взвод морской пехоты в качестве комендантского. Но вы должны начать формировать свою часть из православных греков, сербов и болгар. Пусть пока это будет батальон. Инструкторов мы пришлем, да и таких людей, как старина Кириакос, вы всегда найти сможете. Вы уж извините, помогать вам мы сможем крайне недолго. Время военное, позовет труба — и все, в поход. Но в первую очередь в городе должен быть обеспечен порядок. Кого увещевать, кого истреблять... Мне неважно, сколько городских люмпенов вам для этого понадобится пристрелить, но чтоб в городе были идеальные тишина и порядок. Все понятно?

— Так точно, товарищ полковник, разрешите идти?

— Идите, — отпустил я поручика и повернулся к майору. Тот стоял с видом «обалдев сего числа». Сначала я думал, что это от нашего разговора с поручиком. Но потом, обернувшись, понял всё!

По Босфору шел флот. Нет, ФЛОТ!!! СКР «Сметливый» особого трепета не внушал, по водоизмещению — обычный по нынешним временам кораблик. Следом за ним двигался эсминец «Адмирал Ушаков», превосходящий по размерам самые крупные современные броненосцы. А за ними, величественно и важно, двигался не имеющий аналогов в этом мире, Его Военно-Морское Величество, тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов». А уже следом за ними, замыкая колонну, большой противолодочный корабль «Североморск». Два других БДК уже покинули общий ордер и направились к берегу.

Как будто специально для майора, прямо на наших глазах с «Кузнецова» одна за другой с громом стартовали три тяжелых машины Су-33. Все присутствующие наблюдали за взлетом с неослабевающим вниманием, причем не только местные. И в наше-то время не каждый день можно увидеть старт самолетов с авианосца, да еще сразу целого звена. А уж местные рты пораскрывали, да так, что туда ворона могла бы залететь, и не одна, а целая стая. Набрав метров сто высоты, «сушки» развернулись на северо-восток, в направлении гор Кавказа.

— И куда они направились, господин полковник? — произнес майор Леонтьев, вышедший наконец из ступора.

— Есть в Закавказье такое местечко — Баязет, — ответил я, провожая взглядом удаляющиеся боевые машины. — Там русский отряд в беду попал, надо выручать. Тысяча шестьсот русских солдат и офицеров почти без продовольствия, а главное — без воды могут в ближайшее время оказаться в осаде в цитадели Баязета. Против них выступил одиннадцатитысячный отряд турок и курдов, при одиннадцати пушках. Хорошо хоть боезапас находится в самой цитадели, а не в городе...

В глазах майора Леонтьева отразилось недоумение:

— Э-э, господин полковник, но где Баязет, а где мы... тысяча верст...

— Господин майор, это для вас тысяча верст — неделя или две пути, а вот эти «птички» будут над целью меньше чем через час. И обрушат на головы турок ни много ни мало тысячу двести пудов боевой нагрузки, — я перевел дух. — У нас очень длинные руки, майор Леонтьев. Никто даже и не догадывается, насколько они длинные.

— М-да, интересно, господин полковник, но, кажется, вы со мной хотели поговорить не об этом... — сменил тему майор Леонтьев.

— И об этом тоже, — парировал я. — Вы, майор, далеко не самый маленький винтик в государственной машине Российской империи и находитесь на очень ответственном посту. Пойдемте, поговорим, — я увлек его в сторону от своих офицеров, под раскидистую сень деревьев дворцового парка. — Поймите, мы были внезапно выкинуты сюда из нашего родного времени и, как я понимаю, у Того, Кто это организовал, — я ткнул пальцем в небо, — имеются на нас какие-то свои планы. Но никаких указаний, кроме «вести себя сообразно своему долгу и чести» мы от Него не получали.

Перед нами стоит выбор: или стать подданными Российской империи, или основать свое государство. Есть еще и третий вариант — подданство какой-либо европейской страны, но для большинства из нас этот вариант неприемлем. Ибо это означает предательство... Погодите, майор, ничего не говорите, слушайте внимательно.

Теперь о том, чтобы стать подданными Российской империи... Знаете, за почти полтора века, что разделяют наши времена, жизнь в России очень сильно изменилась. У нас другие привычки, нравы, взаимоотношения. Мы готовы сражаться с вами в одном строю, но жить рядом у нас вряд ли получится — через месяц могут начаться такие разногласия, которые вряд ли пойдут на пользу нам или Российской империи.

Теперь о своем государстве... Поскольку Россия, по секретному Рейхштадтскому соглашению, обязалась не занимать Проливы, то их придется занять нам. Если у австрийцев или англичан будут к нам какие-либо претензии, то добро пожаловать — мы их встретим по-доброму, с огоньком...

— Да-с, — майор вытащил из кармана дочерна прокуренную трубку и кiset с ядреным матросским табаком, — поручик рассказывал мне о вашем замысле. Не могу не сказать, что полностью одобряю ваш подход, — набив трубку, он продолжил: — Новая Россия — это хорошо, но скажите, как вы представляете взаимоотношения и взаимодействие между Российской империей и Новой Россией.

— Скорее, Югороссии, я бы так ее назвал, — ответил я на самый главный вопрос этого экзамена. — А взаимодействовать мы будем как союзники Российской империи. Внешняя политика и военные тяготы у нас могут быть общие, а внутренняя политика — у каждого своя. Мы также готовы делиться своими знаниями. После того как все уляжется, в Константинополе будет открыт Политехнический университет, где мы будем обучать выходцев из Российской империи техническим наукам, многие из которых в этом мире пока еще не известны.

— А не получится так, что ваша Югороссия станет рассадником нигилизма и революций, — майор чиркнул фосфорной спичкой, — ведь это тоже немаловажно.

— Скорее, наоборот... Во-первых, мы в нашем времени облопались этим самым нигилизмом по горло. Так что у нас к этому стойкий иммунитет. Во-вторых, желающие лучшей и справедливой жизни не будут бузить по всей России, а смогут переехать к нам. Таким образом мы освободим Российскую империю от самых активных бунтарей. Ну и конечно, подскажем им, что надо сделать, чтобы притушить тлеющий фитиль мины, которая заложена под трон, между прочим, и нынешним российским императором. Притушить единожды и навечно.

— Отлично, — майор кивнул. — И с этими идеями вы хотите попасть на прием к государю императору?

— Именно с этими. И с этим, — я показал рукой в сторону становящихся на якорь кораблей, — кроме всего прочего, в течение нескольких суток мы собираемся очистить Черное море от турецкого флота. Ну и переключить на себя внимание старушки Европы — пусть она, болезная, немного помается несварением желудка.

— Понятно, — майор пыхнул трубкой, — разговаривать есть о чем, особенно если будут гарантии надежности нашего военного союза. Так как же вы собираетесь попасть в ставку государя? Своим любимым способом — по воздуху?

— Не без того, — закончил я разговор. — Если вы согласны с нами сотрудничать, то сейчас вас доставят на флагманский корабль эскадры для переговоров с нашим командующим, контр-адмиралом Ларионовым.

— Я думаю, что да, — кивнул майор. — Сотрудничая с вами, я не изменяю присяге, ибо все, что уже вами сделано и что будет еще сделано, несомненно, пойдет на благо Российской империи. Давайте ваш катер, или что там у вас летает по воздуху — я готов.

День Д+1, 6 июня 1877 года, 8:45, пролив Босфор, ТАКР «Адмирал Кузнецов».

Капитан Александр Тамбовцев.

Опять совещание в адмиральском салоне. Круг лиц, «допущенных к телу», крайне оригинален и наводит на определенные мысли. Во-первых, присутствует его превосходительство контр-адмирал Ларионов — так, кажется, положено назвать командующего соединением по местным правилам; а во-вторых, их высокоблагородия: полковник Бережной, полковник Антонова, незнакомый мне капитан 1-го ранга, представленный как начальник оперативного отдела соединения Иванцов Анатолий Иванович, наш местный «Штирлиц» — майор Леонтьев. Из менее титулованных особ — капитан морской пехоты Хон Петр Борисович и ваш покорный слуга. Да-с, скучно здесь не будет!

А майор Леонтьев смотрит на полковника Антонову как на восьмое чудо света. Как на ожившую статую Родины-Матери — женщина! в форме! со знаками различия полковника!!!

Ему самому перед совещанием дали возможность привести себя в порядок, умыться и переодеться в камуфляжку с подходящими его званию знаками различия. Ну, а как иначе он может находиться среди нас, не в образе же подгулявшего матроса? Но вроде все улеглось, устоялось. Только дражайший майор Леонтьев все косится на полковника Антонову, того и гляди глазами дырки в ней протрет. Комедия! Но перейдем к делу.

Контр-адмирал по привычке прошелся по салону пару раз туда и обратно, а потом обратился к Бережному:

— Вячеслав Николаевич, а доложите-ка вы нам, как развивается наземная часть Дарданелльско-Босфорской операции?

Бережной подошел к разложенной на столе карте.

— Товарищ контр-адмирал, на настоящий момент в действие введены все наличные силы, кроме, конечно, тяжелой бронетехники и артиллерии...

— Разрешите добавить, Вячеслав Николаевич, — вмешался в разговор капитан 1-го ранга

Иванцов, — транспорт «Колхида» уже получил добро и покинул бухту Мудроса. Разгрузка бронетехники и артиллерии через пять часов в бухте Золотой Рог на военно-морской базе Терсан-Амир, где имеются подходящие по размерам причалы и портовые краны. Будет вам ваша тяжелая бронетехника с артиллерией, не сомневайтесь, — с легкой улыбкой закончил Иванцов.

— Спасибо, Анатолий Иванович, и что бы я без вас делал? — Бережной слегка поклонился в сторону капитана 1-го ранга. — Итак, я продолжу.

Непосредственно в городе в операции участвуют две моторизованные и две пешие роты морской пехоты. Кроме того, для выполнения различных задач задействована рота спецназа ГРУ.

Для блокады дальних подступов к городу в районах населенных пунктов Сан-Стефано и Гебзе высажено по одной механизированной роте морской пехоты. К настоящему моменту полностью прервано сообщение по суше Стамбула-Константинополя с миром. Перерезаны телеграфные линии и перехвачены дороги. У иностранных посольств остался только один путь донести информацию до своих правительств — голубиная почта. От Стамбула, простите, Константинополя до Вены голубь будет лететь примерно сутки. Еще несколько часов на обдумывание и реакцию. Потом межправительственные консультации, которые при нынешних способах связи тоже займут какое-то время. Считаю, что «мировая общественность» обрушит на нас свое негодование примерно через двое суток. Товарищ контр-адмирал, операцию «Рассвет» необходимо начинать немедленно!

— Хорошо, Вячеслав Николаевич, — контр-адмирал повернулся ко мне. — А вы как думаете, Александр Васильевич, вы же у нас, как-никак, знаток этой эпохи?

— Думаю, — начал я, — что полковник Бережной абсолютно прав, и его оценка ситуации безупречна. Операция назрела и перезрела. Сейчас кроме самого своего соединения мы имеем, что предъявить государю императору Александру Николаевичу — Константинополь и Проливы, а трудами Вячеслава Николаевича — еще и упакованного по всем правилам турецкого султана. Так что надо начинать операцию, и чем быстрее, тем лучше...

— А кстати, султан — что с ним? — поинтересовался контр-адмирал.

Полковник Антонова усмехнулась:

— Сидит на гауптвахте на «Кузнецове» и думает о своей печальной судьбе. Мы его пока не допрашивали.

— Допросите, — контр-адмирал задумался, — но лично на вас у меня совсем другие планы, — он пожевал губами. — Кому вы поручите провести допрос?

— Подполковник Ильин и майор Османов, — ответила Антонова, — злой русский следователь, готовый утопить султана в свиной навозной жиже, и добрый турок на русской службе, правоверный мусульманин, хафиз — знаток Корана, и хаджи, который всячески сочувствует своему подопечному и стремится смягчить его горькую участь.

— Отлично, передайте товарищам, чтоб не затягивали с допросом, — контр-адмирал энергично прошелся туда-сюда, — возможно, в ближайшее время Абдул-Гамид нам понадобится живой, здоровый и готовый сотрудничать.

Он повернулся к майору Леонтьеву.

— А вы как, Евгений Максимович, готовы помочь нам установить контакт с государем императором до того, как старушка Европа поднимет истошный крик?

Майор вытянулся в струнку:

— Ваше превосходительство, это было моим самым первым желанием, когда я узнал о вашем существовании от поручика Никитина... И кроме всего прочего, это еще и мой служебный долг.

— Отлично, Евгений Максимович, отлично! — контр-адмирал посмотрел на своего начальника оперативного отдела. — А вы, Анатолий Иванович?

— Я считаю, что начало операции «Рассвет» необходимо совместить с очисткой акватории Черного моря от турецкого флота, — капитан 1-го ранга Иванцов подошел к расстеленной на столе карте Черноморского бассейна, — их основные военно-морские базы на западном побережье, в Варне, а на кавказском — в Батум-Кале.

В сторону Батум-Кале запланирован рейд БПК «Североморск» и БДК «Новочеркасск». Их задача — прервать каботажное судоходство вдоль анатолийского и кавказского побережья, и в конце маршрута, в гавани Батум-Кале, полностью уничтожить турецкие военные корабли. Потом пройти вдоль побережья до Сухума, проверяя по дороге наличие-отсутствие турецких торговых судов, а далее — действовать по обстановке.

Второй отряд будет состоять из ТАКР «Адмирал Кузнецов», задачей которого будет непосредственно исполнение операции «Рассвет», эсминца «Адмирал Ушаков» и БДК «Саратов», которые после разгрома ВМБ Варна проследуют до порта Сулина в устье Дуная с целью захвата всех встречных турецких кораблей. Позиция ТАКР «Адмирал Кузнецов» — до завершения операции «Рассвет» находится на внешнем рейде Варны.

СКР «Сметливый» остается для охраны Константинополя с моря. Надо подумать, возможно, есть смысл перевести сюда также и «Москву», хотя мне лично Средиземноморское направление на море кажется наиболее угрожающим. Не стоит забывать о коварном Альбионе, который попытается всеми наличными средствами отобрать у нас Проливы. Но пусть только попробуют! Наши корабли все больше ведут огонь по наземным целям. Пора им попрактиковаться в стрельбе по целям морским.

— Хорошо, Анатолий Иванович, — контр-адмирал глянул на часы. — На какое время назначим начало операции?

Капитан 1-го ранга Иванцов также посмотрел на часы.

— На десять тридцать, товарищ контр-адмирал. Надо подождать, когда на борт обеих БДК загрузятся греческие призовые команды, набранные в Константинополе людьми полковника Бережного. Как я понимаю, город кишит рыбаками и контрабандистами, и набрать тысячу человек, желающих подзаработать — это не такая уж большая проблема...

Ларионов вопросительно посмотрел на полковника Бережного, и тот не моргнув глазом ответил на его немой вопрос:

— Поручик Никитин познакомил нас с совершенно удивительным человеком... Грек, участник Крымской войны, рыбак, контрабандист и, кажется (во всяком случае, он делал на этот счет намеки), местный криминальный авторитет. Он помог нам проникнуть в султанский дворец, а уж когда речь зашла об утоплении турецкого флота, торгового и военного... В общем, такой

крик поднял! «Господа, вам что, деньги не нужны? Вам бы только топить! Черт с ним с военным флотом, но торговый! Что, нет призовых команд?! Дайте мне час, и будут у вас призовые команды, сколько хотите — тысяча, две, три... За мизерную плату мои люди доставят в Константинополь все, что вы сумеете захватить!»

— Ну и что? — поинтересовался адмирал.

— Набрали тысячу матросов, хотя желающих было как минимум втрое-вчетверо больше, — ответил полковник Бережной. — Договорились на двадцать процентов с аукционной стоимости судна... Торгуются греки отчаянно, потому и задержка вышла.

— Ладно, десять тридцать так десять тридцать, — контр-адмирал Ларионов обвел всех нас взглядом. — Итак, группа контакта в операции «Рассвет»: старший группы — полковник Антонова; заместитель старшего группы — капитан 1-го ранга Иванцов. Кроме того, в состав группы входят: капитан Тамбовцев, являющийся экспертом по историческому контексту, и капитан морской пехоты Хон, отвечающий за безопасность миссии. Во сколько там у нас вылет?

Капитан 1-го ранга Иванцов почесал подбородок, что-то высчитывая.

— В семнадцать ноль-ноль, товарищ контр-адмирал.

— Тогда все. Бережному срочно на берег, основная его задача — порядок в городе. Всем остальным — быть готовыми к шестнадцати тридцати. Все свободны, — он задержал уже выходящую полковника Антонову, — ну, Нина Викторовна, не подведите...

День Д+1, 6 июля 1877 года, 9:00, дворец Долмабахче.

Комендант Константинополя поручик Российской армии Дмитрий Иванович Никитин.

Я сидел за столом в одном из кабинетов султанского дворца и никак не мог прийти в себя. Все произошло так неожиданно. Этот удивительный человек, полковник Бережной, умеет он ошарашивать людей. Раз-два, и я стал комендантом столицы бывшей Османской империи.

Надо было приступать к своим обязанностям, но я даже не знал — с чего начать. Сидевший напротив старший лейтенант Бесоев участливо посмотрел на меня, улыбнулся и сказал:

— Вперед, поручик, вас ждут великие дела!

Я не выдержал и взмолился:

— Николай Арсентьевич, голубчик, подскажите мне, что надо сделать в первую очередь? Ведь я даже не знаю, каковы мои обязанности!

Бесоев перестал улыбаться и, взяв со стола лист бумаги и карандаш, протянул их мне.

— Дмитрий Иванович, давайте для начала запишем, что вам следует взять под контроль и на что обратить особое внимание.

Я с благодарностью посмотрел на своего наставника и приготовился записывать то, что он мне будет диктовать.

— Во-первых, господин комендант, — начал Бесоев, — необходимо прекратить в городе грабежи, убийства и насилие. Причем надо это сделать как можно быстрее и как можно решительнее. Тут без помощи греков нам не обойтись. Вы, кстати, хорошо знаете Константинополь? — поинтересовался Бесоев.

Получив мой утвердительный ответ, он продолжил:

— Надо для начала прикрыть патрулями христианские кварталы и район, где расположены иностранные посольства. Негоже будет, если их разграбят. Именно туда и направьте усиленный наряд морских пехотинцев, а оцепление района организуйте силами греков-ополченцев.

— Район посольств — это Пера и частично Галата, — ответил я, — кроме того, именно там расположены европейские банки и конторы иностранных купеческих компаний. Если бандиты и начнут грабежи, то в первую очередь с тех районов.

Бесоев достал из своей полевой сумки карту Константинополя, нашел там упомянутые мной районы и карандашом обвел их. Потом он взял в руки свою рацию, вызвал неизвестного мне прапорщика Егорова и приказал ему срочно отправить в Перу и Галату усиленный патруль с двумя пулеметами.

— И патронов возьмите с собой побольше, — приказал старший лейтенант прапорщику. — Всех попавшихся вам на месте преступления грабителей и мародеров — расстреливать беспощадно, невзирая на национальность и вероисповедание. Через пару часов я направлю вам подкрепление — местных греков, — Бесоев вопросительно посмотрел на меня. Я утвердительно кивнул, и старший лейтенант продолжил: — А к концу дня разгрузится «Колхида», и я подошлю к вам еще одно отделение на «Тиграх». Думаю, что самое интересное произойдет ночью.

Отдав распоряжения, Бесоев положил на стол свою неразлучную рацию, посмотрел на меня, улыбнулся, и сказал:

— Лиха беда начало, поручик. Давайте, продолжим.

Два часа спустя, район Галаты, патруль морской пехоты Северного флота.

Командир отделения сержант контрактной службы Игорь Андреевич Кукушкин.

Да, угораздило нас. Шли мы в XXI веке в Сирию, а попали напрямик в XIX век в Турцию. Рассказал бы кто-нибудь мне такое раньше — ни за что бы не поверил. Только вот факт налицо: на дворе 1877 год, Россия воюет с турками, впереди у нее вроде как Плевна и Шипка. Да еще и Баязет — помню, показывали по телевизору такой фильм. Там еще наши сидели в осаде, без воды. Ну прямо как в Брестской крепости.

Командир наш рассказал вчера вечером, что мы будем высаживаться с вертушек в Стамбуле, или, как его христиане называют, Константинополе. «Спецы» из ГРУ должны захватить дворец султана с самим султаном в придачу, а мы вроде как идем для их поддержки. Ну что ж, нужна будет поддержка — поддержим.

Все прошло гладко, даже стрелять особо не пришлось. «Спецы» сработали на пятерку. Кого надо — почикали, кого надо — повязали. Самого султана тоже взяли. Видел я, как его,

упакованного и увязанного, грузили в вертолет. А нам поставили задачу — охранять периметр дворца и не допускать к нему разных там мародеров и прочих беспредельщиков.

Охраняли мы дворец до утра. В общем-то, ничего такого не случилось. Только раз вылезли из темноты какие-то обормоты с ружьями кремневыми, ножами и прочим дреколлем.

Попробовали на нас буром переть, только с морской пехотой Северного флота шутки плохи. Завалили мы с десятков самых борзых и непонятливых, а остальные и сами разбежались.

А уже утром, когда стало совсем светло, наш взводный дал нам приказ — выдвигаться с отделением в район, где расположены посольства и богатые офисы здешних буржуев, и взять их под охрану. Пообещал он, что пришлет нам подкрепление из греков местных. Они тут от турок натерпелись, и наших встречали на Лемносе с вином и песнями. Дали нам пароли на случай встречи наших людей, грека-проводника по имени Георгиос — и вперед!

Идем мы по улицам Стамбула, который, как говорил Семен Семеныч Горбунков в бессмертной «Бриллиантовой руке», город контрастов. А он и в самом деле — город контрастов. Тут и турецкие дома с глухими заборами, и европейские дома, совсем как в какой-нибудь Финляндии или Швеции — ездил туда еще до армии на экскурсию. Только вот на улицах, несмотря на то что уже скоро полдень — ни одной живой души. Стремно как-то!

Георгиос по-русски говорит неплохо. С акцентом, конечно, но мы все понимаем. Он нам сказал, что здешняя турецкая «братва» наверняка начнет грабить богатые дома европейцев. А если их побольше соберется, то и на посольство могут напасть.

Идем, озираемся по сторонам, оружие держим наготове. Вдруг слышим, как впереди, метрах в двухстах от нас, зазвенело стекло и послышались истошные крики.

Я скомандовал своим ребятам: «К бою», — и мы тихонечко, прикрывая друг друга, пошли к тому месту, где, как мне казалось, происходило что-то нехорошее.

Я не ошибся. Шайка местных гангстеров разбила окна первого этажа богатого европейского дома и забралась внутрь. Там налетчики занялись своим привычным делом — грабежом и разбоем. Из распахнутого окна на улицу кто-то из этих уродов выбросил мертвое тело пожилого мужчины-европейца. А из дома раздались крики женщины, судя по голосу — молодой. Георгиос вытащил из-за пояса здоровенный пистоль и шепнул мне, что это турецкая банда. Он разобрал несколько слов, сказанных одним из громил.

Я посмотрел на своих бойцов.

— Так, парни! Идем внутрь и делаем их, как учили. В плен никого не брать — невелики птицы эти душегубы стамбульские. Патроны экономить, один выстрел — один труп. Ну, понеслась!

Парни кивнули мне, и мы, отодвинув назад Георгиоса, типа — дядя, стой тут, смотри и не мельтеши — перебежками направились к дому. Мой приятель, Петро из Рязани, посадил меня, и я, подтянувшись, через открытое окно ввалился в комнату.

Четверо бандитов были заняты делом — паковали награбленное в мешки. Они удивленно уставились на меня своими небритыми рожами. Но долго удивляться им не пришлось — один за другим хлопнули четыре выстрела, и они уже были вне игры. Кстати, последнего свалил Колян из Питера, появившийся в соседнем окне. Все было сделано быстро — ни один из них даже не успел ни дернуться, ни рта раскрыть.

На шум из боковой комнаты выскочил еще один налетчик. Его ловко поймал на штык-нож

Петро, который предпочитал в ближнем бою пользоваться холодным оружием.

— Мля! Петро! — вполголоса прошипел я. — Нам какой приказ был? Не рисковать! Два наряда вне очереди, мля!

Ну а мы тем временем стал осматривать квартиру, которая, судя по богатой обстановке, принадлежала состоятельному владельцу. Из одной комнаты, держа наизготовку здоровенный револьвер, осторожно вылез усатый турок в разорванной рубахе и с расцарапанной до крови мордой. Увидев меня, он то ли удивился, то ли испугался. Это понятно, здешний люд поначалу шарахается от нас — уж больно мы странно для них одеты и экипированы. А если вспомнить про рожи, размалеванные устрашающим боевым гримом, то понятно, почему публика от нашего вида постоянно впадает в ступор, а иногда и обделывается.

Пока турок пялил на меня свои зенки, раскрывая рот, я выстрелил ему прямо в харю. Рот с усами на месте, а мозги — брызгами по стене. Ну и хрен с ним — одним бандюгой меньше!

Потом я осторожно заглянул в комнату, откуда выполз этот гад с револьвером. Похоже, что это была спальня. На широкой кровати в куче мягких подушек безутешно рыдала молоденькая девица в разорванной в клочья блузке и в обрывках юбки вокруг пояса. Для меня все было ясно — тот подонок, который только что раскинул мозгами в коридоре, попытался насильничать девицу. Собаке — собачья смерть! Не жалко.

Увидев меня, она вся сжалась в комочек и, как дикая кошка, приготовилась к защите.

— Да успокойся, дурочка, — сказал я ей, — не беспредельщик я какой-то, а тебе помочь хочу...

Услышав русскую речь, девица с удивлением посмотрела на меня, а потом спросила:

— Руссо?

Я опять вспомнил бессмертное творение Гайдая и засмеялся:

— Си, сеньора, руссо туристо, облик морале!

Прибежавший на мой выстрел Колян тоже жизнерадостно заржал:

— Ну ты даешь, Игореха, — туристо... Мимо проезжали, верхом на боевых медведях, — он похлопал по своему «калашу», — и с балалайками!

Услышав наш смех, девица робко улыбнулась, а потом, заметив, что от ее одежды остались одни лохмотья, покраснела как спелый помидор. Я деликатно отвернулся, дожидаясь, пока спасенная мною незнакомка оденется.

Минут через пять я услышал за спиной деликатное покашливание и обернулся. Боже мой, какая она красавица! Черные волосы, смуглая кожа, карие глаза — настоящая Кармен! Я тоже решил не ударить в грязь лицом и представиться ей по всей форме. Приняв воинственную позу, бодрым голосом, как на строевом смотре, отрапортовал:

— Сержант Кукушкин, Игорь Андреевич, морская пехота Северного флота.

Ага, натуральный Кинг-Конг получился, осталось только кулаками в грудь постучать и вопль издать посексуальной.

Девица, внимательно смотревшая и слушавшая, улыбнулась, а потом, маленьким тонким

пальчиком указав на себя, произнесла:

— Мерседес Диас.

«Во дела! — подумал я, — у красотки-то имя, как у иномарки. Может, я тут еще Вольво какую-нибудь встречу, или вообще — Фольксваген!»

Я жестом пригласил девицу следовать за мной. Она послушно пошла, доверчиво глядя прямо мне в глаза. От этого взгляда у меня почему-то гулко забилось сердце. Ох и красавица! А как она головку-то держит гордо, словно королева какая.

У входа в спальню валялся труп незадачливого насильника. Вокруг него уже натекла большая лужа крови. Брезгливо переступив через убитого, Мерседес вошла в большую комнату, где уже находились мои ребята и Георгиос. Они с удивлением посмотрели на мою спутницу, а та, с испугом и удивлением — на них.

— Игорек, ты где такую краплю нашел? — завистливым голосом спросил у меня Петро. — Прямо королева Кастильская.

Услышав последнюю фразу, Мерседес с изумлением посмотрела на Петро и закивала своей головкой:

— Си, си, сеньор, Эспаньола... — Ну вот, и выяснили мы наконец, кто она и откуда...

А потом бедняжка Мерседес горько рыдала над трупом мужчины, которого турецкие бандиты выбросили из окна. Это был ее отец. А я стоял, сжав от злости кулаки, и думал, что никогда, ни за что на свете не дам больше в обиду Мерседес. А тех сволочей, которые грабят и убивают людей, хоть в Стамбуле, хоть в любом другом месте, я буду уничтожать, как бешеных собак.

Мерседес, как и несколько других обнаруженных нами беженцев, потерявших в эту ночь все свое имущество и лишь чудом сохранивших жизнь, мы направили под охраной к дворцу Долмабахче. Там уже развертывается лагерь МЧС, где их примут и обогреют. И теперь в этом, ранее чужом для меня мире появилось родное и любимое мною существо... По крайней мере, мне очень хочется в это верить.

День Д+2, 7 июня 1877 года, Константинополь, дворцовый комплекс Долмабахче, мобильный госпиталь МЧС.

Полполковник медицинской службы Игорь Петрович Сергачев (записки военно-полевого хирурга).

Да, влип я под старость-то лет. Сколько читал книжек про всякого рода путешественников в прошлое и будущее, а тут вот раз — и самому пришлось оказаться во временах Пастера, Пирогова, Мечникова и Склифосовского. Да-с, дела-с, как говорят местные.

Но наш командующий эскадрой контр-адмирал Ларионов сумел быстро сориентироваться на месте. Ему и XIX век не помеха. Выкинуло нас рядом с турецкой эскадрой, и когда джигиты под красным флагом с белым полумесяцем решили пойти на нас войной, он не стал с ними цацкаться и страдать интеллигентской рефлексией. Дал команду, и от турецких кораблей остались только круги на воде. Вот тогда-то у нас и появилась первая работа.

Десятка полтора турок, подраненных во время скоротечного боя и выловленных из воды, морпехи закинули к нам на «Енисей». Тяжелых среди них было всего двое. Остальные — так себе, непроникающие ранения, ожоги и контузии. Но повозились с ними изрядно. Бедняги, увидев наших медиков в халатах и хирургический инструмент в их руках, до смерти перепугались, подумав, что мы собираемся их мучить и пытать перед смертью.

Об этом мне рассказал реаниматолог «Енисея» Николай Богданович Коваль. Он несколько лет проработал в сирийском госпитале, и неплохо владел арабским языком. А выловленные из воды турки оказались не турками, а египтянами. Султан Абдул-Гамид послал их на войну с неверными, которые, по словам английских офицеров-инструкторов, дерзнули взбунтоваться против власти султана.

Лейтенант, доставивший на плавучий госпиталь этих пациентов, сказал, что будь его воля, он освободил бы их от мучений самым радикальным способом, но приказ есть приказ. В заключение он попросил доктора Ковалья перевести этим арабам, что если они проявят к докторам и медперсоналу хоть малейшую непочтительность, то тогда он вернется и устроит им такую смерть, что сам шайтан примчится перенимать опыт. После подобной психологической накачки египтяне вели себя тише воды, ниже травы.

Потом Николай Богданович доходчиво объяснил арабам, что никто не собирается их мучить, а уж тем более убивать. Просто здесь, на корабле, работают русские табибы, которые лечат тех, кто нуждается в помощи. Военнопленные успокоились. Правда, удивляться всему, что им довелось увидеть на «Енисее», они меньше не стали. Даже обычные лампы дневного света приводили их в восторг. А когда сердобольная процедурная сестра Анна Мироновна принесла к ним в палату DVD-плеер и ЖК-телевизор и поставила им диск с каким-то индийским фильмом, то бедные арабы пришли в такое возбуждение, что им, для их же спокойствия, пришлось вкатить двойную дозу успокоительного.

Во время захвата острова Лемнос и прорыва через Дарданеллы у медиков «Енисея» появились новые пациенты. На этот раз уже наши морпехи. Несмотря на экипировку и броники с касками, несколько человек все же получили касательные ранения и колото-резаные раны. После перевязки на месте, всех, за исключением самых легких случаев, направляли на корабль. Пострадало и несколько гражданских — в основном греков. Были и две турчанки, которых привезли с Лемноса. Узнав об этом, их земляки-греки чуть не линчевали несчастных прямо в перевязочной. Но им сказали, что негоже воевать с женщинами. Точнее, на шум из палаты прискакал на костылях матерый сержант морпех и быстро все объяснил народу при помощи своего костыля и «великого и могучего». Пристыженные греки быстро притихли.

А вот во время захвата Константинополя работы было выше головы. Раненые, и легкие и тяжелые, шли сплошным потоком. Были среди них и наши бойцы, но в основном на плавучий госпиталь привозили греков-ополченцев. Не имея военной подготовки и боевого опыта, они несли большие потери в схватках на улицах города с бандами турецких дезертиров и мародеров.

Вскоре на «Енисее» были заняты все сто коек. Колото-резаные, проникающие и непроникающие, резаные, пулевые и осколочные ранения — в общем, полный ассортимент. Ну а на десерт — ожоги и контузии. Турок практически не было, в ожесточении уличных схваток разбойников и мародеров, подстреленных на месте преступления, обычно добивали, не заморачиваясь гуманностью. И когда начальник плавучего госпиталя подполковник медицинской службы Иван Сергеевич Савченко сказал, что еще чуть-чуть, и он будет ставить койки прямо на палубе, мы поняли, что теперь настал и наш черед.

Площадку для развертывания мобильного госпиталя нам помог подготовить назначенный военным комендантом Константинополя поручик русской армии Дмитрий Иванович Никитин. Я с интересом наблюдал за человеком XIX века, который, быстро освоившись с нашей техникой, лихо разъезжал по городу на бронированном «Тигре» с надписью на борту: «Военная комендатура Константинополя» и ловко управлялся с рацией и прибором ночного видения.

Поручик, узнав, что имеет дело с целым подполковником, поначалу робел, но потом мы с ним довольно быстро нашли общий язык.

Греки-ополченцы пригнали пару сотен пленных турок, которые под их присмотром начали разбирать развалины казарм султанской гвардии. Гвардейцев Абдул-Гамида II наши вертолетчики в самом начале штурма накрыли ОДАБаами, и их казармы после этого годились лишь на снос. Во время разбора развалин пленные извлекли из-под обломков несколько тысяч весьма неаппетитно выглядывших трупов. С учетом довольно жаркой погоды, тела убиенных гвардейцев уже начали разлагаться. Неудивительно, что после того как несколько турок и греков, не выдержав зрелища в стиле «хоррор» и трупного запаха, лишились чувств, мне пришлось выдать менее слабонервным противогазы. Трупы сваливали на арбы и вывозили за город, где по санитарным правилам того времени хоронили в большой яме, пересыпая негашеной известью.

Когда площадка для развертывания госпиталя была расчищена и выровнена, а строительный мусор свален в кучи и приготовлен к вывозу, мы приступили к «надувательству». А именно — начали ставить надувные палатки и развертывать блоки: приемно-сортировочный, оперативно-перевязочный и палатки для лежачих больных. С «Енисея» на берег были выгружены контейнеры с нашим имуществом, в том числе и с рентгеновской аппаратурой, приборами для УЗИ и ЭКГ. С большим трудом грузовики протащили наше имущество по узким улочкам Галаты, от бухты Золотого Рога, где у причалов верфи «Терсан-Амир» отшвартовался плавучий госпиталь, до дворца Долмабахче.

Все это мероприятие собрало целую тучу мальчишек всех наций, хотя преобладали все же греки. Это и понятно — не каждый день случаются такие приключения. Был у нас один госпиталь — плавучий, а стало два. Решили мы развернуть и донорский пункт — раненых, нуждавшихся в переливании крови, оказалось немало.

Надо было видеть лица местных греков, пленных турок и поручика Никитина, когда мы приступили к возведению наших «воздушных замков». Затарахтели двигатели электрогенераторов, заработали насосы, и оболочка палатки, лежащая на земле, стала приподниматься, постепенно превращаясь в огромное помещение. Греки и прочие христиане начали креститься, немногочисленные турки — поминать Аллаха.

Своего помощника, майора медицинской службы Никиту Григорьевича Савельева, вместе с заместителем коменданта города, и по совместительству начальником милиции, греком Аристидисом Кириакомом, я отправил в рейд по местным аптекам. Да-да, именно так, служба охраны правопорядка в Константинополе называлась милицией. По замыслу отцов-командиров, она должна была сохранить самое лучшее, что было в советской системе охраны правопорядка. Конечно, лекарств и перевязочного материала пока у нас хватало, но запас, он, конечно, никогда лишним не бывает.

Этот грек Аристидис оказался еще тем пройдохой. Он досконально знал, где и что лежит в этом городе, и не только приволок нам целую повозку лекарств, употребляемых в то время, но и пригнал еще две фуры, забитые здоровенными бутылками с какой-то прозрачной жидкостью. Я подумал было, что Никита Григорьевич изъясил у местных аптекарей спирт, и собирался даже

похвалить его за это. Ведь спирт в медицине вещь нужная, хотя бы для изготовления тех же настоек и дезинфекции. Но мой помощник заговорщицки подмигнул мне и предложил поближе познакомиться с содержимым этих бутылок. Я нюхнул — и запах чистейшего бензина шибанул мне в нос.

Оказывается, в те времена бензин использовался в качестве антисептика и продавался в аптеках. Так что небольшой запас горючего для двигателей электрогенераторов госпиталя у нас уже есть. А спирт товарищ Аристидис привез мне в следующий заход.

Вскоре мы начали принимать пациентов. К нам везли не только раненых. Хотя в городе по ночам продолжали греметь выстрелы, все же разгул бандитизма потихоньку стал стихать. Помимо колото-резаных и пулевых ранений нам теперь приходилось заниматься повседневными, чисто мирными болячками. Довелось даже принять несколько рожениц.

Кроме того, морская пехота и греческие ополченцы, патрулирующие город, ежедневно и ежечасно свозили к нам детей-потеряшек. Там было все: от чумазных диковатых бачат из трущоб до вполне бледнолицых и чистеньких детишек европейских негодяев, чьи дома были разграблены во время погромов. Пришлось разбивать еще две большие палатки. Одну — под жилище для наших беспризорников, вторую — под классы и столовую. Нашелся у нас и свой «Викниксор» — пожилой грек, бывший штурман торгового флота, который в свое время немало поколесил по свету, знал несколько языков и очень любил детей. Господь ему своих не дал, поэтому всю нерастрченную любовь и заботу он отдал «потеряшкам». Несколько гречанок и армянок, потерявших во время ночных погромов свои семьи, выполняли при нашей «ШКИДе» роль нянечек, поваров и прачек.

Местные жители, узнав, что русские доктора бесплатно и качественно лечат самых тяжелых больных, потянулись к нам. Сначала это были греки и армяне, потом пошли и турки, в основном женщины и дети. Мы никому не отказывали в помощи.

Тянулись под нашу защиту и бывшие гаремные затворницы, которых наше вторжение сделало свободными. Их бывшие хозяева были убиты или бежали, бросив своих жен и наложниц на произвол судьбы. Среди них были русские, похищенные на Кавказе, горянки, проданные в гаремы своими родственниками, армянки, грузинки, сирийки, ливанки... Было также несколько француженок и итальянок.

Многим из них не было и шестнадцати лет. Для беженцев был разбит отдельный лагерь в дворцовом саду. Тут в ход пошли британские армейские палатки, обнаруженные на турецких складах, а мебель для них мы взяли из дворцов сбежавших турецких вельмож.

Бывали и интересные случаи. Помню, как один наш морпех привез в госпиталь симпатичную девушку, которой требовалась помощь не хирурга или травматолога, а скорее, невропатолога. Как рассказал мне морпех, назвавшийся Игорем Кукушкиным, у этой девушки, испанки по национальности, с несколько непривычным для нас именем Мерседес, турки-грабители убили отца и пытались изнасиловать ее саму.

Я два года работал в госпитале в Гаване и не забыл еще испанский язык. Расспросив Мерседес, я узнал, что отец ее, представитель одной французской торговой компании, покинул Испанию лет десять назад, спасаясь от ужасов полыхавшей там гражданской войны.

В Стамбуле им жилось неплохо, соседи уважали ее отца за доброту и честность. И вот один из таких соседей, турок Селим, которому отец Мерседес не раз помогал деньгами, привел к их дому каких-то бандитов. Он с улицы окликнул испанца, а когда тот, ничего не подозревая,

подошел к окну, Селим ударил своего благодетеля палкой по голове. А потом...

Тут Мерседес расплакалась навзрыд, и мне пришлось позвать медсестру, чтобы она сделала безутешной девушке укол снотворного. А Игорю Кукушкину, который оказался почти моим земляком — родом из Выборга, я обещал, что девушка, так понравившаяся ему, останется в лагере беженцев при нашем госпитале, и он сможет ее увидеть, когда у него появится свободное время.

Константинополь, бухта Золотой Рог, ТАКР «Адмирал Кузнецов».

Султан Абдул-Гамид II.

Повелитель правоверных, тень Аллаха на земле, тридцать четвертый султан из династии Османов Абдул-Гамид II с трудом открыл глаза. Нестерпимо болела голова, словно он накануне напился запретного напитка гяуров.

Султан осмотрелся по сторонам. Он находился в помещении без окон, стены которого были окрашены в противный серый цвет. Султан лежал в своей рубашке и шальварах на тощем матрасе, брошенном на стальную койку. По тому, что пол комнаты, точнее каюты, слегка покачивался, он понял, что находится на корабле. Вот только на чем?

Абдул-Гамид стал с трудом вспоминать, что же с ним произошло. Он вспомнил взрывы в городе, парящую в небе огромную стрекозу, изрыгающую огонь и смерть, потом — сорванную взрывом дверь спальни и появившихся в облаке дыма слуг шайтана. Потом султан погрузился в сон, подобный сну мертвеца.

Это было, или ему приснилось? Скорее всего, было, ибо в противном случае он проснулся бы не здесь, а в своей спальне, и слышал бы поутру сладкое пение муэдзинов, призывающих правоверных к утренней молитве.

Кто его взял в плен? У султана было немало врагов, но ни один из них не осмелился бы так бесцеремонно с ним поступить. Да, его могли отравить, убить ударом ножа в спину, задушить во сне, но так...

Тяжелые мысли султана прервал скрежет замка. Дверь открылась, и в каюту вошли два человека в странной военной форме. Абдул-Гамид увлекался военным делом, знал, как выглядят мундиры всех европейских армий, но такой формы он еще ни разу не встречал. Оба военных, а то, что это именно военные, султан понял по их выправке, были одеты в пятнистые брюки и куртки. Один из незваных гостей был типичным славянином — светловолосым с голубыми глазами и неприятной усмешкой на лице. Второй больше был похож на турка — черноволосый, с большими усами и мохнатыми бровями, с карими, глубоко сидящими глазами, которые, как показалось султану, сочувственно смотрели на него.

Первый военный что-то сказал по-русски, а стоявший рядом с ним второй перевел сказанное на турецкий язык:

— Эфенди Абдул-Гамид, мы хотели бы побеседовать с вами. Мы — это подполковник российской армии Ильин, — при этом славянин слегка наклонил голову, — и майор российской армии Османов, — говоривший в свою очередь сделал полупоклон.

— А почему вы так ко мне обращаетесь! — возмущенно ответил султан. — Ведь я монарх, и ко

мне надо обращаться «ваше величество», а не «эфенди». Я вам не какой-то там купец, торговец хурмой или меняла на рынке! А главное, по какому праву вы напали на мой дворец и похитили меня?!

— Напали по праву войны, а похитили по праву победителей, — ухмыльнулся подполковник. — Ведь по такому же праву победителя ваш предок, султан Мехмед Завоеватель, в 1453 году захватил Константинополь. А мы лишь возвращаем им захваченное. Вы не будете отрицать, эфенди, что Россия и Турция находятся в состоянии войны. И эта война возникла в результате ваших скромных усилий пролить как можно больше крови моих единоверцев. А что касается титулования — а как еще можно обращаться к *бывшему* султану *бывшей* Османской империи? Ваша столица захвачена, войско частично перебито, частично разбежалось... Пора бы вам подумать и о себе...

— Это неправда! — воскликнул разъяренный Абдул-Гамид. — Силы Османов огромны, войско сильно, флот могуч, да и наши друзья — англичане и австрийцы — не дадут вам удержать подло захваченную столицу моей великой империи!

— Насчет ваших друзей — это разговор особый, — неприятно усмехнувшись, ответил подполковник, — я думаю, что им скоро будет не до помощи османам. У них появятся новые заботы, в том числе и о том, как уберечь свои территории, и даже свои головы. К ним у нас тоже есть претензии, к тому же немалые. А насчет могущества и силы турецких армии и флота... — говоривший что-то сказал по-русски своему спутнику, и тот на мгновение вышел из каюты, а затем вернулся...

— Сейчас сюда принесут стулья и столик, и вы, эфенди, сможете увидеть много чего интересного и поучительного для вас.

Пока совершенно сбитый с толку султан ломал голову над словами наглого гяура, несколько моряков внесли в каюту три стула, небольшой столик и какой-то плоский ящик, изготовленный из неизвестного султану материала. Майор установил этот ящик на столик. Вежливо предложив султану сесть на стул, майор приподнял крышку ящика, которая оказалась плоской и матово-серой. Потом он нажал на какие-то выступы на ящичке, и крышка неожиданно засветилась чудным голубым светом. Потом все исчезло, и султан с изумлением увидел изображение красивого цветка, который был словно живой.

Майор обратился к Абдул-Гамиду:

— Эфенди, этот прибор может сохранять изображение того, что уже произошло. Он называется «ноутбук». Мы хотим сейчас рассказать вам о судьбе вашей Средиземноморской эскадры и о том, как Российский флот оказался под окнами вашего дворца.

Майор еще раз что-то нажал, и на откинутой крышке ящика появилось изображение моря. По этому морю плыли корабли под Андреевским флагом. С удивлением и ужасом султан смотрел, как эти корабли, настоящие порождения Иблиса, расстреливали *его* броненосцы, гордость султанского флота. Корабли гяуров уничтожили всю эскадру османов буднично и неторопливо, подобно тому, как волк, забравшийся в овчарню, режет смиренных овец.

Увидел Абдул-Гамид и то, как с помощью своих ужасных кораблей русские захватили остров Лемнос. Страшные ревущие боевые повозки гяуров буквально разметали турецкое войско, и башибузуки, естественно, те, которые уцелели, позавидовали мертвым, оказавшись в руках разъяренных греков.

Потом Абдул-Гамид увидел самое страшное и невероятное — с корабля, огромного, словно

скала в море, с грохотом взлетали чудовищные стрекозы и аппараты, которые ревели, словно джинны, и летали по небу подобно огнедышащим ифритам.

С помощью этих стрекоз и изрыгающих смерть аппаратов, русские уничтожили береговые батареи в Дарданеллах, превратив в кучу обломков камней и кирпичей неприступные форты. А потом... А потом Абдул-Гамид увидел то, как был захвачен Стамбул, и как проклятые гяуры похотливо расхаживают по залитым кровью и заваленным трупами аскеров коридорам его дворца.

— Это неправда! — в отчаянии закричал султан. — Это все чары шайтана, который, как в пустынях Счастливой Аравии, показывает несчастным, отступившим от Аллаха, миражи!

— Говорите, миражи? — ухмыльнулся подполковник. — Можете убедиться лично, что все это суровая реальность.

Майор выключил свой ящик и предложил султану встать и следовать за ним. Абдул-Гамид, как замороженный, вышел из каюты. Они шли по освещенным неживым светом коридорам, поднимались по крутым трапам, потом снова шли по бесконечным лабиринтам переходов. Абдул-Гамид уже начал было думать, что его вечно будут водить кругами. Вот открылась еще одна дверь, султан сделал шаг за порог — и зажмурился. Глаза его уже успели отвыкнуть от яркого света утра.

Пахло морем, и противно кричали чайки. Он открыл глаза — и с ужасом отшатнулся. Перед ним расстилался хорошо знакомый ему залив Золотой Рог. Только вместо приземистых броненосных фрегатов и корветов флота Блистательной Порты, залив был забит странными кораблями, покрашенными в темно-серый цвет, с андреевскими флагами, развевающимися на их мачтах. А корабль, на котором находился султан, был такой огромный, словно стамбульская мечеть Сулейманийе. На его палубе стояли те самые огромные железные стрекозы и похожие на наконечник копья аппараты, с крыльями скошенными, словно у ласточки в полете.

Ноги у султана подкосились, и он мешком опустился на палубу. Будто во сне он смотрел на то, как проклятые гяуры перекатывают по палубе корабля-гиганта с помощью самодвижущихся повозок свои летательные аппараты, как какие-то огромные механизмы опускают их вниз, в трюм корабля, а другие стрекозы, похожие на летающих головоастиков, взлетают с палубы корабля и кружат над городом, бывшим когда-то столицей его империи.

— Эфенди, вам плохо? — наклонился над ним майор Османов.

— Майор, что это?! — опираясь на чужую руку, Абдул-Гамид неуверенно встал, дрожа, как больной ребенок. — Скажите, откуда вы? Надеюсь, что вы пришли в наш мир не из Саккара, или, как у вас, у неверных, говорят, из преисподней...

— Ну, во-первых, эфенди, — майор поддержал обмякшего экс-султана, — я не неверный, как вы изволили выразиться, а истинный правоверный мусульманин, читающий намаз пять раз в день. К тому же я совершил хадж и имею право носить зеленую чалму... А что касается вашего вопроса, то мы пришли не из Саккара, а из будущего... Мы перенеслись в ваше время из 2012 года... Хотя это еще как посмотреть, что страшнее, ад или то будущее... — майор склонился к уху Абдул-Гамида: — Ответьте нам, эфенди, как правоверный мусульманин, могли бы мы оказаться здесь без воли Всевышнего?

— Хорошо, — с мукой в голосе выкрикнул бывший султан. — Всевышний пожелал нашей гибели, и как говорят попы франков — неисповедимы пути господни, но скажите мне, почему вы, майор, правоверный и хаджи, служите этим гяурам?

— А потому, что сказал Пророк, что самый близкий к тебе из тех, что почитает Книгу — это тот, кто верует в Христа. Или вы, эфенди, готовы опровергнуть меня? — Абдул-Гамид промолчал. — Ваше бывшее величество, за все время, пока мусульмане живут в Российской империи под властью христиан, не было ни одного раза, когда христиане резали мусульман — ни одного!

Блистательная Порта же пролила такие реки крови единоверцев моих друзей, что когда я вспоминаю об этом, мне становится стыдно, что я родился турком и что я мусульманин. Ибо Всевышний определил каждому народу свое правоверие, и что хорошо для турка, не годится для русского, и наоборот. Но мы, турки, утопили нашу веру в крови и грабежах. И я решил, что будет достойно служить властителю России, доброму и милосердному, не делящему своих подданных на христиан и мусульман.

— Я все понял, — обреченно прошептал султан. — Аллах наказал нас, турок, за все зло, что мы сотворили за долгие годы владычества над другими народами...

Он повернулся к своему надзирателю и тихо спросил:

— Майор, как вас зовут? Надеюсь, не Иван или Константин?..

— Нет, эфенди, у меня простое турецкое имя — Мехмед, — улыбнулся тот в густые черные усы.

— Хаджи-Мехмед, проводите меня в мою каюту, — Абдул-Гамид опустил голову и, немного помолчав, продолжил: — Мне хочется немного побыть одному и подумать. Впрочем... Я буду рад, если вы вечером зайдете ко мне.

— Эфенди, обязательно зайду, — кивнул майор Османов. — Я считаю, что нам еще с вами предстоит о многом поговорить.

6 июня (25 мая) 1877 года, 7:45, граница Турции и Ирана, окрестности крепости Баязет.

Подполковник Российской армии Александр Викентьевич Ковалевский.

В ночь на 25 мая новый командующий нашим гарнизоном подполковник Пацевич запланировал провести дальнюю рекогносцировку Байской дороги. Выступили мы глубокой ночью. Было всего три часа, когда я, торопливо попрощавшись с моей ненаглядной супругой, сбежал вниз к своим ставропольцам. По пути забежал к доктору Сивицкому и попросил позаботиться о любимой Сашеньке, если что... Ну, надеюсь, вы понимаете...

Сейчас, когда здесь уже началось лето и стоит ужасная жара, все стараются передвигаться только по ночам. Вот так и мы — в темноте построились и вышли за ворота цитадели. Мы — это сборный отряд из трех рот пехоты Ставропольского полка и одной роты Крымского, а также семь сотен казаков и конного ополчения.

Верста за верстой оставались позади, наши солдаты упорно шагали в гору, поднимая тучи пыли. Против всех правил подполковник Пацевич не выслал кавалерию в дальний дозор на несколько верст вперед, а держал ее в одной линии с пехотой. Я не понимал, почему такой опытный командир пренебрегает элементарными мерами предосторожности. Ведь недалеко и до беды.

Скоро рассвело. На семнадцатой версте нашего многотрудного пути перед нами показались

конные разъезды курдов. Казаки вступили с ними в перестрелку, и курды легко отступили дальше по дороге, заманивая наши войска вслед за собой, навстречу опасности. Командующий нами безумец вел отряд прямо в пасть льву, и никто не мог возразить ему.

На восемнадцатой версте впереди показались густые массы курдской кавалерии, за ними засинели мундиры аскеров регулярной турецкой армии. Наш отряд встал. Почувствовав нерешительность подполковника Пацевича, курдская кавалерия пошла на сближение. Они, как шакалы, атакуют только тогда, когда чувствуют слабость жертвы.

Над нашими головами засвистели пули. Вот рядом со мной отчаянно вскрикнул смертельно раненный солдат. «Матерь Божья, спаси и помилуй нас», — мои губы шептали молитву, а сам я тем временем выстраивал моих ставропольцев в цепь. Только бы не показать слабинку, не сдать перед лицом неумолимой смерти. Наверное, сегодня все мы погибнем, ведь турок почти вдесятеро больше, чем нас. Но даже погибать надо так, чтобы нашим родным и близким потом не было стыдно за нас...

Пули засвистели все чаще и гуще. Шаг за шагом наш маленький отряд начал отступать обратно к крепости. Те самые восемнадцать верст, которые мы прошли по этой дороге, делали наше спасение почти невозможным. Вглядываясь в ряды накатывающихся на нас курдов, я случайно заметил в небе над ними яркую точку. Будто прорезалась на небе запоздалая звезда или сверкнул солнечный блик на полированном металле. Я протер глаза, дрожащими руками вытащил из футляра подзорную трубу и направил ее в нужном направлении.

Плывя по безоблачному небу, к нам приближалось *нечто*, похожее на огромных птиц. Острые клювы, тонкие металлические крылья, раскинутые по сторонам. Я не мог понять — могло ли *это* быть делом рук человеческих, или крылатое чудовище было создано потусторонними силами? И кому будут помогать эти металлические птицы? Может быть, они летят на погибель нам, а может, и во спасение? Вот приземлятся — и начнут клевать наших солдатиков своими железными клювами...

Я опустил подзорную трубу и перекрестился. Потом огляделся по сторонам. Пока я ломал голову о происхождении этих летающих чудовищ, курды ослабили обстрел наших войск и начали оборачиваться назад. Они тоже увидели приближающихся железных птиц. А те, опустив свои клювы к земле, начали падать примерно туда, где, по нашим расчетам, располагалась ставка турецкого паши, командовавшего атакующими нас войсками.

Наши солдаты, не прекращая стрельбы, начали громко молиться, призывая на помощь Георгия Победоносца, Николу Угодника, Матерь Божью и самого Господа нашего Иисуса Христа.

Из-под крыльев железных птиц отделилось черные маленькие точки... Мгновение спустя ставка турецкого паши окуталась дымом и пылью... Когда дым рассеялся, я увидел, что место, совсем недавно заполненное всадниками в ярких нарядных одеждах, теперь завалено человеческими и конскими телами. Уцелевшие испуганные турки удирали во весь опор, яростно нахлестывая своих скакунов.

Солдаты наши, при виде всего этого, в едином порыве вскричали «ура!» и, славя и Господа Нашего, и Пресвятую Богородицу, а также государя императора, приготовились ударить в штыки. Ибо при виде такой помощи с небес уныние прошло, превратившись в воодушевление. Но, как оказалось, чудесные железные птицы еще не закончили свою работу.

Выровнявшись над землей подобно ласточкам или стрижам, они помчались нам навстречу. А за ними исчезали в клубах разрывов отборные турецкие батальоны. Господи, вот кем

становятся в твоём царстве праведники военного сословия — боевыми ангелами, предназначение которых — помогать нашему воинству в битве с силами зла!

Курды, видя приближающихся посланцев небесной рати, брызнули во все стороны, как испуганные воробьи. Но это им мало помогло. С ужасающим грохотом железные птицы промчались над моей головой, и мне показалось, что я на мгновение оглох. Прямо передо мной в клубах пыли катались по земле и бились в судорогах раненные курдские лошади, изломанными куклами валялись тела убитых. Никто из моих солдат не пострадал, смертоносный дождь прекратился примерно в двухстах шагах от нашей цепи.

Я обернулся и увидел, как высоко в небе, оставляя за собой тоненькие белые следы, железные птицы закладывали красивый разворот, подобно голубям из моего детства. Я так до конца и не мог решить, дело ли это рук человеческих, или все-таки Промысел Господний. Но вскоре мне стало не до этого, потому что воздушная атака на турецкий отряд повторилась, и супостат бежал туда, откуда пришел, причем со всей возможной поспешностью.

Все офицеры обратились к подполковнику Пацевичу с тем, что надо немедленно отступить в крепость и приготовиться к обороне. Ибо ужасной гибели нам удалось избежать только благодаря помощи Небесных Сил. И не смилуйся над нами Георгий Победоносец, не пришли на помощь своих крылатых воинов, то лежать бы нам всем мертвыми в горячей пыли этой дороги. Ибо мы были уверены, что ни один русский солдат или офицер не сдастся врагу, даже под страхом самой страшной смерти.

Слова наши оказались пророческими... Прогнав турок и немного покружив над нашими головами, небесные воины улетели на запад, в сторону Стамбула.

Удрученный своим былым безрассудством и прекращением помощи небес, подполковник Пацевич дал команду отступать к крепости со всей возможной поспешностью, что и было проделано без особых приключений.

В два часа пополудни наш усталый отряд уже входил в ворота цитадели. Я снова увидел мою ненаглядную Сашеньку, такую милую в уборе сестры милосердия. Благодаря столь своевременному вмешательству, мы все отделались легким испугом, а ведь дело могло кончиться значительно хуже.

День Д+1, 6 июня 1877 года, 18:45, внешний рейд порта Варны, ТАКР «Адмирал Кузнецов».

Капитан Александр Тамбовцев.

Мы вылетаем в ночь, оставляя позади разгромленный и сгоревший порт Варны. В полутьме видно, как еще тлеют обломки турецких корветов и чадят воронки на том месте, где раньше стояла турецкая береговая батарея.

Эсминец «Адмирал Ушаков», вместе с БДК «Калининград», примерно полтора часа назад ушел дальше в сторону устья Дуная. Есть там такое местечко — Сулина. А на торговых судах, стоявших на якорях в гавани Варны, всю хозяйничают наши морпехи и греческие призовые команды. Те турецкие матросы, кто рискнул оказать им сопротивление, уже успокоились навечно, получив пулю в лоб или удар ножом в сердце. Нашлись смельчаки, которые сиганули за борт и теперь вплавь добивались до берега. Впрочем, болгары, столпившиеся у кромки воды, встречали их не хлебом и солью, а кое-чем повнушительнее. Чем-то типа дубин и камней. Негостеприимно, однако, и не толерантно.

А греки, издаля смахивающие на шайку Джека Воробья, проводили на палубах призов «селекцию». Тех моряков, кто показывал им нательные крестики, они не трогали. А тех, у кого не было наглядного доказательства принадлежности к христианскому вероисповеданию, греки, словно заправские грузчики, перекидывали через планширь и отправляли за борт в одиночное плавание. Об умении плавать «выкидышей» они не спрашивали.

Майор Леонтьев меланхолично прокомментировал увиденную нами картину:

— Да-с, господа, сказывается многовековое соседство этих двух народов — посмотрите, как «горячо симпатизируют» греки туркам!

Налюбовавшись вволю на «зачистку» призов, мы, переговорив с майором Леонтьевым, решили немного изменить план операции. Нашу «группу контакта» мы разделили на две части — передовую и основную. В передовую вошли ваш покорный слуга, как руководитель группы, майор Леонтьев, как проводник, и капитан морской пехоты Хон с двумя отделениями своих головорезов — для обеспечения нашей безопасности. Вторая, основная, группа вылетит в ставку царя по нашему сигналу. Группу эту возглавят полковник Антонова и капитан 1-го ранга Иванцов.

После разговора с полковником Бережным майор успел переодеться. Скажу прямо, выглядит он настоящим щеголем. Попросив обождать час, он послал гонцов — патруль морпехов — с запиской в свой дом. Очевидно, что в записке была какая-то особая пометка, потому что дворецкий майора, Генрих, исполнил просьбу своего шефа с максимальной быстротой. Старшему группы морпехов вскоре был вручен баул, в котором находилось все необходимое для того, чтобы его хозяин мог продолжить свое путешествие, на этот раз — как Макс Шмидт, богатый коммерсант из заморских САСШ.

Было немного смешно наблюдать, как Леонтьев косится на нашего капитана-корейца. Даже полковник Антонова не так его смутила. Ну разве может кого-нибудь смутить женщина-полковник в стране, где три женщины-императрицы последовательно сменяли друг друга на троне?

А вот восточные народы здесь еще в диковинку. Хотя чуть ли не треть княжеских фамилий Российской империи считают себя выходцами из Золотой Орды. Был среди них даже калмыцкий хан Дондука-Омбу, который дал начало роду князей Дондуковых-Корсаковых.

Впрочем, пока еще Россия только-только начала проникать на Дальний Восток: Приморье, стараниями человека, к которому мы сейчас направляемся, присоединено к России семнадцать лет назад. Да и порт Владивосток заложен тогда же. Так что корейцы, японцы и китайцы здесь пока еще экзотика.

Ой, а ведь не зря адмирал выбрал именно его для силового обеспечения контакта. Впрочем, как и полковника Антонову — в руководители миссии. Тут явно просматривается желание расширить кое-кому сознание даже без применения наркотических средств. Ну, а сам капитан Хон как нельзя лучше соответствует народному образу гусара — потомка поручика Ржевского. «Врун, болтун и хохотун», да еще и вдобавок галантный «ходок» до слабого пола. Но это, что называется, в нерабочее время. Одевая камуфляж, он преобразуется в заправского головореза, из которых, в общем-то, и состоят эти широко известные войска.

— Евгений Максимович, — шепнул я на ухо майору, — перестаньте смотреть так на нашего капитана, словно перед вами не офицер российской армии, а цирковая обезьяна. Право же, это просто неприлично. Он такой же русский, как и все мы, только с несколько экзотической

внешностью. Не обращайтесь внимания на его лицо, и все будет нормально. Абрам Петрович Ганнибал внешность имел куда более непривычную для русского глаза, и ничего, со временем к нему все привыкли. И к нему, и к его потомкам. Так что будьте воистину русским, смотрите не на лицо, а в душу.

— Я постараюсь, Александр Васильевич, — так же тихо ответил майор, — только вот пока... Ладно я, а вот в Ставке наши великосветские бездельники будут пялиться на него, как дикари на паровоз.

Но в еще больший ступор майора ввела полная экипировка бойцов морской пехоты. Темные ночные камуфляжи, бронежилеты, шлемы с ноктоскопами, их лица, разрисованные устрашающим макияжем, и куча разного вооружения и снаряжения, которым был обвешан каждый член группы сопровождения. Русские солдаты, вооруженные винтовками Крнка, выглядели на их фоне безоружными селянами. Кажется, до майора уже начало доходить, каким образом мы умудряемся истреблять врагов, не неся при этом практически никаких потерь. Да и жалости к османским воякам они особо не испытывают. А что их жалеть? Турецкие душегубы ничем не лучше нацистских. И если у турок еще нет концлагерей, то и нацисты, как ни крути, не занимались поголовной резней целых народов, к примеру, армян, и не истребляли жителей целых городов по религиозному признаку. Взять, к примеру, Хиосскую резню 1822 года, когда по приказу капудан-паши Кара-Али турки вырезали почти все население стапятидесятитысячного острова...

Все, вертолет готов к вылету, бойцы грузятся на борт. Последние пожатия рук и... Люк закрывается, палуба проваливается вниз. Майор летит первый раз в жизни, но старается не показывать своего страха. Он прикрыл глаза и делает вид, что дремлет. Но я-то вижу, как он весь напряжен и с большим трудом сдерживает свои эмоции. К тому же, как мне кажется, его просто укачало.

На пути к Плоешти нас сопровождает «Ночной охотник», страхуя от всяких неожиданностей. Узкая скамейка вибрирует под нами, за иллюминаторами уже стемнело, и лишь звезды освещают наш путь в Императорскую главную квартиру Российской армии. Курс вертолета специально проложен в обход населенных пунктов, и поэтому штурманы нашей группы могут ориентироваться лишь по приборам, да еще по радиомаяку «Кузнецова». Возможно, что наш полет контролируют и с вертолета ДРЛО, но нам об этом не известно.

В отличие от матово-темной земли, в широкой ленте Дуная отражаются звезды. Еще немного, и мы на румынской стороне. Вот уже и окрестности Плоешти. Штурманы выбирают место для посадки, а пилоты аккуратно опускают свои машины между холмов верстах в трех от этого румынского городка, еще не успевшего стать нефтяной столицей Европы. Хотя добыча нефти здесь началась еще сорок лет назад. Здесь уже построен первый в Европе нефтеперегонный завод, и в этом году добудут 15 тысяч тонн нефти. Надо об этом помнить, и позднее, познакомившись поближе с румынским премьером Братиану, обговорить с ним вопрос о снабжении нефтепродуктами нашей эскадры.

Первое отделение морпехов, надвинув на глаза ноктоскопы, выскакивает из вертолета и бесшумно разбегается по окрестностям, образуя периметр безопасности. С нами в город пойдут только четыре бойца, пятый — капитан Хон. А иначе это уже будет толпа, а не разведгруппа. Бойцы немного попрыгали на месте, проверяя, чтоб ничего из снаряжения не стукнуло и не брякнуло.

— Ритуал, — поясняю я удивленному майору, — последняя проверка того, насколько хорошо подогнана амуниция. В пути на них ничего не должно ни звенеть, ни стучать. Будь перед нами,

к примеру, не Главная квартира государя, а лагерь какого-нибудь измирского паши, то утром в этом лагере устали бы считать трупы турецких командиров и их аскеров.

— Свят, свят, свят... — майор одергивает и поправляет свой щегольской костюм, потом крестится. — Ну что ж, господа, с Богом! Идемте...

В город мы вошли без проблем. Ну, разве же это препятствие — пикет из восьми солдат, сидящих у костра. Их глаза, ослепленные языками пламени, не заметили спецназовцев, проскользнувших мимо них на расстоянии всего десятка шагов.

Никакого уличного освещения, ни газового, ни электрического, в Плоешти не было. Деревня, одним словом... О местонахождении дома, в котором остановился генерал-адъютант Игнатъев, мы узнали у лакея одного из свитских, бежавшего по улице с запиской своего хозяина. Лакей оказался весьма осведомленным и разговорчивым. Он оживился, увидев в руке майора Леонтьева двугривенный, и довольно подробно рассказал, как добраться до дома «их превосходительства».

Получив монетку, он помчался дальше, а мы пошли вслед за майором, стараясь держаться в тени и не привлекать ничьего внимания. У одного из внешне неприметных домиков он остановился и постучал в дверь. Что-то негромко сказав вышедшему на стук человеку, по внешнему виду — слуге богатого барина, он вошел в дом. Мы поняли, что именно здесь и остановился Николай Павлович Игнатъев, генерал-адъютант царя, бывший посол России в Турции, и по совместительству — глава российской разведки на Балканском фронте боевых действий.

6 июня (25 мая) 1877 года, вечер, Плоешти, Императорская главная квартира.

Генерал-адъютант Николай Павлович Игнатъев.

— Уф, только вчера я приехал в эту богом забытую дыру, именуемую городом, а мне кажется, что я торчу здесь уже целую вечность. Перед этим почти две недели я ехал на поезде на юг с пересадками и приключениями. В вагоне моими соседями оказались генерал-адъютант князь Борис Голицын и еще дюжина человек из свиты государя. Железная дорога, пыль и жара, невозможность как следует помыться вызвали у меня раздражение кожи на голове и шее, так что по прибытии в Плоешти я только и делаю, что моюсь с мылом и мажу кожу глицерином. Помогает мало, началось воспаление. Да и глаза опять стали побаливать.

Я расположился в предоставленном мне бедном румынском домике и успел до вечера повстречаться со своими старыми друзьями-стамбульцами, дипломатами и не только. Ну, и переговорил кое с кем еще, чьи имена я называть не имею права, о тамошних делах. Информация, которую они мне сообщили, была весьма интересной, и я передам ее при первой же возможности главнокомандующему, великому князю Николаю Николаевичу.

Как я узнал, наши войска уже в течение месяца готовятся к форсированию Дуная. Возможно, что это произойдет через какие-то десять дней, и начнется то, ради чего, собственно, мы почти год держим под ружьем огромную армию. Многие из царской свиты радуются и считают, что мы разобьем неприятеля за две недели, максимум за месяц — идиоты!

Хорошо зная турок, я предполагаю, что война затянется как минимум до осени, и будет стоить нам больших потерь. Господи, спаси и сохрани наших воинов от смерти, ран и болезней!

Царский и свитский обозы, отправленные еще две недели назад из Петербурга десятью поездами, прибыли только сегодня утром.

А вечером, часов в девять, приехал и сам государь. Встреча на вокзале была громкая, шумная и пыльная. Свитские так активно изображали восторг при виде государя, что пыль стояла столбом. Я должен был возвращаться со станции зажмурив глаза, чтобы они окончательно не разболелись.

Кстати, я узнал, что из-за обилия шитых золотом мундиров и орденов, тех, кто на пушечный выстрел никогда не подходил к передовым позициям наших войск, называют «Золотой ордой». Метко и хлестко!

Одно меня обрадовало — что как только государь и цесаревич увидели меня в толпе, так сразу же приветствовали пожатием руки и стали расспрашивать о моем здоровье и здоровье моей дражайшей супруги. Помнят, значит, мои дела и считают, что агентура, которую я в течение долгих лет создавал на Балканах и в Турции, принесла и еще принесет нашему войску немалую пользу. Сейчас этими делами занимается полковник Николай Дмитриевич Артамонов, «штаб-офицер над вожатыми». Хитрое название. Вроде звучит нейтрально, а по сути — главный над шпионами. Вот что входит в его обязанности: «заведовать собиранием сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля», а также «опрос пленных и лазутчиков и составление из показаний их общих сводов». Надо обязательно повидаться с Николаем Дмитриевичем, тем более что пришлось с ним вместе работать в бытность мою послом в Турции.

А на завтра я назначен дежурным генералом при его величестве, что меня сразу вводит в колею военную, не имеющую отношения к министерству иностранных дел. Авось мне повезет, и я буду дежурным при переправе, потому что иначе мне не будет трудно попасть в зону боевых действий. Главная квартира может и отстать от войск, но дежурному генералу обязательно доставят средства передвижения, чтобы я мог поспеть своевременно туда, где будет государь. А он, как мне сказали, не только хочет присутствовать на переправе, но и собирается перейти Дунай вместе с армией.

Если так, то это хорошо. Мне с моими людьми лучше встречаться подальше от свитских шаркунов и болтунов. И не только болтунов. Сдается мне, что среди лиц, отирающихся вокруг государя и его штаба, немало тех, кто не делает секрета из того, что им удастся узнать. Иностранные наблюдатели, присланные в нашу действующую армию, хорошо известны мне как опытные и толковые разведчики.

Сегодня же я узнал о формируемом болгарскими вспомогательным войске. В болгарской бригаде волонтеров уже три тысячи шестьсот человек, и ими все довольны. Хотя, конечно, могло бы их быть и больше. Посмотрим, на что способны «братушки», когда наша армия форсирует Дунай и вступит на территорию Болгарии.

Уже поздним вечером, усталый и грязный, я приехал на отведенную мне квартиру — домик на окраине Плоешти, и приготовился поужинать и лечь отдохнуть. Но мне не дали этого сделать.

А произошло вот что. Ближе к полуночи слуга сообщил мне, что пришел некий respectable господин, который очень хочет со мной встретиться. При этом жаждущий встречи человек просил отметить, что он «пришел издалека». Тут я сразу понял, что это, по всей видимости, один из моих агентов, который узнал что-то очень важное и желает мне это сообщить с глазу на глаз. Велев слуге привести ко мне позднего визитера, я сел за стол, положив на всякий случай под скатерть взведенный револьвер «Смит энд Вессон».

Как я и предполагал, ночным гостем оказался мой старый знакомый — резидент нашей разведки в Стамбуле майор Леонтьев. Вид у него был такой взволнованный, что я сразу же подумал, что произошло нечто очень важное и необычное. И я не ошибся.

Майор снял шляпу и сел за стол напротив меня. Я обратил внимание на то, что он с трудом скрывает нетерпение.

— Ваше превосходительство, у меня к вам чрезвычайное известие... — начал было он, но я сразу же его перебил:

— Дорогой Евгений Максимович, давайте без чинов и титулов, так нам будет проще и быстрее разрешить все наши дела, не так ли?

— Так точно, Николай Павлович, действительно, так будет проще... — он вздохнул и вытащил из кармана большой платок, которым вытер вспотевший лоб. Действительно, вечер был очень душный. — Только я хочу сообщить вам о делах отнюдь не простых... Дело в том, что еще сегодня утром я пребывал в своей резиденции в Стамбуле, а сейчас, как видите, беседую с вами.

— Евгений Максимович, дорогой, вы часом не заболели? — воскликнул я. — Как можно в течение десяти-двенадцати часов добраться из Константинополя до Плоешти? Уж не на ковресамолете из волшебных сказок наших нянь вы сюда прилетели?

— Вот именно что прилетел, только не из Стамбула, который с нынешнего утра снова зовется Константинополем, а из Варны, — майор еще раз промокнул платком вспотевший лоб. — Николай Павлович, я понимаю, вы можете мне не верить, мол, пришел чужак и рассказывает вам сказки на ночь глядя. Но сегодня утром в Стамбуле действительно случилось экстраординарное, то, что не укладывается ни в какие рамки.

— Ну-ну, Евгений Максимович, продолжайте, не томите, — поторопил я его. Отчаянно желая хоть немного поспать, я рассчитывал быстренько выслушать майора и поскорее выпроводить его из дома. Похоже, что у бедняги действительно наступило помутнение рассудка.

— Николай Павлович, — майор Леонтьев смотрел на меня внимательно и немного печально, — я должен сообщить вам то, что пока не известно почти никому в мире. Сегодня утром Стамбул и Проливы были захвачены внезапной атакой русской эскадры. Русской эскадры из 2012 года. По неведомой для нас причине Господь счел возможным перебросить оттуда это боевое соединение. Вы помните поручика Никитина?

Я заворуженно кивнул.

— Он первый из нас встретился с потомками на Лемносе. Они в буквальном смысле стащили его с эшафота. Теперь он военный комендант Константинополя. Да, да, по праву завоевателей, а точнее освободителей, пришельцы из будущего вернули городу его исконное имя. А вот теперь насчет полетов... — майор отхлебнул из поставленного перед ним лакеем стакана крепкого чая, немного помолчал, видимо, подбирая слова, а потом продолжил: — Самые смелые мечты господина Жюля Верна воплотились в реальность. Летают наши потомки не на коврах-самолетах, а на других устройствах, построенных из металла, которые не только мчатся по воздуху быстрее любой птицы, но и могут перевозить больше дюжины солдат с полным вооружением. А еще они способны с огромной точностью сбрасывать на голову противника взрывчатые снаряды и метать ракеты вроде тех, что изобрел генерал Засядько.

Теперь уж и мне стало не до смеха. Я слышал и не верил. Если бы я не знал много лет майора

Леонтьева как умного, хладнокровного и трезвомыслящего разведчика, то подумал бы, что он сошел с ума, не выдержав напряженной работы в столице Османской империи.

— Майор, соблаговолите пояснить мне, что произошло лично с вами?! — уже официально обратился я к нему.

Майор встал.

— Ваше превосходительство, я уполномочен сообщить вам, что Стамбул, нет, уже Константинополь, захвачен победоносным флотом, вошедшим в Проливы под Андреевским флагом. Султан Абдул-Гамид взят в плен, и над дворцом Долмабахче развеивается флаг с крестом святого апостола Андрея Первозванного. Николай Павлович, наши потомки совершили то, о чем Россия мечтала на протяжении нескольких веков.

Признаюсь, я слушал майора в совершенном изумлении, не веря и в сотую долю того, что он мне сообщил. Но на буйнопомешанного он не был похож, также как и на пьяного или накурившегося гашиша.

Я тоже встал.

— Ради бога, Евгений Максимович, расскажите мне, наконец, как все это произошло?! Откуда появился этот флот, ухитрившийся пройти через Проливы так же легко, как проходит раскаленный нож через кусок сливочного масла! И что это за люди, которые могут столь легко разрушать огромные империи!?

— Николай Павлович, успокойтесь, на вас лица нет, — с испугом воскликнул майор Леонтьев, хватая со стола стакан с недопитым чаем и протягивая его мне. — Прошу вас, выслушайте меня.

И он начал рассказывать о чудесном переносе в наш век эскадры кораблей, бороздивших моря в начале третьего тысячелетия. О той чудовищной по мощи военной технике, которой располагали наши потомки, о летательных аппаратах, которые шутя уничтожают целые дивизии и превращают в щебенку самые неприступные крепости. Майор рассказывал о бойцах «морпехах» и «спецназовцах», каждый из которых стоил сотни самых лучших солдат нашего времени, о бронированных самодвижущихся повозках, на которых эти чудо-бойцы шли в бой.

— Николай Павлович, — закончил он свой рассказ, — будущее, из которого пришли наши потомки, по их словам — настоящий ад крошечный по сравнению с нашим милым и тихим временем. Люди, попавшие в наш мир, прекрасно подготовлены и готовы ко всему. Еще больше, чем турок, они ненавидят австрийцев и — особенно — британцев. Я не поставлю на королеву Викторию и ломаного пятака, если потомки решат взяться за нее всерьез. А это неизбежно, ибо Англия — одна из стран, создавших ад их будущего.

— Евгений Максимович, неужели все, что вы мне рассказали — правда?! — спросил я у него.

— Истинная правда, Николай Павлович, — ответил майор. — И чтобы доказать это, я познакомлю вас с одним из пришельцев из будущего, капитаном Тамбовцевым. Он сейчас находится рядом с вашим домом и ждет, когда я сообщу ему об итогах наших с вами переговоров.

— Так зовите же его скорее, — воскликнул я, весь дрожа от нетерпения.

И тут Леонтьев окончательно добил меня. Он достал из кармана небольшую черную коробочку

с торчащим из нее штырем, нажал на какой-то выступ на этой коробочке, а затем произнес:

— Александр Васильевич, Николай Павлович готов с вами встретиться.

Из этой коробочки неожиданно раздался чуть хрипловатый мужской голос:

— Евгений Максимович, попросите кого-нибудь из слуг генерала проводить меня к нему.

Я молчал, обрывки мыслей кружились в моей бедной голове. Через несколько минут слуга открыл дверь в комнату и произнес:

— Ваше превосходительство, это к вам...

И я увидел немолодого человека среднего роста, с небольшой седоватой бородкой, одетого в странную пятнистую форму. Он протянул мне руку и представился:

— Капитан Тамбовцев, Александр Васильевич. Честь имею. Здравствуйте, Николай Павлович! Простите меня за поздний визит, но то, что вы сейчас узнаете, изменит историю России и мира на много веков вперед!

День Д+1, 6 июня 1877 года, 23:15, внешний рейд порта Варны, ТАКР «Адмирал Кузнецов».

Турецкая крепость Карс была обречена. Дважды до этого — в 1828 и в 1855 годах — русские войска уже занимали ее. В 1878 году ее возьмут еще раз, присоединят к России вместе с прилегающими к ней территориями. Карская область будет находиться в составе Российской империи до 1918 года, когда большевики, выполняя условия Брестского договора, ее снова передадут Турции.

Но пока в ней стоит турецкий гарнизон, возглавляемый Гуссейн-пашой. И где-то там, неподалеку, затаился корпус Мухтар-паши, главнокомандующего турецкой армии на Кавказе. Наши штабисты планируют нанести этой ночью два авиаудара, которые покончат как с крепостью Карс, вместе с ее гарнизоном, так и с корпусом Мухтар-паши и им самим. Аналитики СВР заявили, что этот самый паша может стать нашей головной болью в послевоенный период — в качестве претендента на трон и полевого командира, действующего в духе незабвенного Шамиля Басаева. По общему мнению, этот персонаж должен быть вычеркнут из списка живых, дабы он не начал смуту после ликвидации Османской империи. Ну и конечно, не вредно будет сократить его аскеров. А на оставшихся в живых навести должный страх и трепет.

В полдень с палубы «Адмирала Кузнецова» стартовал одиночный Су-33. На внешних подвесках он нес только четыре пятисоткилограммовые ПТБ и подвесной комплект фотоаппаратуры. Маршрут его был проложен через Сухум, Батум, Эрдоган, Карс, Баязет, затем разворот — и полет до Эрзерума.

Сияющую металлом точку в небесах, за которой разматывалась мохнатая белая нить инверсионного следа, видели и русские солдаты, и турецкие аскеры. Слухи о том, что утром произошло под Баязетом, еще не успели дойти до главных сил русской и турецкой армий в Закавказье, но полет «сушки» видели многие. Генерал от кавалерии Михаил Тариевич Лорис-Меликов, приложив ладонь ко лбу, долго разглядывал *ничто*, рассекающее небеса на недостижимой высоте. Так и не решив, что же это было, он продолжал наблюдать за непонятным явлением до тех пор, пока яркая точка не скрылась на горизонте, а небо над

головой не оказалось расчерченным на две половины белой дорожкой.

Глубоко вздохнув, генерал ушел в штабной шатер писать донесение главнокомандующему Кавказской армией великому князю Михаилу Николаевичу. Это был не единственный подобный документ. По пыльным горным дорогам в ставку командующего Кавказской армией скакали курьеры с донесениями о непонятном небесном явлении.

У турок творилось примерно то же самое. На Мухтар-пашу обрушился шквал сообщений о таинственных небесных знамениях. У турецких аскеров ведь тоже были глаза. А сам паша отнесся к этой новости пренебрежительно, считая, что «трусливые шакалы всегда ищут повод, чтобы отступить перед русскими собаками». Но времени у него совсем не оставалось. Воздушный разведчик обнаружил лагерь его корпуса у селения Зивин...

И именно по этому лагерю и было решено нанести первый удар кассетными бомбами в составе всей авиагруппы «Адмирала Кузнецова». Затем она должна была вернуться, дозаправиться, подвесить ОДАБ-500 и ударить по крепости Карс, которая, конечно, никуда убежать не могла.

Началась подготовка к нанесению удара, штурман группы рассчитывал последовательность взлета и формирование ударного ордера. Его работой было также рассчитать необходимое для выполнения данного задания количество топлива и неприкосновенный резерв. Вооруженцы подвешивали к боевым машинам бомбы, а техники проверяли работу всех систем. Очень, очень давно авиагруппе «Кузнецова» не доводилось поднимать разом все наличные самолеты. А только за эту ночь подобное предстояло сделать дважды.

Но вот наступило время старта — 23:00. Первым от палубы оторвался одиночный Су-33 под управлением майора Коломейцева. Его задачей было, используя разведывательное оборудование, с большой высоты наводить на цели ударные Су-33 и МиГ-29. Вслед за ним, один за другим на взлет пошли самолеты первой ударной тройки под командованием командира авиакрыла подполковника Хмелева. Он уже водил сегодня утром своих орлов под Баязет. В анналы истории тот авианалет уже попал, получив название «Бойни на Байской дороге». Сейчас же предстояло проделать то же самое, но в более значительном масштабе.

Ночь. Спят в своих шатрах турецкие аскеры, уставшие после изматывающего дневного марша. Но не спит Мухтар-паша. Заняв своими войсками позицию за глубоким оврагом, он ждет — придет ли русский генерал Лорис-Меликов. Тот не может не прийти, поскольку силы Мухтар-паши угрожают его войскам, осадившим неприступный Карс. Но овраг непроходим для русской кавалерии, да и пехоте нелегко будет его пройти. Паша доволен — завтра-послезавтра по дну оврага потекут ручьи, но не воды, а крови неверных собак. Наверху назойливо зудит комар. Не найдя в плотном шатре зловерное насекомое, Мухтар-паша выходит на улицу. Высоко в небе ползет яркий светлячок — надоедливое гудение, похоже, исходит от него.

Паша не знает, что истекают последние мгновения его жизни, и на спящий турецкий лагерь со скоростью звука, в полном безмолвии накатывается строй истребителей-бомбардировщиков. Выпущены тормозные щитки, двигатели на несколько секунд включились в режим реверса, пилотов бросило вперед на привязных ремнях, и на спящий турецкий лагерь пал гром. Эффект от обратного прокола звукового барьера дюжиной ударных самолетов на малой высоте — вещь страшная. Сотрясения воздуха порой не выдерживают барабанные перепонки.

Но это еще не все. Самолеты резко сбросили скорость. Со сверхзвуковой до пятисот-четырёхсот километров в час. Самое то для прицельного бомбометания. Густой дождь кассетных бомб, раскрывающихся на высоте двести метров. По земле из конца в конец лагеря катится огненная волна, турецкие аскеры погибают, зачастую даже не успев выбраться из

шатров. Им уже никогда не удастся ворваться в мирные селения Армянского нагорья или цветущие долины Грузии. Турецкий лагерь накрыла прилетевшая с неба смерть.

Генерала Лорис-Меликова разбудил далекий гром. «Неужели началась гроза?» — подумал он. Выйдя из шатра, генерал с удивлением увидел чистое звездное небо над головой и мечущиеся в районе Зивина зарницы. «Наверное, действительно настает конец света, — решил он, — сначала *нечто*, летающее по небу, а теперь этот гром без грозы».

Четыре часа спустя ночную тишину над Карсом взорвал страшный грохот. Он был похож на удары по огромному турецкому барабану. Из шатров в русском лагере высыпали все — от генерала Лорис-Меликова до самого последнего нижнего чина.

То, что происходило в Карсе, напомнило генералу картину художника Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Крепость превратилась в Везувий. То, что с ней происходило, не было похоже на самую жестокую орудийную бомбардировку, даже если бы в ней участвовало несколько тысяч осадных орудий.

Возвышающаяся над долиной неприступная цитадель была охвачена огнем и пламенем. От страшного грохота хотелось зарыться, спрятаться под землю. Земля ходила ходуном... Даже русские войска, которые были только зрителями этого жуткого спектакля, пришли в ужас от увиденного. А каково было туркам?..

Малые форты, вынесенные на равнину, тоже подверглись бомбардировке, и вскоре превратились в груды битого кирпича. Досталось турецким укреплениям и на том берегу реки. Приглядевшись, генерал заметил в лучах луны и отблесках пожара смутные тени, молниями пронзающие небеса над Карсом. После каждого их пролета ослепительные вспышки и тяжкий грохот возвещали о том, что еще одна позиция турецких войск перестала существовать.

Адское пламя полыхало над Карсом около четверти часа. Потом все стихло, и только огненные языки освещали окрестную долину. Крепости Карс больше не существовало. Остатки турецкого гарнизона, бросив в развалинах раненых и убитых, в панике помчались в русский лагерь сдаваться в плен. Они в ужасе падали на колени перед урусами, моля спасти их от огня, выплеснувшегося из преисподней, который, появившись по зову колдунов гяуров, пожрал тысячи правверных. Замок, запиравший ворота пути в Анатолию, был сбит одним богатырским ударом.

6 июня (25 мая) 1877 года, ночь, Плоешти, дом генерал-адъютанта Игнатьева.

Капитан Александр Тамбовцев.

Получив приглашение от слуги, я вошел в комнату. За столом сидели двое: майор Леонтьев и хорошо знакомый мне по фотографиям легендарный разведчик и дипломат генерал-лейтенант Николай Павлович Игнатьев.

Я вежливо поклонился и представился:

— Капитан Тамбовцев, Александр Васильевич. Честь имею. Здравствуйте, Николай Павлович!

Генерал был взволнован, хотя и старался скрыть свои чувства. Я его прекрасно понимал — вот так, из ниоткуда, вдруг появляются люди, которые знают все, что произойдет на этом свете на сто с лишним лет вперед. К тому же эти *они* походя захватывают столицу огромной империи,

берут в плен султана. Этим поступком перемешиваются все фигуры на европейской, да и не только европейской, политической шахматной доске. Как опытный дипломат, Игнатъев привык считаться с существующими реалиями, и поэтому крах этих реалий вызывал у него что-то вроде легкой паники.

— Скажите, господин капитан, кем вы были в вашем времени? — неожиданно спросил у меня Игнатъев.

Я усмехнулся.

— Николай Павлович, наша с вами профессия еще не скоро станет ненужной. Разведчики были, есть и будут. Я занимался внешней разведкой, изучая возможности наших потенциальных врагов. Поверьте мне, и в XXI веке у России будет немало противников, мечтающих с ней покончить.

— Что вы намерены делать дальше? — спросил у меня Игнатъев. — От Евгения Максимовича я уже узнал, что вами освобожден от турок Константинополь, и мой подчиненный, поручик Никитин, назначен его военным комендантом. Скажу прямо, мне очень приятно то, что именно он стал хозяином, хотя, конечно, временным, древнего Царьграда.

Я решил пошутить:

— Николай Павлович, в знак этой победы, в которую ваш подопечный тоже внес свой вклад, причем немалый, мы согласны, чтобы он, как легендарный князь Олег, прибил к воротам бывшей столицы Византии свой погон. Ну, а если говорить серьезно, то планы наши одним Константинополем не ограничиваются. По дороге сюда наши корабли уничтожили военноморскую базу турецкого флота Варну. Два отряда кораблей эскадры отправились добывать турецкий флот, спрятавшийся от неминуемой гибели в портах Черного моря. На очереди — Сулин и Батум. А насчет Варны — вот Евгений Максимович своими глазами видел, как это все было проделано...

Сидевший за столом и внимательно слушавший нашу беседу майор Леонтьев кивнул и от себя добавил:

— Блестящая победа... Всего какой-то час обстрела из ваших корабельных чудо-орудий, и ни кораблей, ни укреплений в Варне не осталось...

Я продолжил:

— Сегодня рано утром наши боевые летательные аппараты тяжелее воздуха — самолеты — совершили боевой вылет в Закавказье. Бомбо-штурмовым ударом разгромлена и обращена в бегство группировка турецких войск под командованием Фаик-паши, которая собиралась напасть на отряд русских войск, вышедших из крепости Баязет. Полковник Пацевич опрометчиво вывел из крепости свой отряд навстречу десятикратно превосходящим силам турок. Но теперь, я думаю, к Баязету побоится приблизиться хотя бы один турецкий аскер или курдский бандит.

Кроме того, на эту ночь нами запланированы два массированных авианалета на Закавказье. Их цели — лагерь турецкого командующего Мухтар-паши и крепость Карс. Думаю, где-то между обедом и ужином в Ставку придет телеграмма великого князя Михаила Николаевича с описанием всех этих событий. Можно смело сказать, что после этого русским войскам на Закавказском театре боевых действий будет просто нечего делать. Ну, если только гонять по горам шайки разбойников.

Господа, перед вами открыт путь на Антиохию, Дамаск и Иерусалим. Места, по которым ходили Иисус Христос и апостолы. Мы, конечно, далеко не крестonosцы, но надо не упустить открывающихся перспектив.

Николай Павлович, я думаю, что и здесь, на Балканах, и на Ближнем Востоке время владычества Османской империи закончилось. «Больной человек на Босфоре» умер... Пора думать о том, как поделить его наследство.

Игнатъев, слушавший как замороженный мои слова, встрепенулся. Лицо его озарила усталая недоверчивая улыбка. Я понимал его — что еще должен чувствовать человек, у которого неожиданно сбылись самые сокровенные мечты! Так неожиданно, что даже и не верится.

— Александр Васильевич, голубчик, честное слово, вы сообщили мне такое, чего я не мог пожелать даже в самых смелых своих мечтах! Какая радость для всех русских людей! Но вы правы... Как часто случалось так, что Россия выигрывала войны, но проигрывала мир. Как в вашем времени закончилась эта война?

— Николай Павлович, война в наше время закончилась на следующий год полным поражением турок. Доблестные российские войска, после кровопролитных боев, взяли Плевну, окружили и принудили к капитуляции турецкую армию при Шейново, вышли к Адрианополю и к Мраморному морю. В местечке Сан-Стефано, вам оно должно хорошо быть известно, турки подписали мирный договор, очень для нас выгодный. Кстати, автором этого мирного договора были вы, Николай Павлович.

Однако наши заклятые друзья — британцы и австрийцы — с помощью ваших недругов — имена их вам хорошо знакомы... — Игнатъев кивнул, и лицо его стало мрачным, — так вот, все вместе они добились того, чтобы в Берлине был созван конгресс, на котором Россию фактически лишили всех ее завоеваний. При этом ваши недруги приложили все усилия, чтобы не допустить вас на этот конгресс. Германский император даже объявил что-то вроде ультиматума: если среди членов русской делегации будет Игнатъев, то Германия откажется участвовать в этом конгрессе. Придворные интриги для ваших недругов оказались дороже крови, пролитой нашими воинами на поле брани. Честь России подверглась унижению в Берлине.

— Мерзавцы! — воскликнул Игнатъев. — Этого старого рамолика Горчакова и «вице-императора» Шувалова на пушечный выстрел нельзя подпускать к российским иностранным делам... Жаль, что государь им верит...

— Николай Павлович, я думаю, что доверие императора к названным вами лицам станет меньше, когда мы познакомим его с документами и письмами, которые подтвердят тот факт, что для этих господ так называемые «общеевропейские интересы» дороже интересов России. И что совершенные ими поступки в будущем пойдут во вред нашей внешней политике и чести нашей державы...

— А у вас есть такие документы? — с волнением спросил меня Игнатъев.

— Есть, но, конечно, не сами документы, а их копии. Сами понимаете, корабли — не плавучие архивы, и подлинники с собой не возят. Но в наших компьютерах — это такие машины, которые могут хранить огромный по объему архив — есть такое, что поможет нашей дипломатии избежать многих роковых ошибок.

— Неужели вы действительно так много знаете? — спросил меня Игнатъев.

— Действительно... — ответил ему я. — Назову вам только одну фамилию, и вы поймете, что наши знания достаточно велики, — и я произнес: — Павел Паренсов, он же — Пауль...
Продолжать?

— Достаточно, капитан, — Игнатъев с интересом посмотрел на меня. — А вы и вправду можете заглядывать в будущее?

— Можем, — ответил ему я, — только ваше будущее — это наше прошлое. Только теперь мы его попытаемся изменить. Но для этого мы, точнее наш официальный представитель должен встретиться с государем. Не далее как завтра вечером — послезавтра утром до европейских столиц дойдут известия о захвате Проливов. С того момента начнется жесточайшая бомбардировка нашего МИДа дипломатическими нотами. Смею вас заверить, что как минимум Британия и Австрия будут угрожать России войной.

Исходя из сего вы, Николай Павлович, прекрасно понимаете, что встреча наших представителей с государем должна быть тайной, как и то соглашение, которое там будет достигнуто. О том, что в международную политику вмешались пришельцы из будущего, должны знать лишь самые доверенные люди.

— Это я понимаю, — задумчиво ответил мне Игнатъев, — завтра, точнее, уже сегодня, я назначен дежурным генералом к императору. Я постараюсь найти минуту, чтобы шепнуть государю пару слов.

— Поторопитесь, Николай Павлович, будет крайне неудобно, если государь узнает о случившемся последним из европейских владык. А он должен быть первым. Я думаю, что встречу организовать будет не так сложно. Дело в том, что глава нашей делегации, полковник внешней разведки Антонова Нина Викторовна — женщина.

— Как женщина! — вскричал Игнатъев. — Дама — в чине полковника?!

— Не надо так кричать, Николай Павлович, хочу вам напомнить, что нас с вами разделяет более ста лет. И за это время многое в нашем мире изменилось. К тому же смею вам напомнить, что в России была женщина, которая носила звание полковника Преображенского полка. Это была императрица Екатерина Великая. И поверьте мне, ни у кого из ее современников не закралась бы в голову мысль о том, что зазорно подчиняться женщине-полковнику... Я думаю, что когда вы поближе познакомитесь с Ниной Викторовной, ваше мнение о ней изменится.

— Так как же вы хотите познакомить вашу мать-командиршу с императором? — спросил у меня Игнатъев. — Да еще так, чтобы наш двор, полный англоманов и франкофилов, ничего не заподозрил.

— Довольно просто. Даже в нашем будущем хорошо известно, что государь-император Александр Николаевич был, как бы так сказать помягче, большим донжуаном. Мы, точнее вы сообщите всем, что из далекой страны приехала женщина, которая мечтает познакомиться с государем поближе. Я думаю, что все поймут. Проведете ее в резиденцию под плащом с капюшоном, как это обычно делается. Вот и все.

— Гм, в вашем предложении действительно что-то есть... Надо его как следует обдумать, — Игнатъев достал из жилетного кармана часы и посмотрел на циферблат: — А, все равно поспать мне сегодня не удастся... Да и вряд ли бы я уснул после всего от вас услышанного...
Капитан, вы не против продолжить нашу беседу?

Получив от меня согласие, Игнатъев позвонил в колокольчик. Вошедшему слуге он приказал:

— Три кофе — крепчайших, по-турецки, — и заговорщицки подмигнул мне. — Вы не против того, чтобы пригласить к нашему позднему чаю цесаревича Александра Александровича, с которым я состою в большом приятельстве?

Я посмотрел на часы.

— Ваше сиятельство, действительно, уже пятнадцать минут третьего ночи. Наверняка цесаревич, устав с дороги, давно уже спит. Да и нет в нашей встрече пока особой срочности. Как в народе говорят — утро вечера мудренее...

— Ах, так жаль, так жаль! — Игнатъев с сожалением глянул на колокольчик. — Наверное, вы правы — это дело может подождать и до утра.

6 июня (25 мая) 1877 года, ночь, Плоешти, дом генерал-адъютанта Игнатъева.

Капитан Александр Тамбовцев.

Мы втроем с наслаждением прихлебывали настоящий турецкий кофе. Потом, когда в уставших за эти бурные сутки мозгах немного прояснилось, Игнатъев неожиданно спросил:

— Александр Васильевич, а где вы и ваши люди остановились в Плоешти?

— Пока нигде, Николай Павлович, мы только что прилетели и, как говорится, попали с корабля на бал.

— Так-с, — сказал Игнатъев, — это непорядок. Евгений Максимович, я попрошу вас взять моего слугу и завтра поутру отправиться с ним к командующему Императорской главной квартирой графу Александру Владимировичу Адлербергу и попросить предоставить жилье на... Сколько у вас человек? — спросил он у меня.

— Считаю со мной и с уважаемым Евгением Максимовичем — чуть больше двух десятков бойцов.

— Придется вам пожить в спартанских условиях, сейчас в Плоешти тесновато, и хоромы я вам не обещаю.

— В тесноте, да не в обиде, Николай Павлович. Мы люди ко всему привычные, было бы куда прилечь, а остальное — уже сибаритство.

Игнатъев нацарапал карандашом несколько строчек на листке бумаги и передал его майору Леонтьеву.

— Господин майор, договоритесь о постое, приведите в отведенное вам помещение всех сопровождающих Александра Васильевича. А пока отдохайте. Завтра вам рано вставать. Мой слуга постелет вам в гостиной. Спокойной ночи!

Когда Леонтьев ушел, Игнатъев повернулся ко мне и, хитро улыбнувшись, сказал:

— А вот теперь мы побеседуем с вами, капитан, без посторонних, с глазу на глаз.

— Всегда готов к откровенному разговору, господин генерал, — ответил я Игнатьеву, давно уже разгадав его незамысловатую хитрость по удалению «третьего лишнего».

— Александр Васильевич, скажите, каковы ваши дальнейшие планы? От вашего ответа будет зависеть многое.

— Николай Павлович, не стану вас обманывать, мы не собираемся вместе с отвоеванными нами территориями бывшей Османской империи становиться частью Российской империи. Мы хотим быть самостоятельным государством. Естественно, дружественным и союзным России.

Игнатьев внимательно посмотрел на меня, потом встал, прошелся по комнате, снова сел на стул и, взяв из шкатулки толстую «гавану», срезал ее кончики. Он прикурил от свечки и, затянувшись, задал следующий вопрос:

— Александр Васильевич, а почему вас так пугает российское подданство? Ведь вы русские, наши потомки, и вполне естественно было бы, чтобы вы, как блудные сыновья, вернуться под отчий кров.

— Николай Павлович, мы с вами сегодня договорились быть откровенными. Поэтому я укажу вам причину, по которой мы не готовы стать одной из российских губерний. И эта причина — наличие в Российской империи монархической формы правления.

Увидев, что Игнатьев при этих словах насторожился, я постарался его успокоить:

— Нет-нет, Николай Павлович, вы не подумайте. Мы считаем, что в настоящее время монархия — единственно возможная для России форма правления. Что такое «демократия» и в какую диктатуру может выродиться «народоправие», мы насмотрелись в наше время вдоволь. Скажу вам, Николай Павлович, у наших людей стопроцентная прививка против радикалов-демагогов.

Беда монархии в том, что от личности монарха очень часто зависит судьба его подданных. Зная по нашим историческим материалам о том, что происходит сейчас в России, мы не уверены, что государь Александр Николаевич всегда самостоятелен в принятии решений.

— Александр Васильевич, вы имеете в виду?..

— Да, Николай Павлович, я имею в виду особу, которая через сорок дней после смерти государыни Марии Александровны заставила царя пойти с нею под венец. И мы хорошо знаем о тех, кто постоянно бывает в покоях княжны Юрьевской.

Услышав эту фамилию, Игнатьев нахмурился, хотел что-то сказать, но потом махнул рукой и промолчал...

— Уважаемый Николай Павлович, — продолжил я, — нас не очень беспокоят амурные увлечения государя. Как мужчина, я понял бы его. Опасно то, что княжна Юрьевская уговаривает царя, и практически его уже уговорила, короновать ее и признать наследником не всеми нами уважаемого Александра Александровича, а юного Гогу Юрьевского.

Игнатьев возмущенно взмахнул руками:

— Да быть этого не может!

— Может, Николай Павлович, может. И это все при том, что в нашей истории меньше чем через четыре года государя не стало...

— Он умрет? — воскликнул изумленный Игнатъев.

— Его злодейски убьют те, кого у нас называют террористами, а у вас — нигилистами, — сказал я. — В той истории императором станет цесаревич Александр Александрович, а вот во времени, в котором появились мы, все пойдет по-другому.

Вполне возможно, что силы, вознамерившиеся подчинить нас, если, конечно, мы будем одной из губерний Российской империи, смогут это сделать. Они могут также убить и цесаревича. На трон, в обход всех сыновей от первого брака, взойдет малолетний Гога Юрьевский, регентшей при нем станет его мать. А мы знаем, что эта особа падка на подарки, и поверьте нам, иностранные державы, в первую очередь Британия, не пожалеют миллионы для того, чтобы нейтрализовать нашу эскадру и овладеть нашим оружием. Мы, естественно, сделать это откажемся, и на просторах Российской империи начнется новая Смута, по сравнению с которой Смута времен Лжедмитрия покажется детской шалостью.

— Это ужасно! — воскликнул Игнатъев. — Надо немедленно предупредить об опасности государя.

— Он будет предупрежден полковником Антоновой, она взяла с собой документы по «делу первого марта». Но взамен арестованных злодеев появятся новые. Вполне возможно, что они будут лучше подготовлены, да и к тому же вооружены и обучены на британские деньги.

— Что же вы предлагаете? — немного успокоившись, спросил у меня Игнатъев.

— Николай Николаевич, я предлагаю то, что, собственно, совсем недавно вы предлагали мне. А именно — встретиться с цесаревичем. В нашей истории он оказался правителем честным, строгим и умным. Народ дал ему прозвище «Миротворец».

— А что вы хотите предложить ему? — Игнатъев задумался, тщательно взвешивая все за и против моего предложения.

— Мы хотим его познакомить со всеми документами, подчеркиваю, *со всеми*, в которых подробно описано будущее, которое было нашим прошлым. Я думаю, что Александр Александрович извлечет от полученной о нас информации много полезного для себя.

— А государя вы разве не желаете проинформировать о будущем в полном объеме?

— Николай Павлович, голубчик, скажите только честно, а вы уверены в том, что информация, в полном объеме полученная от нас государем, не станет через какое-то время известна недругам России?

Игнатъев задумался. Потом снова раскурил потухшую было сигару, посмотрел мне в глаза и со вздохом произнес:

— Нет, Александр Васильевич, я в этом не уверен...

— Тогда, Николай Павлович, нам крайне необходимо встретиться с цесаревичем.

Игнатъев встал, отряхнул с сюртука табачный пепел и ровным твердым голосом сказал мне:

— Александр Васильевич, я обещаю представить вас цесаревичу в самое ближайшее время. Только подскажите, как вас лучше отрекомендовать ему.

— Николай Павлович, нам хорошо известна страсть Александра Александровича к коллекционированию. В конце своего царствования он передаст все купленные им картины и предметы антиквариата специально созданному в Санкт-Петербурге музею, получившему имя монарха. Этот музей существует и в XXI веке, правда, называется он теперь «Русским музеем».

Предложите цесаревичу встретиться с одним французским антикваром, только что прибывшим из Стамбула, который готов предложить ему весьма любопытные предметы старины из султанского Серала. Этим антикваром буду я. Будьте покойны — что предложить Александру Александровичу, мы найдем...

День D+2, 7 июня 1877 года, утро, дворец Долмабахче.

Комендант Константинополя поручик Дмитрий Иванович Никитин.

Понадобились без малого сутки, чтобы остановить в городе вакханалию грабежей и погромов. Сколько при этом было расстреляно пойманных на месте преступления мародеров и насильников, я не могу сказать точно. Знаю только, что их было много. Греческие патрули с разбойниками особо не церемонились. Морские пехотинцы наших гостей из будущего — тоже. По ночам в Константинополе гремели выстрелы. Иногда были слышны разрывы ручных гранат и очереди автоматов и пулеметов. Это означало, что за наведение порядка взялись морпехи. В конце концов поняв, что дальнейшие походы за добычей с большей долей вероятности закончатся смертью для самих добытчиков, грабители попритихли, и можно было заняться нашими насущными делами.

И вот я снова сижу за столом со своим ангелом-хранителем, старшим лейтенантом Бесоевым. Перед ним лежит очень полезная и умная штука, именуемая «ноутбуком». Пальцы Бесоева быстро и легко порхают по кнопкам и клавишам этого прибора, а сам он мурлыкает себе под нос песню: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся российская земля», — красивая песня.

Тем временем на плоской светящейся поверхности бегут буквы и строчки, иногда появляются чьи-то фотографии, схемы и карты местности.

Наконец оторвавшись от ноутбука, Николай Арсентьевич с улыбкой посмотрел на меня, подмигнул и сделал несколько пометок в лежащем на столе блокноте удивительным пером, которое называется у потомков «шариковой ручкой». У меня тоже есть такая — подарок капитана Тамбовцева. Писать ею одно удовольствие — не надо никаких чернил, перо само бежит по бумаге, и не боишься, что оставишь на листе кляксу.

— Итак, Дмитрий Иванович, — сказал мне Бесоев, — начнем вторую фигуру Марлезонского балета.

Увидев мое недоуменное лицо, он пояснил:

— Это у нас присказка такая. «Трех мушкетеров» господина Дюма помните? Так вот, там был такой балет. А сказка-то будет у нас впереди.

Наша задача на ближайшее время — нейтрализация вражеской агентуры. Те бандиты, которых уже вторые сутки отстреливают наши морпехи и ваши греческие ополченцы — это обычные неорганизованные «работники ножа и топора, романтики с большой дороги». Но скоро вместо них появятся уже вполне организованные громилы, имеющие интерес скорее политический.

Они будут всячески нам пакостить и провоцировать местный люд на мятеж против власти — то есть против вас, милейший Дмитрий Иванович, ну и, естественно, против нас.

Подобные вещи очень любят ребята с одного острова, славящегося непогодой и туманами. Но в игре против нас могут поучаствовать и любители вальсов и мазурок. Следовательно, в первую очередь надо обезвредить английскую и австрийскую агентуру.

— Николай Арсентьевич, — удивился я, — но как же мы узнаем — кто эти агенты и где они скрываются?

— Господин комендант, — голосом преподавателя гимназии, разговаривающего с недоумком-второгодником, наставительно сказал мне Бесоев, — грош нам цена в базарный день, если мы не сможем переиграть своего противника. Вы ведь и сами были разведчиком, так что как ловить своих бывших коллег по ремеслу, вы должны знать. Тем более что противник перешел на нелегальное положение неожиданно для себя, а местное население, даже турецкое, к Австрии и Англии не особо расположено. Не то что единоверные греки и славяне к России.

Прежде всего надо взять под наблюдение британское и австро-венгерское посольства. И решительно пресекать все контакты местных жителей с сотрудниками этих посольств. Сошлитесь на разгул бандитизма в городе, на невозможность обеспечить безопасность посольских чинов и их прислуги в случае их самостоятельного выхода за территорию дипломатического представительства.

Ну, а если кто в этом усомнится, разыграйте сцену нападения на таких храбрецов — со стрельбой холостыми патронами, криками и шумом. Напугайте их всех до икоты. Я знаю, что греки хорошие актеры — ведь именно они изобрели в античности театр.

— Ну, а если кто-то из них захочет выбраться из посольства тайком, скажем, ночью? — спросил я.

— Парочка любителей ночных прогулок может таинственно исчезнуть в лабиринтах старого города, — с кривой усмешкой отвечал добрейший Николай Арсентьевич, — а воды Золотого Рога со времен византийских базилевсов умеют хранить свои тайны. Милейший человек был император Юстиниан-строитель, но вот сколько подобных тайн ему пришлось похоронить, не знает никто.

А теперь вот что. Выловленный из вод Эгейского моря после уничтожения турецкой Средиземноморской эскадры британский матрос 1-го класса Теодор Смит, оказавшийся впоследствии польским шляхтичем Тадеушем Ковальским, поведал нам кое-что интересное. А именно то, что он направлен был в Стамбул британскими спецслужбами для организации диверсионных групп, которые должны были действовать в тылу русских войск. Сей пан Ковальский сообщил нам кое-что об адресах агентов английской разведки. Надо бы быстренько пробежаться по этим адресам. Глядишь, кое-кого из них и отловим. И, естественно, агентура... Не мне вас учить, как она важна в контрразведывательной деятельности.

Теперь насчет окончательного наведения порядка. Я бы назначил вашего замечательного друга Аристидиса Кириакоса начальником городской милиции. Он прекрасно знает людей, пользуется у них большим авторитетом и имеет огромный жизненный опыт в таких делах, хоть и с другой стороны. Про французского сыщика Видока и про русского жулика Ваньку-Каина слышали?

Я задумчиво кивнул:

— Действительно, если кто и способен помочь мне навести порядок в этом бедламе, так это мой старый приятель Аристидис Кириакос.

Тот же день, около полудня, район Галаты.

Прапорщик морской пехоты Виктор Павлович Егоров.

«Ни сна, ни отдыха измученной душе!» — эти слова оперного князя Игоря как нельзя лучше иллюстрируют мою сегодняшнюю службу. А ведь говорили, что в далеком прошлом у людей была спокойная и размеренная жизнь. Фигушки! Вранье все это! Приходится крутиться как белка в колесе, выкраивая час-полтора, чтобы хоть немного покомарить.

Вот и сейчас: только я собрался «придавить на массу» минуток так сто пятьдесят, как пришел старлей Бесоев с каким-то греком. И сказал: выпишься ты, раб божий Виктор, когда мы всех супостатов помножим на ноль. А пока — бери ноги в руки и отправляйся с уважаемым Андреасом туда, куда он покажет. И предстоит тебе, золотой-яхонтовый, повязать британского «агента 007», не Джеймса Бонда, естественно, а его предка, некоего Майкла Грина.

И уже серьезно говорит мне:

— Смотри, Палыч, хоть и не супермен этот Грин, но человек опытный, жизнью битый и оружием владеет исправно. Так что возьми-ка ты с собой спецсредства, да и броник одеть не забудь.

Успокоил, значит. Послушался я Бесоева, вооружился и экипировался по полной. Взял с собой парочку морпехов, и на «Тигре» вместе с Андреасом отправились задерживать британского шпиона.

Похоже, что грек-проводник уже успел познакомиться с нашей техникой. Во всяком случае в салоне на переднем сиденье он сидел достаточно уверенно, на поворотах и на колдобинах не вскрикивал и, в отличие от некоторых своих соотечественников, поминутно не поминал Господа Бога и Богородицу.

Доехали мы так до Галаты — прескверное, я вам скажу, место, притонов и борделей тут — словно блох на бродячей собаке. Андреас сказал, чтобы мы тут притормозили. Дальше, говорит, на повозке вашей нельзя. Надо идти пешком, а не то спугнем вражину. Вышли мы из машины, приготовили оружие к бою, а я сунул в карман разгрузки светошумовую гранату «Факел-С». Береженого Бог бережет.

Подходим мы, значит, к дому, где этот шпиен должен обитать. Идем как положено, аккуратненько, вдоль стеночки. А грек наш прется посреди улицы, как танк. Вдруг я вижу, как распаивается окно на первом этаже и высовывается оттуда ствол ружья не меньше как двенадцатого калибра. Грек застыл с открытым от удивления ртом, того и гляди, ворона туда влетит.

Тут бы ему и кранты, если бы не Игорек Кукушкин. Прыгнул он, как вратарь, берущий пенальти, и сшиб грека на землю. И вовремя — «Джеймс Бонд» этот недорезанный успел выпалить из своей фузеи и едва не зацепил Андрюху — так мы прозвали нашего проводника. Я услышал, как в комнате лязгнул затвор — бритт перезаряжал свое ружье, готовясь продолжить на нас сафари.

А вот хрен ему! Я достал из кармана светошумовую гранату, выдернул чеку и плавненько так зафигачил ее в открытое окно, успев крикнуть своим орлам: «Берегись, вспышка!»

А потом в доме как бабахнет! Открыл я глаза и вижу: стоит на четвереньках посреди улицы Андреас, смотрит на нас чумными глазами, а на широких шароварах его спереди расплывается мокрое пятно. Кроем его, растяпу, матом, и бегом наверх.

Влетели мы в тот негостеприимный дом и видим — какая-то рыжая британская морда сидит на полу и открывает и закрывает рот, словно карась, которого только что сняли с крючка. Ну, и глаза у него такие же, рыбы — выпученные и бессмысленные. И воняет гадостно.

Рядом с ним на тахте в полунеглиже расположилась девица, как видно, из здешних «ночных бабочек». Сидит она, икает, а из ее ушей по вискам стекает кровь. В общем, барабанным перепонкам — кирдык! И она тоже того — обделалась. Не зря же эту гранату втихаря у нас называют «засранкой» — за такой вот побочный эффект.

Выволокли мы эту «сладкую парочку», погрузили в «Тигр» и, зажимая носы — от обоих воняло премерзостно, — поехали в комендатуру. Может быть, больше на мою голову ничего сегодня не приключится, и я смогу хоть немножечко поспать? Ну, минуток этак триста...

День Д+1, 6 июня 1877 года, 22:45, внешний рейд порта Варны, ТАКР «Адмирал Кузнецов», оперативный отдел.

В помещении оперативного отдела собралась почти вся авиагруппа «Кузнецова». Было душно. Натужно гудящие вентиляторы гоняли под потолком клубы табачного дыма. Контр-адмирал Ларионов поставил задачу: чтобы завтра утром на Дунае не осталось ни одного турецкого корабля. Всякие случайности должны быть исключены. Операции был присвоен шифр «Вальсы Штрауса».

Турецкая речная флотилия фактически была разбросана по всему Дунаю. В Видине, на границе с Австро-Венгрией, находились броненосная канонерская лодка «Подгорица», железная канонерская лодка «Сунна» и колесный пароход «Нузретие». В устье Дуная в порту Сулина находился монитор «Хизбер». Его собрата «Сейфи» уже успели утопить русские минные катера.

Правда, где-то там должен быть и британский стационар, но адмирал Ларионов дал команду, что все боевые корабли в турецких портах должны быть уничтожены, не обращая при этом внимания на их национальную принадлежность. Ведь они расположились не в нейтральном торговом порту, а в военно-морской базе воюющего государства. Решили рискнуть — пусть теперь не обижаются! Словом, кто не спрятался — я не виноват!

Кроме того, по Дунаю были разбросаны следующие корабли: в Тульче корвет «Хивзи Рахман» и канонерская лодка «Семендерия». Монитор «Люфти Джелиль» из этой «тройки» недавно утопила русская осадная артиллерия. В Мачине, чуть южнее Галаца — колесные пароходы «Килиджи Али» и «Аркадион». В Силистрии — колесный пароход «Ислахат». Совсем рядом, в Гирсово — броненосная канонерская лодка «Фетх-уль-Ислам», деревянная канонерская лодка «Аккия» и колесный пароход «Хайредан». В Рушук — броненосные канонерские лодки «Беквир-Делен» и «Искодра», деревянные канонерские лодки «Варна» и «Шефкет-Нулса».

Особое внимание необходимо обратить на Рушук, Силистрию, Гирсово, Мачин и Тулчу. На левом берегу Дуная у нас будет множество благодарнейших зрителей, так что «Шоу огня»

должно быть достойно их самой высокой оценки. Там этой ночью поработают ударные вертушки, «Ночные охотники» и «Аллигаторы». Если надо будет исправить недоделки, им будут ассистировать Ка-29.

По самой дальней цели — Видину — нанесут удар Су-33, потопить корабли, пришвартованные к причалам, для них задача нетрудная. После долгих споров, решено использовать для этой цели обычные ФАБ-100 и бомбить с бреющего полета. Судя по данным авиаразведки, корабли пришвартованы вдоль берега друг за другом, в одну линию. Так что тройке будет достаточно одного захода.

К Сулине несколько часов назад полным ходом вышел «Адмирал Ушаков». К трем часам ночи он должен быть на месте. У капитана 1-го ранга Иванова приказ — уничтожить все военные корабли в гавани, включая и британский стационар «Кокатрис». Переводится его название примерно как «Адская курочка», что-то вроде карликового варианта Василиска... Мда-с, трудно бывает понять иногда британский юмор. Слишком уж далеко от родных берегов залетела эта самая «не птица». Время военное, и моряки Ройал Нэви могут обижаться только на свое командование... Одним словом, «Бурю» заказывали?

День Д+2, 7 июня 1877 года, 00:15, правый берег Дуная, Руцук.

Полночь... Мирно спят пришвартованные к берегу турецкие военные корабли. Тишина, лишь назойливо зудят злые речные комары. Они в изобилии плодятся в зарослях камыша под самым берегом Дуная. Подобно асасинам древности, они раз за разом заходят в атаку на отмахивающихся от них турецких матросов, отбывающих свой срок на вахте. Как поется в известной песне, «тихо вокруг, только не спит барсук...»

Русским тоже должно быть несладко. Камыш под левым, пологим берегом куда гуще, он растет буйно, соединяясь в огромные поля. Но с другой стороны, в той камышовой чаще легко можно спрятать целую флотилию быстроходных минных катеров и лодок. А сейчас как раз новолуние, и на небе нет ничего, кроме звезд. Вот и вслушиваются вахтенные — не застучит ли где паровая машина, не плеснет ли где весло. В этой египетской тьме не видать ни зги, а висящий на корме фонарь только слепит глаза, делая правоверных совсем беспомощными во тьме...

Вахтенные услышали звук, но не сразу поняли, что это. Будто далеко-далеко загудел еще один комар, но только очень большой. Сначала на этот звук не обратили внимания, потом, конечно, забегали и закричали, но было уже поздно. Первые НАРы огненными кометами пронеслись в полной тьме к цели, и на палубе броненосной канонерки «Беквир-Делен» вспыхнули разрывы. Для гарантированного поражения броненосных канлодок были выбраны блоки неуправляемых авиационных ракет С-13 калибра сто двадцать два миллиметра. Половина ракет — с осколочно-фугасными проникающими боевыми частями, вторая половина — с объемно-детонирующими.

Одно из попаданий в пороховой погреб оказалось роковым — осветив все вокруг адским пламенем, канонерка со страшным грохотом взлетела на воздух. Через пару минут к ней присоединилась и «Искодра». Огненные вспышки взрывов были хорошо видны на русском берегу Дуная. Деревянные «Варна» и «Шефкет-Нулса», в которые попали НАРы, пылали, словно куча сухой соломы.

...Ординарец разбудил полковника Егорова сразу же после того, как часовые доложили, что слышат на турецком берегу подозрительный звук. Когда от огненных снарядов взорвалась первая канонерка, полковник крепко выматерился. Двадцать лет назад он начинал свою службу прапорщиком на батарее, вооруженной ракетами Засядько, и не мог не узнать

знакомую картину. Всю свою жизнь он был сторонником совершенствования и развития этого вида оружия. Но с появлением скорострельных казнозарядных пушек, командование, наоборот, начало сокращать ракетные части. И в настоящий момент боевые ракетные батареи оставались только в Туркестанском корпусе.

А тут кому-то явно удалось создать следующее поколение этого оружия, о чем можно было судить по мощности взрывов, уничтожающих турецкие корабли. Да к тому же это оружие было установлено на какие-то летательные аппараты, рассмотреть которые не удалось из-за полной темноты. Полюбовавшись на горящие турецкие канлодки, полковник ушел к себе в палатку — писать рапорт на имя начальника штаба корпуса.

День Д+2, 7 июня 1877 года, 03:35, порт Сулина.

Душная черноморская ночь, нет ни ветерка. Позже, перед самым рассветом, потянет в море первый утренний бриз, а пока лишь чуть слышно плещет вода у причала. На турецком мониторе и британском стационаре вахтенные чувствуют себя в полной безопасности. Русская армия далеко, ну а флота на Черном море у русских, считай, вообще нет. Правда, эти сумасшедшие русские атакуют турецкие корабли на маленьких катерах с шестовыми минами наперевес. Но они боятся связываться с англичанами. А вот и их корабль, маленький, но грозный. Правда, название у него смешное — «Кокатрис». Но даже эту британскую «Адскую курочку» побаивается русский орел.

Неприятно удивляло лишь то, что вот уже два дня нет телеграфной связи со Стамбулом, а вчера замолчала и Варна. Но в Сулине корабли в безопасности, тут ничего не может случиться. Особенно в такую темную безлунную ночь, когда не видишь даже пальцев вытянутой руки... Нет, в такую ночь лучше стоять на якоре или у причала.

Но вот в открытом море, почти у самого горизонта, беззвучно мигнула яркая вспышка, как будто на мгновение приоткрыли стекло сигнального фонаря. За ней другая, третья, четвертая... Потом замигало часто-часто... Почти минута нужна фугасным снарядам, чтобы преодолеть двадцать километров и обрушиться на порт лавиной смертоносного огня и металла. Злосчастную британскую «Адскую курочку» 130-миллиметровые снаряды разорвали буквально пополам. Большая часть команды корабля погибла, даже не проснувшись, другие еще какое-то время барахтались среди обломков. Турецкому монитору тоже не повезло — ну, не было тогда еще бронированных палуб. Да и вряд ли тогдашняя броня удержала бы двухпудовый снаряд, падающий почти отвесно со скоростью в два раза быстрее звука. Снаряд пробивал корабль насквозь, взрываясь в воде под днищем. После пятого или шестого попадания монитор разломился на несколько частей и затонул. Покончив с кораблями, разрывы снарядов, выпущенных неведомым кораблем, огненным катком прошли по береговым батареям и портовым сооружениям, вызвав обширные пожары на складах военного имущества.

Утром уцелевшие турецкие интенданты бросились подсчитывать ущерб от русского нападения на Сулин. В спешке были составлены эти бумаги в которых, о чудо, один и тот же порох числился и как подмоченный водой, и как сгоревший при пожаре, и как истраченный при боевых стрельбах... Это было не единственное чудо в истории с обстрелом порта...

7 июня, утро, Вена, заголовки утренних австрийских газет.

«Винер Цейтнунг»

Кошмары Стамбула! Русские казаки насаживали на пики турецких младенцев! Сотни тысяч убитых, миллионы беженцев!

«Нойес Фремденблатт»

Европа негодует! Кто остановит новых гуннов из дикой Московии?! Русские вызвали силы ада, чтобы истребить весь цивилизованный мир!

Император Австро-Венгрии Франц-Иосиф и министр иностранных дел граф Дьюла Андраши.

Встревоженный известиями из Стамбула, император Австро-Венгрии Франц-Иосиф вызвал в свой дворец Шеннбрунн министра иностранных дел Дьюла Андраши.

— Граф, скажите мне — что это?! Как могло произойти подобное, и куда смотрели наши разведчики?! Почему я обо всем этом узнаю из газет, а не из донесений ваших дипломатов?! Чем занимаются эти дармоеды?!

Император гневно помахал перед носом опешившего министра утренней венской газетой, в которой рассказывалось о том, как русский флот в течение одной ночи прорвался через Дарданеллы, внезапным налетом захватил дворец Долмабахче и пленил султана Абдул-Гамида.

— Ваше величество, мы сами только что получили донесение из Стамбула от нашего посла. Он рассказывает, что все произошло внезапно. Откуда-то появились корабли под русским военно-морским флагом, причем, как заявил наш военно-морской агент, подобных типов кораблей он не видел ни разу в жизни. По его же сообщению, русские корабли оказались вооружены мощными пушками, способными вести огонь со скоростью митральезы, на огромные расстояния. Именно эти орудия сокрушили неприступные турецкие укрепления в Дарданеллах.

И что самое удивительное, эти корабли несут на своих палубах летательные аппараты, похожие на гигантских стрекоз. Эти аппараты вооружены страшным оружием. Всего несколько снарядов, сброшенных с них, превратили в пылающие развалины казармы султанской гвардии.

Наши дипломаты своими глазами видели, как по улицам Стамбула передвигались самодвижущиеся бронированные повозки русских, вооруженные пушками и митральезами. Они в течение нескольких минут истребили толпу турок, попытавшихся прорваться с целью грабежа в европейский квартал Стамбула.

Русским активно помогают греки и болгары. Им выдали оружие из захваченного арсенала султана, и дружины христиан довольно быстро навели в городе порядок. Кстати, военным комендантом Стамбула, который по приказу русских теперь должен называться Константинополем, назначен поручик Российской армии Никитин. По данным наших секретных источников, он наполовину грек и числился в списке офицеров русской разведки, работающих на Балканах.

Наш агент также сообщил, что по данным его информаторов, в Золотой Рог вошли корабли русской эскадры, один из которых имеет странное название: «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» По данным нашей разведки, в составе Русского императорского флота никогда не было такого адмирала...

— А что такое «Советский Союз»? — неожиданно спросил император.

— Не могу вам ничего об этом сказать, ваше величество, нам, к сожалению, вообще ничего не известно об этой эскадре. Она будто вынырнула из темных пучин Средиземного моря и, подобно урагану, смела с карты мира Османскую империю, словно жалкую хижину бедняка.

Самое же неприятное, что с палубы этого «Адмирала» взлетали уже совсем другие летательные аппараты, вообще ни на что не похожие. Это были летящие с огромной скоростью железные птицы, которые умчались в неизвестном направлении, увешанные целой гроздью взрывчатых снарядов, а потом прилетели назад через пару часов уже пустыми. Страшно подумать — на какое расстояние за это время они могут улететь, и какие разрушения причинить!

— Граф, но это же ужасно, — воскликнул потрясенный Франц-Иосиф, — вы понимаете, что Россия, имея такое оружие, теперь может диктовать свои волю всему миру!

— Ваше величество, наши дипломаты в Петербурге не имеют никакой информации ни об этой таинственной эскадре, ни о неизвестных летательных аппаратах. Мы можем пока только гадать, откуда они появились и какое следующее государство будет ими завоевано. Смеем заметить, что русская армия еще не понесла почти никаких потерь в людях и не растратила запасенных для этой войны боеприпасов...

— Граф, а вы не пробовали напрямую связаться с главой русской дипломатии, канцлером Горчаковым?

— Ваше величество, мы пытаемся это сделать, но канцлер в данный момент находится в Плоешти, в Императорской главной квартире. Связь с ней еще не установлена, поэтому мы можем сноситься с Горчаковым лишь с помощью курьеров. Запрос от имени министерства иностранных дел уже направлен в Плоешти. Но ответ оттуда мы получим нескоро.

— Граф, надо сделать все возможное и невозможное, чтобы получить достоверную информацию о русской эскадре, о ее возможностях, и о том, как русские собираются поступать с фактически обезглавленной Османской империей. Надо напомнить им о нашем договоре относительно Боснии и Герцеговины, а также прикинуть — что наша двуединая империя сможет прибрать к рукам из ставшего бесхозным турецкого наследства.

7 июня (26 мая), утро, Плоешти, дом, снимаемый генерал-адъютантом Игнатьевым.

Капитан Александр Тамбовцев.

В общем, мы проговорили с Игнатьевым до утра. Часов в шесть вошел его слуга и сообщил, что вода для умывания и бритья готова, скоро будет готов и завтрак. Пока Игнатьев приводил себя в порядок, я по радиации связался с капитаном Хоном и вкратце проинформировал его о состоявшейся беседе. Заодно я узнал последние новости «с полей сражений» и попросил его прислать в дом Игнатьева мой багаж — ноутбук и дипломат с фотографиями.

Посвежевший и пахнувший вежеталем генерал вошел в комнату, и мы сели за уже накрытый стол и приступили к завтраку. Между яичницей и кофе, я сообщил ему о новых победах русского оружия.

— Николай Павлович, — торжественно начал я свою речь, положив на скатерть белоснежную

салфетку, — как я уже говорил, этой ночью самолеты с авианосца «Адмирал Кузнецов» нанесли массированный ракетно-бомбовый удар по Закавказской армии Мухтар-паши и крепости Карс. Получены подробности этого авианалета. Армии Мухтар-паши больше не существует. Остатки ее в панике бежали, сам командующий армией убит, большинство офицеров его штаба и английские советники — тоже. Великий князь Михаил Николаевич может чувствовать себя полным хозяином в азиатской части бывшей Османской империи. Сил, которые турки могут ему противопоставить, у них просто нет.

— Великолепно! — воскликнул Игнатъев и воодушевленно взмахнул в воздухе рукой с зажатым в ней круассаном. — А что с крепостью Карс?

— Крепости как таковой больше нет. Есть просто груда камней, перемешанных с разбитыми пушками и трупами турецких аскеров. Так что, к сожалению, ключей от Карса генералу Лорис-Меликову никто не поднесет. Но это, я думаю, не такое уж большое горе?

— Надо срочно порадовать государя этими новостями! — как опытный царедворец, Игнатъев сразу же «поймал волну». Но мне пришлось немного остудить его пыл.

— Николай Павлович, а если государь спросит — откуда у вас эти сведения? Как вы ему это объясните? Нет, к сожалению, вам придется подождать, пока не придет телеграмма от великого князя Михаила Николаевича.

— Жаль, очень жаль, — закручинился генерал. — Но, я думаю, что вы, Александр Васильевич, еще не раз порадуете нас известиями о ваших победах. Извините, но мне пора. Государева служба-с, ничего не поделаешь... Но я помню о вашей просьбе относительно randevu с цесаревичем.

Игнатъев надел свой роскошный генерал-адъютантский мундир, раскланялся и ушел. А меня его слуга проводил в спальню, где я решил немного отдохнуть на кушетке.

Но долго мне спать не пришлось. Сначала пришел посыльный от капитана Хона, который доставил мне ноутбук и черный кожаный дипломат. А потом, едва я снова начал дремать, прибежал казак из охраны Ставки с запиской от Игнатъева. В ней мне сообщалось, что цесаревич Александр Александрович очень заинтересовался моим предложением и готов со мной встретиться.

Поняв, что поспать мне сегодня уже не дадут, я порылся в своем дипломате, отобрав некоторые фотографии, которые, несомненно, будут интересны цесаревичу. Отобранное я положил в картонную папку, которую, по моей просьбе, принес слуга генерала. Дипломат и ноутбук я решил пока с собой не брать, дабы не привлекать к себе особого внимания. Тот же расторопный слуга раздобыл мне сюртук, рубашку, галстук, брюки, штиблеты и котелок, трость — словом, полный костюм преуспевающего буржуа.

Подошло назначенное мне время. С помощью слуги я облачился в одежду девятнадцатого века. Скажу сразу: после свободного камуфляжа я почувствовал себя несколько неловко, да что там неловко — настоящая египетская пытка. Но ради дела пришлось терпеть. Взяв с собой папку, я отправился на судьбоносную встречу с будущим российским царем.

Плоешти, который я видел только ночью, днем произвел на меня отвратительное впечатление. По словам сопровождавшего меня слуги: «Плоешти — городок неважный, скучный, но климат в нем лучше, нежели в Бухаресте, из-за близости Карпатских гор, отроги которых подходят к Плоешти верст на тридцать. Улицы крайне сбивчивы, отвратительно пыльны или грязны, смотря по погоде. Несколько улиц вымощено, но разве для того, чтобы ломать экипажи. Самая

трудная задача — найти здесь чью-либо квартиру, ибо нумерация домов общая для целого города, а названия улиц положительно неизвестны даже туземцам. Скорее встречный казак доведет по адресу, нежели обыватель Плоешти. Господа развлекаются по вечерам в кофейне „Молдавия“, где играют и поют цыгане».

Так, за разговорами, мы дошли до дома, где расположился цесаревич. Доложив о своем приходе дежурному офицеру, я стал ждать приглашения. Ждать пришлось недолго.

Меня ввели в светлую и чистую комнату, где меня встретил здоровенный мужчина лет тридцати, ростом под два метра. Его широкое лицо с ранними залысинами украшали усы. А вот знаменитой александровской бороды, которая делала царя похожим на извозчика, еще не было. Я вспомнил, что он ее отрастил именно здесь, на войне, когда командовал Рушукским отрядом.

— Здравствуйте, ваше императорское высочество, — поздоровался я с цесаревичем.

— Здравствуйте, месье...

Цесаревич замялся, и я пришел ему на помощь:

— Месье Тамбовцев, Александр Васильевич Тамбовцев.

— А мне сказали, что вы французский негодант и прибыли из Стамбула, — удивленно пробасил цесаревич.

— Мне приходилось бывать и во Франции, но в данный момент я действительно прибыл из Стамбула. А вообще-то я русский, ваше императорское высочество.

— Итак, господин Тамбовцев, что бы вы желали мне предложить? — спросил цесаревич.

Я взял в руки папку, которую держал подмышкой, и оглянулся, ища стол, на который можно было бы ее положить. Цесаревич, видя мои телодвижения, приглашающе указал мне на стол, стоящий в углу комнаты. Я подошел к нему, положил папку и посмотрел на цесаревича. Тот с любопытством глядел на меня.

— Ваше императорское высочество, я привез фотографии, которые вас должны заинтересовать. Посмотрите, — с этими словами я развязал свою папку и протянул цесаревичу пачку цветных фото, специально подготовленных для этого случая.

Фоторепродукции картин Василия Васильевича Верещагина, посвященных этой войне, Александр Александрович просмотрел с большим интересом. Особенно он долго разглядывал триптих «На Шипке все спокойно».

— Бедные солдатики, — сказал цесаревич, — и где это произошло?

— Ваше императорское высочество, — ответил я, — просмотрите остальные фотографии, потом я отвечу на все ваши вопросы сразу.

Цесаревич посмотрел на меня исподлобья, хотел было что-то у меня спросить, но потом передумал и продолжил разглядывать фото.

— А кто этот господин? — удивленно воскликнул он, увидев картину Серова, на которой был изображен уже пожилой и усталый император Александр III с бородой и в барашковой шапке.

— Это вы, ваше императорское высочество. Только так вы будете выглядеть через пятнадцать лет, когда станете российским императором Александром III.

Услышав мои слова, цесаревич вздрогнул, как от удара электрическим током, и уронил фотографию, которую он держал в руках.

— Милостивый государь, что вы такое говорите! — возмущенно воскликнул он. — Извольте объясниться!

— Ваше императорское высочество, успокойтесь, перед вами не шарлатан и не сумасшедший. Посмотрите вот на эти фотографии, — и я протянул цесаревичу, который возвышался надо мной, как гора, с багровым лицом и сжатыми пудовыми кулаками, новую пачку фотографий. На мгновение у меня мелькнула мысль: «Ударит — убьет». Но цесаревич, тяжело дыша, взял себя в руки.

— Это наша эскадра, которая несколько дней назад захватила остров Лемнос у входа в Дарданеллы. Видите, корабли под Андреевским флагом. А вот она проходит через Проливы. Вы можете увидеть — турецкие укрепления основательно приведены к молчанию. А вот и Стамбул. Теперь он носит название Константинополь, а военным комендантом в нем офицер русской армии поручик Никитин.

— Что-то непохож он на русского, — пробасил пришедший в себя цесаревич.

— Он наполовину русский, наполовину грек, и работал на русскую разведку под девичьей фамилией свой матери. Наши морские пехотинцы, вырезав гарнизон Лемноса, спасли его от жуткой смерти, которую уготовили своему пленнику башибузуки. Потом он, используя свою греческую агентуру, помог нам проникнуть в султанский дворец. Результат вам известен...

— Ну, дай-то Бог, — кивнул будущий император Александр III. — Что там у вас еще?

— Вот это, ваше императорское высочество, захваченный русским десантом дворец турецкого султана Абдул-Гамида. Сам султан взят в плен и скоро будет доставлен в ставку российского императора. Посмотрите на фото султана, который, как почетный пленник, находится на флагманском корабле нашей эскадры. Вот он, — на фото слегка растерянный и помятый султан стоял на палубе «Адмирала Кузнецова», с испугом на лице наблюдая за взлетом пары Су-33.

Цесаревич был удивлен, смущен и озадачен. Было видно, как он напряженно размышляет, глядя на фотографии, которые я раскладывал перед ним, как официант, подающий меню посетителям. Потом он поднял голову.

— Господи Боже, спаси нас и помилуй! — пробормотал этот огромный и полный сил человек, перекрестившись. Потом посмотрел на меня: — Что же это такое, господин Тамбовцев?

— Ваше императорское высочество, мы ваши потомки, которые неведомой даже нам силою перенеслись в 1877 год из 2012 года. Наша эскадра, шедшая под Андреевским флагом в Сирию, неожиданно оказалась в Эгейском море в вашем времени.

Скажем сразу, мы ни минуты не колебались — на чьей стороне нам быть во время вооруженного противостояния между Российской и Османской империями. Командующий нашей эскадрой контр-адмирал Ларионов собрал военный совет, который единогласно решил — помочь нашим предкам в этой войне, которая, в общем-то, России абсолютно не нужна.

— Господин Тамбовцев, а почему вы так считаете? — вскинулся наследник престола.

— А за что предстоит сражаться и умирать русским солдатам? — ответил я ему. — Ведь по итогам этой войны даже в самом лучшем случае Россия не обретет никаких существенных новых территорий и не сможет уничтожить векового врага. От Проливов нас тоже попросили отказаться заранее, а то, не ровен час, может повториться 1853-1854 год... Освобождение болгар? Так только для того, чтобы тут же отдать их под влияние Австро-Венгрии и Германии — вспомните прошлогоднее Рейхштадтское соглашение, которое, не подумав, подписал старый марзмати́к Горчаков. Между прочим, во всех последующих войнах Болгария состояла во враждебных России союзах.

— Я подумаю над вашими словами, — угрюмо заметил цесаревич. — Seriously подумаю! Возможно, вы и правы? Но как вы собираетесь помочь нам, ведь корабли по суше не ходят, а людей, как я понимаю, у вас очень мало.

Я вздохнул.

— Ваше императорское высочество, надо сказать, что за прошедшие сто тридцать пять лет вооружение армии и флота значительно усовершенствовалось. Появились летательные аппараты, способные стирать с лица земли города и крепости, бронированные самодвижущиеся повозки, вооруженные мощными скорострельными орудиями, пушки и ракетные станки, снаряды которых летят на огромные расстояния и попадают в цель с удивительной точностью. Рота наших солдат сумеет разгромить и разогнать нынешнюю дивизию. Конечно, речь не идет о русских солдатах, которых мало убить — их надо еще и повалить, но все остальные... Скажем прямо, ваше императорское высочество, в мире сейчас нет такой силы, которая сумела бы нам противостоять.

Цесаревич слушал мой рассказ с удивлением и восторгом, как маленький мальчик слушает рассказ няни об Иване-царевиче, который в одиночку побеждал полчища врагов. По ходу рассказа я доставал из своей папки все новые и новые фотографии, на которых были засняты самолеты, вертолеты, танки и БМП, системы залпового огня и самоходные установки. Он удивленно смотрел на фото морских пехотинцев, спецназовцев и летчиков.

— Господи, или я сплю, или мне все это кажется? — пробормотал цесаревич. — Господин Тамбовцев, могу ли я увидеть все это воочию?

— Да, ваше императорское высочество, если у вас есть такое желание, то мы можем перевезти вас на нашем летательном аппарате, который мы называем вертолетом, — и я показал цесаревичу фото Ка-29, — на флагманский корабль нашей эскадры, где я познакомлю вас с командующим адмиралом Ларионовым. Только у меня одна просьба к вам — вы дадите слово, что до определенного момента вы никому не расскажете о том, что вам удастся увидеть и услышать. Не беспокойтесь, государь завтра должен будет узнать все от нашего официального представителя, который прибудет в Ставку. А сегодня ваш батюшка отбыл в Бухарест и будет лишь к ночи. Так что вам никто не помешает совершить небольшое путешествие во времени, побывав в двадцать первом веке.

— Вот это дело! — пробасил наследник и впервые за время нашего разговора улыбнулся. — Это по-нашему! Сказано — сделано! Теперь я точно вижу, что вы природный русак, а не говорящий по-русски француз или англичанин. Когда отправляемся?

— Да прямо сейчас, ваше императорское высочество, транспорт ждет-с! — ответил я ему.

— Серж! — позвал Александр Александрович своего адъютанта, графа Сергея Шереметева. — Передайте, пусть седлают лошадей, мы едем на загородную прогулку.

7 июня, дневные германские газеты.

«Дер Беобахтер»

Русский флот совершил невозможное — прорвавшись через Проливы, он вошел в Золотой Рог! Султан похищен, армия в смятении! Европейские границы будут опять изменены?

«Альгемайне Цейтунг»

Стамбул снова стал Константинополем! Блестящая победа русского оружия! Этому позавидовал бы и сам Бонапарт!

7 июня, полдень, Берлин, Потсдам, дворец Сан-Суси.

Кайзер Вильгельм I и канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк.

— Господин канцлер, как прикажете *это* понимать? — кайзер ткнул пальцем на газеты, небрежно брошенные на мраморный столик. — Как могло случиться, что войска моего племянника каким-то не понятным никому способом оказались в Стамбуле?

— Ваше величество, я и сам мало что могу понять. Для меня поистине неразрешимая загадка — как эти каналы-турки могли позволить себя разбить. К тому же происхождение эскадры, ворвавшейся в Проливы, судя по донесениям моих агентов, не вполне ясно. Хотя в Золотой Рог и вошли корабли под Андреевским флагом, но похоже, что они не имеют никакого отношения к военно-морскому флоту Российской империи.

— То есть как — не имеют отношения?! — изумился кайзер Вильгельм, — а кто же они такие тогда? Уж не с Луны ли они упали?

— Я ничего не могу вам сказать точно, ваше величество, но я поставил задачу моим людям, которые находятся в Стамбуле и в ставке русского императора. Они пытаются разрешить эту загадку. Замечу только, что эти парни чертовски умело воюют. Их корабли буквально смешали с землей турецкие укрепления в Проливах, а такой огромный город, как Стамбул, был захвачен за одну ночь.

— Да, господин канцлер, это удивительно и... Это печально... Я не жалею этих головорезов турок — они получили свое. Но как нам теперь быть с этим взбесившимся русским медведем? И куда он теперь повернет?

— Ваше величество, я понимаю ваши опасения. Действительно, сам факт появления такой грозной силы должен нас насторожить. Помнится, еще до начала этой проклятой войны я говорил вам — это даже хорошо, что русский паровоз выпустит свои пары где-нибудь подальше от германской границы. Мы надеялись, что война на Балканах даст нам свободу рук в отношении Франции и усилит наше влияние на Россию и Австрию, противоречия между которыми к концу войны, независимо от ее исхода, должны обостриться.

Но получилось все не совсем так, как мы рассчитывали. Русский паровоз лишь сильнее разогнался, проскочил стрелку и помчался в опасном для нас направлении.

— Отто, вы должны сделать все, чтобы этот бешеный русский поезд не влетел в нашу тихую и уютную Германию и не разнес в ней все вдребезги.

— Ваше величество, но ведь у вас прекрасные отношения с русским царем. Не стоит забывать, что четыре года назад был подписан «союз трех императоров» — между монархами Российской, Германской и Австро-Венгерской империй. Согласно этому договору, все три державы должны «держаться сообща» и выступать единым фронтом в случае угрозы европейскому миру.

— Господин канцлер, я помню об этом документе. Но сейчас появился новый фактор политики — эта непонятно откуда взявшаяся эскадра в Стамбуле. Кстати, теперь этот город называется, как во времена Византии — Константинополь. Похоже, царь решил осуществить давнюю мечту своей прабабушки Екатерины Великой — пресловутый «греческий проект».

— Все может быть, ваше величество. Что же касается нашей империи, то мы должны в первую очередь обезопасить ее границы и попытаться направить подальше от них этот чудовищный «русский паровоз».

Я полагаю, что после разгрома Османской империи русские обязательно вступят в конфликт с Британией. Мы не будем вмешиваться в этот конфликт, не отдавая предпочтения ни одной из сторон. Чем больше они себя истощат во время боевых действий, тем лучше. А мы постоим в сторонке и посмотрим. Мы увидим, кто такая на самом деле Британия — действительно ли это грозная львица, или одетая в львиную шкуру драная кошка. Наши выгоды в этом несомненны — Россия выдохнется, а Британия ослабнет настолько, что не сможет противостоять нашей экономической и военной экспансии в Африке и Азии.

Ну, и главное — нам никто уже не помешает окончательно добить этих проклятых лягушатников — уж слишком быстро они оправились после трепки, полученной под Седаном.

— Хорошо, Отто, — кайзер пригладил свои роскошные седые усы и с одобрением посмотрел на Бисмарка, — только кого вы собираетесь направить в Ставку к царю, чтобы внести ясность в это запутанное дело?

— Ваше величество, я полагаю, что ехать должен лично я. Мы в хороших отношениях с царем еще со времен моего пребывания в Петербурге — вы помните о моей службе в столице России в качестве посла Пруссии? Я знаю русских, знаю их язык, и надеюсь, что мне удастся узнать все о таинственной эскадре под Андреевским флагом, которая так лихо раскатала турок.

— Да, господин канцлер, пожалуй, вы правы. Езжайте в эту румынскую дыру — Плоешти, и попытайтесь сделать невозможное. Впрочем, именно такие сверхсложные дела вам обычно блестяще удавались. И было бы идеально, если бы вам удалось заключить соглашение с российским императором и той новой грозной силой, возникшей из ниоткуда. Тогда Германия и Россия стали бы сильнейшими державами мира. И никто на свете не смог бы ничего противопоставить нашему союзу.

7 июня (26 мая), утро, Плоешти, резиденция цесаревича Александра Александровича.

Капитан Александр Тамбовцев.

Цесаревич позвал своего адъютанта графа Шереметева и велел ему приготовить лошадей для загородной прогулки. Но мне пришлось немного остудить его пыл.

— Ваше императорское высочество, я хочу вас предупредить — ваш визит на нашу эскадру должен быть пока неофициальным. И посему для всех остальных, не посвященных в наши дела,

вы будете не наследником российского престола, а просто одним из офицеров российской армии. Ничего в этом зазорного для вашей чести нет — ваш знаменитый предок, царь Петр I, в свое Великое посольство отправился как урядник Преображенского полка Петр Михайлов.

Цесаревич немного помялся, но потом, видимо, уловив резон в моих словах, кивнул и спросил:

— Господин Тамбовцев, как вы думаете, каким именем мне в таком случае назваться?

Я задумался, а потом сказал:

— Полковником Александровым, Александром Александровичем. По-моему, вполне достойно. Кстати, — я понизил голос, — как насчет вашего адъютанта? Вы ручаетесь в том, что он все сохранит в тайне, и все увиденное и услышанное им не станет достоянием других лиц? Дело в том, что информация, которая станет вам доступной, имеет особую государственную важность.

Цесаревич тоже задумался, но не более чем на мгновение. Потом пристально посмотрел мне в глаза, и сказал:

— Ручаюсь как за себя, господин Тамбовцев.

Ну, а далее граф Шереметев привел лошадей, и мы отправились на небольшую конную прогулку до нашего лагеря в холмах. Наш уважаемый Евгений Максимович Леонтьев занимался подбором подходящего помещения для нашей группы. Поэтому орлы капитана Хона пока вынуждены были отдыхать под открытым небом. Но погода, слава богу, была пока хорошая, ночи теплые, и если бы не злые румынские комары, условия были бы почти комфортными.

Мои спутники испытали настоящее потрясение, увидев, как из куста на свет божий появляются и исчезают одетые в спецкостюмы «кикимора» бойцы из группы капитана Хона. Его узкоглазое скуластое лицо в полосатой боевой раскраске действительно — картинка не для слабонервных! Охотник за головами, да и только!

Капитан Хон, откозыряв, доложил, что вертолет прибдет минут через пятнадцать. Все это время цесаревич, пардон — полковник Александров со своим спутником с большим интересом рассматривали оружие и снаряжение наших бойцов.

Приближающийся вертолет вызвал у них удивление, смешанное с некоторой долей страха. Действительно, как еще должен реагировать неподготовленный к подобным вещам человек, когда прямо ему на голову с шумом и свистом садится такой вот «летающий сарай».

Впрочем, до паники дело не дошло, невместно наследнику престола, не пейзанин, чай. Потом Сан Саныч, как мы его называли между собой, охнул и, перекрестившись, залез в вертолет, бормоча что-то вроде: «Господи, помилуй и сохрани...» Следом за ним последовал заметно побледневший граф Шереметев.

Все время перелета цесаревич сидел, подобно неподвижной каменной глыбе, крепко вцепившись в сиденье. Лишь изредка он бросал взгляд через иллюминатор на, казалось, зависший впереди и ниже ударный вертолет эскорта. Постепенно его пальцы, сжимавшие подлокотник, понемногу стали ослабевать. Когда же вертушка зависла над палубой авианосца, он оживился и с любопытством поглядывал на расстилавшееся под ним море и огромный корабль размером с ипподром.

Еще несколько минут, и Ка-29 коснулся колесами палубы «Кузнецова». Рокот и свист затихли,

я сдвинул в сторону входную дверь вертолета, приглашая своих спутников сделать шаг в будущее.

7 июня (26 мая) 1877 года, борт «Адмирала Кузнецова».

Капитан Александр Тамбовцев и цесаревич Александр Александрович.

Я указал рукой на выход:

— Прошу, господин полковник. Приветствую вас на борту тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов». Я понимаю, что вам непонятны многие слова в его названии, но я вам потом все объясню. Самое главное — помните, что вы среди друзей. А пока пройдемте со мной в адмиральский салон. Командующий нашей эскадрой, контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов, ожидает вас.

Сан Саныч и его спутник, пошатываясь, выбрались из вертолета. А вы как думаете, каково человеку девятнадцатого века с непривычки целый час трястись в дрожащей и вибрирующей машине? Сейчас же они с изумлением оглядывались по сторонам. Их удивляло все: и громада самого авианосца, и башнеподобная надстройка-остров, и «трамплин» в носовой части, и стоящие на палубе «сушки» и «миги». Они с изумлением смотрели, как один из буксировщиков зацепил вертолет, на котором мы прилетели, и повез его к месту заправки.

К нам подошел вахтенный офицер и, откозыряв, пригласил всех следовать за ним. Пройдя по коридорам авианосца и по внутренним переходам, мы вошли в адмиральский салон авианосца, где нас уже ждал контр-адмирал Ларионов.

Вы видели когда-нибудь встречу двух сильных лидеров? Когда они оценивающе смотрят друг на друга, прикидывая, кто перед ним и чего он стоит. Примерно так выглядела и первая встреча адмирала Ларионова с будущим русским царем.

Первым затянувшуюся паузу прервал адмирал:

— Добро пожаловать, ваше императорское высочество, я рад приветствовать вас на борту моего флагманского корабля.

Сан Саныч тоже блеснул политесом:

— Большое спасибо, господин адмирал, за то, что вы предоставили мне возможность взойти на борт вашего удивительного корабля. Скажу прямо, никогда в жизни я не видел столько ошеломивших меня вещей. Я рад, что наши потомки сумели построить такие прекрасные и могучие корабли. А еще больше я горжусь тем, что ваша эскадра сумела совершить то, о чем мечтали все русские монархи на протяжении нескольких веков. Вы освободили от власти агарян Второй Рим — древний Царьград, откуда к нам пришло православие. От имени России-матушки приношу вам глубочайший поклон за это, — и цесаревич склонил свою лобастую голову в знак благодарности.

— Кстати, ваше импе... — начал контр-адмирал Ларионов, но тут цесаревич, улыбнувшись, перебил его:

— Виктор Сергеевич, учитывая то, что я здесь нахожусь как бы инкогнито, вам лучше называть меня Александром Александровичем, — он сделал небольшую паузу, — ну, или господином

полковником — это как вам удобнее.

Адмирал кивнул:

— Хорошо, Александр Александрович. Хочу предложить вам и вашему батюшке посетить Константинополь и поприсутствовать на церемонии освящения храма Святой Софии.

— С благодарностью приму это приглашение, как от своего имени, так и от имени моего отца, государя императора, — Сан Саныч с изяществом носорога склонил свою голову. — Это большая честь для нас.

Контр-адмирал улыбнулся:

— Но церемония сия пройдет нескоро. Сперва надобно избрать нового Константинопольского патриарха.

— А что случилось со старым? — поинтересовался цесаревич.

— Внезапно скончался во время захвата города нашими войсками, — коротко ответил контр-адмирал.

— Как, вы посмели поднять руку на Константинопольского патриарха?! — вскричал потрясенный до глубины души граф Шереметев.

— Его убил страх, собственная совесть или Господь Бог... Когда в первые часы после взятия султанского дворца наш отряд взял под охрану его резиденцию, он почему-то решил, что мы пришли его арестовывать... Ему было чего бояться — вот, полюбуйтесь, — адмирал достал из шкафа пергамент с патриаршим воззванием. — Александр Александрович, вы читаете по-гречески?

— Я знаю греческий язык, — граф Шереметев взял пергамент из рук адмирала и начал разбирать витиеватый текст воззвания.

Цесаревич склонился головой к своему другу. По мере чтения их лица то краснели, то бледнели и наконец, вернув контр-адмиралу пергамент, цесаревич сказал:

— Пожалуй, вы правы, в столь внезапной смерти виновен или страх возмездия, или Божья кара, — он замаялся. — И кто же будет новым Константинопольским патриархом?

— Пока не знаем, но большинству епископов предстоит ответить за свои дела сначала перед людьми, а потом и перед Богом. Поэтому выбирать люди будут из числа набожных и благочестивых афонских монахов, не запятнавших себя пособничеством слугам Сатаны. Кстати, поскольку Югороссия, или возрожденная Византия — государство многонациональное, то патриархом будет избран не обязательно грек. Но это позже, а сейчас я хочу предложить вам посмотреть... Ну, как бы вам это назвать? В общем, «живые картинки», на которых вы можете увидеть все подробности нашей одиссеи.

— «Живые картинки»? — цесаревич был явно заинтригован. — Это любопытно! Покажите, я весь горю от нетерпения!

Адмирал сделал приглашающий жест рукой, и его гости разместились на мягком диване напротив огромной плазменной панели. Ларионов нажал кнопку на пульте дистанционного управления, и на панели началась демонстрация телефильма о походе эскадры, отснятого и

смонтированного съемочной группой телеканала «Звезда».

Сан Саныч жадно уставился на экран. Он с изумлением смотрел на то, как корабли эскадры шли к берегам Сирии через Атлантику и Средиземное море, как, после таинственного перемещения во времени, они впервые столкнулись с турецкими кораблями и в считанные минуты уничтожили их.

Цесаревич с азартом наблюдал, как охваченный огнем турецкий броненосец валился на борт, а потом, опрокинувшись, шел на дно. Не меньший восторг вызвал у него захват острова Лемнос. Он с изумлением смотрел, как тяжелые бронированные повозки выходили из чрева десантных кораблей и, словно утки, плыли к берегу, стреляя на ходу из своих пушек. Здоровенный взрослый мужик не стеснялся выражать свои эмоции, подобно ребенку хлопая в ладоши, увидев на экране, как местные жители встречают цветами и иконами наших морпехов, марширующих по улицам греческих городков.

Потом был прорыв в Проливы. Ночной бой, в котором трудно было что-то понять. Корабли, изрыгающие огонь из стволов своих орудий, вертолеты, уютящие турецкие батареи и форты — все восхищало и удивляло будущего российского императора.

Ночной штурм султанского дворца, естественно, съемочная группа «Звезды» не снимала. Но в фильм попали кадры с носимых видеорегистраторов спецназовцев. Потом пошли виды Стамбула, ставшего Константинополем, наших морпехов, гордо позирующих на фоне Святой Софии, дворец Долмабахче, захваченный бойцами спецроты, его коридоры с еще не просохшими кровавыми лужами — все это было самым лучшим доказательством того, что столица Османской империи пала под ударами русского оружия и владычество турок на Босфоре закончилось.

Мелькнули кадры с унылым и поникшим султаном Абдул-Гамидом, который тупо смотрел на «сушки», взлетающие с «Кузнецова», разгром Варны и караван трофейных турецких торговых судов, которые под управлением греческих призовых команд направлялись к Константинополю.

Когда фильм окончился, цесаревич с огорчением отвел взгляд от экрана. Потом он в раздумье посмотрел на командующего эскадрой.

— Да, Виктор Сергеевич, теперь я понял, как вам удалось добиться такого блестящего успеха. Скажите, что вы собираетесь делать дальше?

Ларионов кивнул:

— Я понимаю ваш интерес, Александр Александрович. Вот об этом-то я и хотел поговорить с вами, но только с глазу на глаз. Александр Васильевич, — обратился он ко мне, — вы не могли бы показать графу наш корабль? Я думаю, что ему это будет интересно. А мы с уважаемым Александром Александровичем вдвоем поговорим о том, что случилось с нашей Родиной за разделяющие нас сто тридцать пять лет...

7 июня (26 мая), борт «Адмирала Кузнецова».

Цесаревич Александр Александрович и контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

Когда дверь за капитаном Тамбовцевым и графом Шереметевым закрылась, я посмотрел на

своего гостя, и в душе мне стало его жалко. Сколько он сегодня узнает страшного о себе, своих родственниках, о судьбе страны и династии. Но рассказать ему об этом надо — от этого никуда не деться.

Александр Александрович, буду называть его так, похоже, догадался, что разговор у нас будет трудный и не совсем приятный. Он как-то весь подобрался и настороженно смотрел на меня. Слова Ленина о «глыбе» и о «матером человечище» в полной мере можно отнести и к нему. Я вздохнул, и решил начать беседу с дел наших скорбных и насущных.

— Итак, уважаемый Александр Александрович, в данный момент мы заняли Константинополь, разгромили турецкий флот и нанесли уничтожающие удары по некоторым группировкам их сухопутной армии. Султан в плену, так что смело можно сказать, что война закончилась, фактически еще не начавшись. Конечно, мы помним, что на Дунайском фронте и на Балканах осталась еще сильная турецкая армия, но она полностью деморализована и вряд ли способна на наступательные действия. К тому же мы «уговорим» султана, — я хитро посмотрел на цесаревича, и он, улыбнувшись, кивнул мне, — чтобы он подписал фирман, призывающий армию не оказывать сопротивление победоносным войскам Российской империи. Тогда все, не подчинившиеся фирману, будут считаться мятежниками, со всеми вытекающими из этого последствиями. Таким образом, Россия уже сохранила более сотни тысяч человек, миллионы рублей, которые в нашей истории она потеряла во время этой войны.

— А чем закончилась у вас эта война? — с интересом спросил меня цесаревич.

Я вывел на плазменную панель заранее заготовленную карту боевых действий.

— Русские войска форсировали Дунай и стремительно двигались к горным проходам через Балканы. Но из-за, прямо скажем, преступной нераспорядительности Верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, армия застряла под крепостью Плевна.

Трижды русские войска штурмовали ее, и трижды турки отбивали штурм. Потери были огромные. Лишь с помощью планомерной осады крепость была взята, турецкий гарнизон частично уничтожен, частично пленен. Зимой 1878 года русские войска перешли через Балканы, пленили армию Вессель-паши, разбили под Филиппополем армию Сулейман-паши и вышли к Адрианополю. Казалось, что осталось сделать одно, последнее усилие — и Константинополь наш. Но тут вмешались наши европейские «друзья», которые встали горой на защиту «бедных турок».

В результате был подписан Сан-Стефанский мирный договор, по которому признавалась независимость Сербии, Черногории и Румынии. Босния и Герцеговина должны были образовать автономную область. Создавалось новое автономное славянское княжество на Балканах — Болгария, границы которой должны были простираться от Дуная до Эгейского моря. Турция обязывалась выплатить 1,410 миллиарда золотых рублей контрибуции, из которых 1,1 миллиарда погашались за счет территориальных уступок — к нам отходили города Ардаган, Карс, Батум и Баязет.

— Замечательно, — воскликнул цесаревич, — эти условия мирного договора должны были удовлетворить Россию за все понесенные ею жертвы.

— Если бы... — я покачал головой. — Наши недоброжелатели — Британия и Австро-Венгрия — заставили вашего батюшку согласиться на пересмотр условий Сан-Стефанского мирного договора в Берлине.

Это была самая позорная страница в истории русской дипломатии. Глава нашей делегации канцлер Горчаков впал в полный маразм. На заседания его приносили сидящим в кресле, он ухитрился продемонстрировать секретные карты главе английской делегации Дизраэли, после чего все наши предложения дружно отметались участниками конгресса. В результате Сан-Стефанский мирный договор был пересмотрен. Границы Болгарии сильно урезали, мы вернули туркам Баязет.

— Какой позор! — буквально взревел Сан Саныч. — Как такое могло произойти?! Но ведь теперь все будет по-другому? Константинополь-то вы взяли, и теперь можете продиктовать пленному султану любые условия мира.

— Да, Александр Александрович, мы именно так и поступим. Россия получит все то, что она должна была получить по Сан-Стефанскому мирному договору, возможно, даже и больше... На Кавказе перед вашим дядюшкой Михаилом Николаевичем открывается прямой путь на Дамаск и Иерусалим. При разгромленной регулярной турецкой армии это будет не сложнее, чем поход на Ташкент и Ашгабат. А вот судьба Константинополя и Проливов...

— Действительно, господин адмирал, а что будет с ними? — хитро прищурился цесаревич.

— Мы намерены создать на этой части территорий бывшей Османской империи, населенной православными христианами, свое государство, которое, наверное, будет называться Югороссией. Были предложения относительно Новой Византии, но народу это нравится меньше.

— А почему Югороссия, господин контр-адмирал? — живо поинтересовался Александр Александрович.

Я вздохнул.

— Так: была в нашей истории на этих землях одна страна, называлась она Югославия. Хорватия, Босния, Сербия, Черногория, Словения, Македония... Европейские «демократизаторы» уничтожили ее в конце двадцатого века. Ну, а у нас, кроме этих земель, в зону влияния войдут Болгария и Греция, а организующая сила все же русская. Вот отсюда и Югороссия.

Форма правления на первое время — военная диктатура. Надеюсь, что в ближайшем будущем будет подписан договор о дружбе и взаимопомощи с Российской империей. Мы будем полностью автономны в наших внутренних делах и дадим такие же гарантии России — не вмешиваться в ее внутренние дела. Внешние дела можно вести согласованно, выступая одним фронтом. Впрочем, все подробности можно будет обговорить позднее.

— Хм, — цесаревич задумался, — государь мог бы даровать вам титул великого князя Константинопольского, так сказать, за заслуги и по факту владения.

Я отвернулся в сторону иллюминатора.

— Вопрос с титулом можно обговорить позже. Мои люди воспитаны в несколько иных традициях и не поймут, нет, категорически не поймут... В то же время местное население — для них человек без титула вообще никто. Тут надо думать — семь раз отмерить, и только один раз отрезать.

— Мне нравится ваш подход к делу, — кивнул цесаревич. — Будь я на месте моего папа, я бы дал достойный вас титул не задумываясь. Такие люди, как вы — это истинная опора трона во

все времена. И кстати, господин адмирал, а что, Турции теперь вообще не станет?

— Почему вообще? — пожал плечами я. — Урезанная до своих естественных этнических границ — Анатолийского нагорья — она может существовать. Естественно, не как империя, но и не как пашалык... Скажем, Ангорский эмират... Хорошее название, связанное с мягким пухом ангорских коз и со страшным разгромом турок султана Баязета в 1402 году, устроенного грозным Тамерланом...

Цесаревич лукаво улыбнулся:

— Скажите, Виктор Сергеевич, вы действительно военный моряк? Уж очень вы похожи на опытного дипломата...

— Александр Александрович, я жил в такое время, когда любой командующий соединением кораблей поневоле должен быть дипломатом. От нас порой зависела судьба мира... Ваше счастье, что вам и вашему папа неизвестны такие слова, как «спецбоеприпас» и «готовность ноль». Апокалипсис, предсказанный апостолом Иоанном, бледнеет перед тем, что могли учинить над планетой люди, нажав всего несколько кнопок...

Я вздохнул: сейчас надо было переходить к самой трудной части нашего разговора. Эх, не люблю я огорчать людей, но порой приходится...

— Александр Александрович, сейчас я хочу рассказать о том, что произойдет с нашей любимой Россией в будущем. Заранее прошу прощения за то, что сказанное мною может вас огорчить... Очень огорчить.

Цесаревич подозрительно посмотрел на меня.

— Вы имеете в виду дату моей смерти? Бросьте, адмирал, мы все смертны, и наша жизнь в руке Божьей.

— Так-то оно так... Я знаю, что вы храбрый человек. Но смерть тоже бывает разной. Вы, действительно, умрете в октябре 1894 года от тяжелой болезни, окруженный любящими вас родными и домочадцами... А вот ваш батюшка и дети...

— Семнадцать лет, — пробормотал цесаревич задумчиво. — Это много, можно еще немало успеть сделать. А что может случиться с моим дорогим папа и с моими детьми?

— Ваш батюшка, государь-император Александр II, погибнет в марте 1881 года мученической смертью в центре Петербурга от рук террористов. Причем причиной его гибели будет не какая-нибудь особая изощренность покушения, а вопиющая халатность и некомпетентность личной охраны государя.

Вы скончаетесь в возрасте сорока девяти лет от воспаления почек. Из ваших детей первым, в 1899 году в Аббас-Тумане, от туберкулеза умрет ваш сын Георгий.

Но это, как и ваша смерть — вопрос сугубо медицинский, и думаю, что нашим медикам удастся с ним справиться. Ибо обе эти болезни в нашем времени далеко не смертельны. Я думаю, когда все утрясется, и вы, и ваши дети пройдете полное обследование у наших врачей.

Я сделал паузу, давая собеседнику обдумать предложение, и дождавшись его утвердительного кивка, продолжил:

— Ваш старший сын Николай, ставший после вашей смерти императором Николаем II, за двадцать три года своего правления доведет Россию до Великой революции, подобной Французской. И в июле 1918 года он будет расстрелян новыми якобинцами, именуемыми большевиками. Причем вместе с ним в подвале дома купца Ипатьева в Екатеринбурге убьют всю его семью...

Ваш, еще не рожденный, сын Михаил будет в том же году похищен и зверски убит в Мотовилихе местными сатрапами, возомнившими себя высшей властью.

От всего вашего семейства в живых останутся только ваша любящая супруга Мария Федоровна и дочери — Ксения и Ольга, которая тоже еще не родилась. Таким образом, по мужской линии ваш род прервется.

Мне жалко было смотреть на цесаревича. Лицо его исказила мука, на высоком лбу выступили капли пота... Он схватился за воротник мундира и рванул его. Пуговицы градом посыпались на пол...

— Виктор Сергеевич, голубчик, но как же это!.. Как это могло произойти?! Россия сошла с ума? На землю пришел Антихрист? Детей, женщин — без суда и следствия?!

— Нет, Александр Александрович, я же вам говорил, просто произошел еще один русский бунт, бессмысленный и беспощадный... Что самое обидное, многие из тех, кто потерял в этом бунте все — имущество, семью, жизнь — сделали все, чтобы вызвать этот самый бунт... И среди них были и ваши родственники.

Ну, и естественно, в немалой степени постарались и наши зарубежные «друзья», которым Великая Россия стоит как кость в горле, и рассчитывавшие на нашем пожаре погреть свои ручки, а потом вдоволь помародерствовать на пепелище.

Я посмотрел на своего собеседника. Он сидел какой-то поникший, усталый, в растерзанном мундире. Цесаревич слушал меня, и по лицу его катились слезы.

— Александр Александрович, — сказал я, — но ведь это было в *нашем* времени. Мы еще в силах сделать все, чтобы подобное в *вашем* времени не произошло. Вы сильный и мужественный человек, неужто с нашей помощью вы не сможете все это изменить?

Взгляд цесаревича стал осмысленным, он своей широкой лапицей вытер лицо и как-то стыдливо запахнул мундир.

— Виктор Сергеевич, дорогой, действительно, ведь это *здесь* еще только *может* произойти. И мы должны, просто обязаны, сделать все, чтобы этого не произошло.

— Александр Александрович, мы обещаем вам дать полную информацию о тех, кто злоумышляет против России, и поможем вам не допустить, чтобы они исполнили свои коварные планы. В этом вы можете быть уверены. Скажу честно, мы не случайно решили вам первому в этом мире рассказать всю правду о том, что произошло в нашей истории.

Ваш батюшка, к сожалению, окружен людьми, часть из которых может поделиться полученной от нас информацией со злейшими врагами России. Нам бы этого совсем не хотелось. Поэтому мы остановились на вас, как на человеке и монархе, который тщательно продумывает свои действия и не допустит поступков, идущих вразрез с интересами державы.

Сан Саныч уже полностью успокоился, и лишь легкая бледность и обильный пот на лбу и

щеках показывали, что этот человек всего несколько минут назад был на грани нервного срыва.

— Да-да, Виктор Сергеевич, я хорошо понимаю — каким ужасным оружием может стать хранящаяся у вас информация о людях нашего времени. Я буду использовать ее лишь для того, чтобы лучше отстаивать интересы Российской империи, и все, что я от вас узнаю, не расскажу никому из своего окружения...

Я кивнул.

— Давайте на том и порешим, ваше императорское высочество. Хотя я надеюсь, что ваше окружение будет состоять из таких людей, которых можно будет посвящать в некоторые подробности. Ибо, как сказал Александр Васильевич Суворов, каждый солдат должен знать свой маневр.

Я глянул на часы:

— О, уже два — время обеденное. Надеюсь, что полковник Александров не откажется от гостеприимства нашей кают-компания?

Цесаревич кивнул, и я указал рукой на дверь:

— Прощу! Позвольте мне стать вашим Вергилием в нашем техническом и электронном аду?

День Д+2, 7 июня 1877 года, 15:35, Черное море, Сухум, ВПК «Североморск».

Старший лейтенант Игорь Сеницын.

Старший лейтенант Сеницын всю жизнь был уверен, что все интересное происходит там, где его нет. Даже война «трех восьмерок», в которой он мог бы поучаствовать, обошла его стороной. То есть, конечно, не совсем стороной. Тогда еще лейтенант Сеницын в составе группировки генерала Шаманова вступил в Грузию десятого числа со стороны Абхазии. Но грузинская армия вместе со своими командирами подло разбежалась по кустам, побросав все свое вооружение, не оказав русским войскам сопротивления. Даже во время морского боя малых ракетных кораблей Черноморского флота с грузинскими катерами, он вместе со своими бойцами просидел в трюме БДК, оставаясь в полном неведении о намерениях грузин утопить его вместе с кораблем. Но в результате получилось несколько по-иному, о чем лейтенант Сеницын совершенно не жалел. Но ведь он опять так ничего и не увидел.

И вот снова тот же берег, те же пальмы. Именно тут их рота выгружалась с БДК почти сто тридцать один год тому вперед. Райски-безмятежную картину портило зрелище чадного костра, в который превратился турецкий корвет всего через пять минут после начала боя. Вооруженный турецкий пароход, поймав прямое попадание реактивной бомбы, разломился пополам и затонул.

Турецкие корабли были вооружены английскими дульнозарядными пушками с дальностью стрельбы до четырех тысяч метров, в то время как РБУ-6000 плюется на эти самые шесть тысяч метров бомбами со взрывателями ударного действия и начиненными сотней килограммов современной взрывчатки.

Возле корвета кто-то еще бултыхался в воде, слышались отчаянные крики о помощи. Но сейчас

это не было главным. Акулы в здешних водах не обитают, а температура воды вполне курортная.

Главным был парусно-колесный торговец, который, распустив все паруса и отчаянно дымя паровой машиной, уходил в открытое море. Водоизмещение двухмачтовой посудины, как определил на глаз командир «Североморска» капитан 1-го ранга Перов, было где-то около тысячи тонн. Гнаться БПК за ним было бы слишком жирно. Тем более что какие-то темные личности, своими синими мундирами сильно смахивающие на турецких солдат, начали разворачивать на пляже полевую батарею из восьми новеньких английских трехфунтовок.

Капитан 1-го ранга Перов опустил бинокль и повернулся к Синицыну:

— Вот что, товарищ старший лейтенант, я тут пока буду немного объяснять местному населению, как нехорошо они поступили, восстав против доброго русского царя. А ты возьми оба катера и поймай мне тех господ, что пытаются удалиться не попросившись. По тому, что они ушли «по-английски», мне думается, что не простые там господа, ох не простые.

Синицын козырнул, сказал:

— Есть!

После чего отправился выполнять приказ старшего по званию и должности.

Командер британского флота Джон Роу, временно находящийся на турецкой службе, оглянулся назад. Сторожевик «Интибах» уже затонул, а корвет «Орхание» через пару минут должен был последовать за ним. Два русских корабля без дымов и парусов выскочили из морской дали, как чертики из табакерки, и в считанные минуты уничтожили турецкую эскадру. Он, британский советник турецкого адмирала Хасан-паши, был вынужден бежать от них без оглядки. Еще чудо, что русские артиллеристы не обратили внимания на его шхуну. Если учесть то, что стало с бронированным корветом после пяти минут расстрела — боем это язык не поворачивался назвать — когда русские вели по ним огонь с недостижимого для их пушек расстояния.

И самое главное, в трюме его парусника был груз, который мог сделать Джона состоятельным человеком. Там в сундуках и мешках хранились драгоценности из разграбленных абреками церквей, монастырей и поместий богатых русских дворян. Жалко, что не удалось совершить набег на крымские дворцы русской знати, там трофеев могло быть намного больше.

А еще в трюме корабля находится и «живой товар» — юные девицы, некоторые из них еще дети, которых можно будет недешево продать на базаре в Синопе или Стамбуле. Турецкие беи и паши до сих пор содержат большие гаремы.

Но сейчас пока рано думать о будущем богатстве, надо просто унести от погони свою задницу.

А вот это будет сделать совсем непросто — командер в очередной раз посмотрел в сторону берега: на месте развернутой для стрельбы по русским кораблям турецкой полевой батареи встал лес разрывов. И как эти северные варвары умудряются так быстро и метко стрелять?!

Тем временем с большего русского корабля спустили лодку, в которую быстро стали садиться матросы в странных касках. Конечно, уйти под парусами и машиной от гребной шлюпки могла даже такая развалюха, как «Звезда Синопа». Но жизнь преподнесла командеру еще один неприятный сюрприз.

Внезапно лодка с русскими моряками рванулась вперед с такой скоростью, какую, наверное, не смог бы развить ни один паровой катер. А из-за корпуса русского корабля резво выскочила еще одна лодка, точно такая же, как первая, и точно так же забитая вооруженными людьми. И что было совсем плохо, обе они помчались вслед за их парусником. Командер прикинул на глаз их скорость, у него получилась совсем невероятная цифра — около сорока узлов. И что за мотор может двигать корабль с такой скоростью, не оставляя за собой дымного следа — неужто новомодное электричество?

Джон понял, что уйти от погони невозможно. Драться? Пусть эти дикари — русские с турками — истребляют друг друга. А он, как истинный британец, постоит в стороне. Ведь у него нет никакой нужды лить свою кровь за турецкого султана.

Русские лодки приближались и, подобно волкам на охоте, зашли на «Звезду Синопа» с двух сторон. Потом в мощный рупор на турецком и английском языках прозвучала команда спустить паруса, стравить пар и лечь в дрейф. Турки в ответ открыли огонь из своих винтовок по русским морякам. Те тоже не остались в долгу, и сначала с одной лодки, а потом и с другой, по турецкому кораблю ударили скорострельные картечники. Возле командера на палубу с развороченной грудью рухнул турецкий матрос. Под ним быстро растеклось кровавое пятно. Другой с диким криком полетел с мачты, поймав русскую пулю.

Впервые на этой войне командер увидел смерть так близко. Конечно, в Сухуме он наблюдал различные турецкие «забавы» над русскими, в том числе и над детьми. Но тогда это было не то, и лишь слегка щекотало нервы. Теперь же смерть выбирала очередную жертву вокруг Джона Роу. Упав на палубу, он основательно извалялся в луже крови, натекшей из-под убитого турецкого матроса. Потом англичанин замер, притворившись мертвым.

Честно говоря, старший лейтенант Синицын совсем не ожидал, что турки окажут сопротивление. Тем более что стрелки из них были никудышные, и пули бесполезно свистели в воздухе над головами морпехов. На их беспорядочную пальбу ответили два «Корда» и три «Печенега». Было видно, как пули косят турок на палубе парусника. Стрельба турецких моряков затихла, и катера вошли в мертвую зону под бортом.

Еще секунда, и как при классическом пиратском abordage, на турецкий корабль полетели кошки с привязанными к ним крепкими нейлоновыми шнурами. Лейтенант, зацепившись за планширь парусника, буквально взлетел на палубу вражеского корабля. Живых турецких моряков он уже не увидел. Все они полегли с оружием в руках.

Подойдя к брошенному штурвалу, старший лейтенант стал вращать его, разворачивая шхуну на обратный курс. Шорох, раздавшийся сзади, заставил его обернуться. С палубы поднимался перепачканный кровью человек в мундире турецкого морского офицера. Рыжие бакенбарды слиплись в кровавом колтуне, а тонкие губы искажала кривая усмешка. В правой руке турок сжимал револьвер Адамса, ствол которого был направлен на Синицына.

Сухо треснул одиночный выстрел из «ксюхи», и выбитое из руки офицера оружие рыбкой улетело за борт.

А турок остался стоять с гримасой боли на лице, перехватив рукой вывихнутую кисть. Сержант Жданов, лучший стрелок батальона, укоризненно посмотрел на старшего лейтенанта: дескать, что же ты делаешь, старший лейтенант, куда же ты смотришь?

Тем временем подбежавшие морские пехотинцы скрутили англо-турка и уложили его мордой на палубу. Когда они вязали его, тот яростно ругался, употребляя выражения, принятые в

среде лондонских докеров. Англичанин, млять — советник!

В трюме сухо щелкнуло еще несколько выстрелов, после чего засвистел пар, стравливаемый из котла через аварийный клапан. Потом на палубу подняли еще двух англичан — механика и его помощника. Впрочем, они сразу заявили, что они никакие не бритты, а чистокровные ирландцы, служащие на этом корабле по контракту. Они в категорической форме отказались находиться в одном помещении с английским офицером.

Пока Синицын выяснял у подданных формально нейтральной страны, кто есть кто, морские пехотинцы сорвали замки с трюмных люков и остолбенели от удивления.

Один трюм был завален старинной церковной утварью, представляющей несомненную художественную и историческую ценность. Причем лежало все навалом. Было ясно, что грузились в спешке.

Открыв второй трюм, морпехи опять удивились — из трюма на них смотрели девичьи глаза. Там были девушки на выданье, пригожие молодухи и совсем дети. Должно быть, абреки не один месяц занимались киднеппингом, чтобы набрать эту партию пленниц. Синицын связался с «Североморском» и коротко доложил обстановку.

— Жди, — ответил ему Перов, — высылаю греческую призовую партию. Русских подданных надо вернуть в Россию, церковную утварь тоже. Англичан давай сюда, мой особист жаждет с ними побеседовать, прежде чем передать дальше...

В это момент старшего лейтенанта кто-то дернул сзади за рукав. Синицын обернулся. Рядом с ним стояла девочка-подросток, лет тринадцати-четырнадцати, одетая в некогда нарядное, а сейчас помятое, рваное и грязное платье.

— Господин поручик, вы что, меня не слышите? Когда вы отправите меня к папе? Слышите, отправьте меня немедленно!

— А кто твой папа? — Синицын посмотрел на девочку сверху вниз, в ее голубые, как васильки, глаза.

— Мой папа — командир полка, — ударение в слове «папа» было сделано на второй слог, девочка топнула ногой. — Сейчас он воюет с турками, а мама у меня умерла. Ну пожалуйста, вы же русский офицер, отвезите меня к папа.

— А как зовут твоего папу? — спросил Синицын.

— Пушкин, Александр...

— Александр Сергеевич? — удивленно сказал Синицын.

— Нет, Александр Александрович... Александром Сергеевичем был мой дедушка... — И она неожиданно разрыдалась. Ее поддержал хор из еще двух десятков голосов, и Синицыну показалось, что он сейчас утонет в их слезах.

Часть 3

ДИПЛОМАТИЯ АВИАНОСЦЕВ

7 июня, вечерние французские газеты.

«Фигаро»

Великая битва в Проливах! Русский флот победил турецкий! Австрия скорбит, Англия негодует!

«Пти Паризьен»

Империя Османов пала! Куда повернет Северный колосс?

7 июня, Париж, Елисейский дворец.

Президент Французской Республики маршал Мари-Эзм-Патрис-Морис де Мак-Магон, герцог Маджентский и министр иностранных дел Франции герцог Луи Деказ.

Шестидесятидевятилетний маршал срочно вызвал в резиденцию французских президентов пятидесятивосьмилетнего главу внешней политики. Парадокс, но оба высших должностных лица Республики с гордостью носили герцогские титулы, были отъявленными монархистами и открыто презирали чернь, которая привела их к власти.

Президент с полупоклоном указал своему гостю на глубокое мягкое кресло, стоящее у камина. Вечерело.

Через приоткрытое высокое окно после дождя тянуло сыростью.

— Итак, герцог, что вы скажете по поводу сообщений нашей прессы? — президент бросил на журнальный столик кипу газет и устроился поудобней в кресле по соседству, вытянув ноги к огню. — Учтите, что в газетах описана лишь часть того, что нам стало известно от тайных агентов. Я, старый боевой генерал, говорю вам, что в действительности на Босфоре, возможно, произошло то, что может полностью перевернуть все, что мы знаем о военном деле.

Министр иностранных дел Франции поморщился:

— Да, господин маршал, ситуация в Европе складывается ужасная. Османская империя повержена в прах, ее флот полностью уничтожен. Русские торжествуют на Черном и Средиземном море. Господин президент, вам напомнить, какое расстояние от Севастополя до Марсея?

— И какое же? — с интересом спросил Мак-Магон.

— Не дальше, чем от Марсея до Севастополя, — герцог Деказ рассмеялся сухим смехом. — Если русский император вспомнит, что в Париже есть Крымский мост и Альмский бульвар... Как говорит мой германский оппонент и коллега Бисмарк, «русские всегда приходят за своими деньгами». Я не уверен, господин президент, что мы сумеем рассчитаться по этому долгу.

Мак-Магон в растерянности махнул рукой:

— Полноте, милейший герцог, ладно, турецкий флот уничтожен, но ведь есть еще и турецкая армия!

— У меня, ваше превосходительство, тоже имеются свои источники информации, — герцог Деказ вытащил из-за красной атласной папки бланк телеграммы. — Австрийцы получили кое-какую информацию из Плоешти, а у меня и в Вене есть свои люди. Читайте, читайте, прошу

вас.

Мак-Магон взял телеграмму, прочел и судорожно сглотнул. Сейчас, он стал очень похож на удивленного моржа — турецкая армия, бывшая силой, с которой считалась вся Европа, частью уничтожена, а частью дезорганизована и превратилась в банды мародеров. Один точечный удар таинственной русской эскадры, о которой до этого никто не знал, и «больной человек на Босфоре» превратился в разлагающийся труп. Ничего нельзя понять, но факт налицо — Османской империи больше нет, султан находится в плену, Россия выиграла войну...

Президент Французской Республики с тоской сказал:

— Герцог, я знаю русских. Я сражался с ними в Севастополе, и я видел, на что способны русские солдаты и матросы. Они не знали страха и сражались, как античные спартанцы. Но у них было оружие хуже нашего, и только потому мы смогли победоносно закончить ту войну. А вот сейчас, похоже, случилось чудо, русская темная лошадка обошла нас на два корпуса. У них появились новые образцы вооружений, таких, которые не пришли в голову даже нашему знаменитому соотечественнику Жюлю Верну. Пожалуй, вы правы, мне страшно за нашу милую Францию.

Герцог Деказ завороченно вглядывался в пляшущий в камине огонь.

— Да, господин маршал, летающие аппараты тяжелее воздуха, изрыгающие огонь и сеющие смерть. Бронированные самодвижущиеся повозки, митральезы, по сравнению с которыми наши французские — просто жалкие хлопущки. Эх, если бы мы имели это все под Седаном... Мы бы тогда показали проклятым пруссакам. Хотя, — герцог тяжело вздохнул, — оружие без солдата — это всего лишь кусок железа.

При упоминании Седана президент Мак-Магон поморщился. Он не любил вспоминать о сражении, в котором потерял армию и сам угодил в плен. Он тут же постарался сменить тему разговора:

— Герцог, давайте поговорим о том, чем грозит Франции появление новой силы, которая, завоевав Турцию, возможно, будет искать для себя новую жертву.

Герцог Деказ хмыкнул:

— Полноте, господин президент, мы и без этого трясемся как овечки, наблюдая, как в прусских казармах гренадеры вождеденно поглядывают в нашу сторону. Стоит только русскому императору отвернуться... Вот поэтому-то мы и пытаемся как можно быстрее заключить спасительный для нас союз с великой Россией, которая, потерпев поражение при Альме, Инкермане и потеряв Севастополь, тем не менее за сорок лет до того разбила самого Наполеона и завершила войну в Париже. Вот и сейчас русские снова показали, что умеют восставать, как феникс из пепла.

Мак-Магона передернуло.

— Да, Луи, наше положение скверное. Поэтому-то нам надо всячески добиваться благосклонности императора Александра II, начало царствования которого совпало с захватом моими победоносными войсками Малахова кургана. Я слышал, что русский царь злопамятен.

Впрочем, несмотря ни на что, он уже один раз спас Францию в 1874 году, когда пруссаки собрались нас окончательно добить. Тогда Бисмарку пришлось свалить все на неумных генералов и евреев Ротшильдов. Но, как говорят все те же русские, «раз на раз не приходится».

Тогда он не захотел дать слишком много воли пруссакам, сейчас же его настроение может быть совсем другим. Особенно если Бисмарк догадается разменять нашу милую Францию на склочную старуху Австрию, на которую у русских уже отрос зуб размером с драгунский палаш.

Герцог Деказ кивнул:

— Да, господин маршал, Россия — единственная наша надежда. И надо сделать все, чтобы привязать ее к нам. Сейчас русский царь нуждается в средствах — война ужасно дорогая вещь, и на содержание войск требуются огромные деньги. Как всегда, русской казне их не будет хватать. Поэтому надо предложить российскому министру финансов, как его... Михаилу Рейтерну, при котором государственный долг России растет как на дрожжах, подумать о заграничных займах. К нашему несчастью, эта война кончилась, так и не начавшись... Но мы что-нибудь придумаем.

Кстати, этот самый Рейтерн вхож в кружок лиц, близких к брату царя, великому князю Константину Николаевичу, который ратует за дальнейшую европеизацию России. Надо убедить Рейтерна, а через него и великого князя Константина, что России в поисках средств для латания бюджетных дыр стоит начать переговоры с парижскими банкирами.

— Да, пожалуй, — задумчиво кивнув, произнес Мак-Магон. — Займы — это как опиум для китайцев, которые быстро к нему привыкают и без которого уже никак не могут обойтись. Пусть русские привыкнут получать деньги от нас. Потом они, чтобы получить займы снова и снова, будут вынуждены послушно выполнять все наши требования. И, если надо, умирать за наши интересы.

Президент Франции прикрыл глаза.

— Хорошо, господин маршал, я переговорю с парижскими Ротшильдами, они, как я думаю, смогут убедить русского министра финансов сделать правильный выбор.

Герцог Деказ встал.

— Ну, а что мы будем делать с таинственной эскадрой?

— Господин президент, у меня появилась интересная мысль. А что, если мы пошлем в Константинополь месье Жюль Верна? Именно в Константинополь, а не в ставку русского царя, где наших людей и так предостаточно. Мы снабдим его всеми необходимыми документами и пошлем писателя в качестве полномочного представителя Французской Республики. Он своим изощренным умом попытается понять — что за таинственные корабли и летательные аппараты появились на Босфоре.

Я знаю, что многие русские являются поклонниками его таланта. Месье Жюль Верн будет рад увидеть все своими глазами. И, как истинный патриот Франции, доложит потом, что ему удастся увидеть и понять. Пусть он попробует договориться с теми людьми. Пусть льстит, обещает, договаривается...

Только если нам это будет невыгодно, мы потом все равно ничего не исполним.

Мак-Магон тоже встал и торжественно пожал руку своему министру иностранных дел:

— Я считаю, что вы, герцог, действительно, нашли остроумный и удачный ход. Действуйте!

7 июня 1877 года, вечерние английские газеты.

«Таймс»:

Чудовищное преступление русских варваров! Сотни тысяч мирных турок зарезаны в своих постелях пьяными казаками, десятки тысяч турецких женщин зверски изнасилованы похотливыми дикарями!

«Дейли Телеграф»

Весь цивилизованный мир в ужасе! Страшная резня в столице Османской империи — потоки крови лились по улицам рекой! Второе пришествие Чингисхана!

7 июня 1877 года, вечер, Лондон, Даунинг стрит, 10 — резиденция премьер-министра Великобритании.

Премьер-министр Бенджамин Дизраэли, министр иностранных дел лорд Дерби и Первый лорд Адмиралтейства Джордж Хант.

Свежеиспеченный граф Биконсфилд, несмотря на свои семьдесят три года, был удивительно подвижен и бодр. Он пригласил к себе главу внешнеполитического ведомства и Первого лорда Адмиралтейства для того, чтобы решить животрепещущий вопрос — что делать?

Встречу трех самых влиятельных политиков Великобритании открыл сам граф Биконсфилд. Упершись руками в стол, он повел своим породистым носом в сторону собеседников:

— Джентльмены, я, конечно, понимаю, что в газетах нет ни слова правды. Потому-то их и читают профаны. Но в данном случае, даже если в газетах напечатана хотя бы четверть того, что было на самом деле, то это ужасно. Турция разгромлена. Армия и флот ее уже не представляют собой реальную военную силу. Дикая орда московитов захватила Проливы, Стамбул и прилегающие к нему территории. Русские теперь могут свободно проходить из Черного моря в Средиземное. А это значит, что все наши завоевания в этом богатейшем регионе в опасности — Мальта, Суэцкий канал, Гибралтар и, наконец, Индия. Индия — это серьезно, джентльмены! Индия — это наше всё!

Турецкий пес больше не держит русского медведя за зад. Кто теперь помешает русским казакам перевалить через Гиндукуш и вломиться прямо в нашу сокровищницу, а?! Индусы? Так эти индусы только и ждут того момента, когда на Хайберском перевале сверкнут казачьи пики и штыки русских гренадер. Этого нельзя допустить! Что скажет по этому поводу лорд Дерби?

Руководитель Форин-Офиса открыл большой бювар из крокодиловой кожи с золотыми застежками и не спеша перелистал свои бумаги. Потом поднял глаза на Дизраэли:

— Видите ли, уважаемый граф Биконсфилд, мы располагаем весьма отрывочной информацией о том, что в действительности произошло в Турции. Но по тем данным, которые нашим людям удалось получить за неполные сутки от официальных и неофициальных источников, можно сказать следующее.

В Проливы вошла эскадра неизвестно откуда взявшихся кораблей под андреевскими флагами.

По нашим сведениям, эта эскадра не проходила Суэцким каналом и Гибралтарским проливом. О ней ничего не было известно буквально до момента захвата Дарданелл. Да и сейчас достоверных сведений не много.

Известно точно лишь то, что они разгромили старые береговые батареи турок, после чего внезапным ночным десантом захватили Стамбул. Бедный султан Абдул-Гамид попал в плен к этим варварам. Правда, по слухам, он вроде бы еще жив и содержится под арестом на флагманском корабле этой таинственной эскадры.

Надо отметить, что наши моряки семьдесят лет назад не показали столь замечательных результатов, — лорд Дерби бросил быстрый взгляд на Первого лорда Адмиралтейства, — в аналогичной ситуации адмирал Дакуорт не смог захватить Стамбул и едва унес ноги из Мраморного моря. У русских есть поговорка: «Нахальство — второе счастье», — лорд Дерби достал из бювара очередной листок бумаги. — В донесении, присланном нашими дипломатами из посольства в Стамбуле, даются совершенно фантастические описания русских судов: они движутся с огромной скоростью, не имеют парусного вооружения, а из их труб во время движения не валит черный угольный дым.

Конечно, наши дипломаты сами ничего не видели — русские просто не выпускают их из посольства под предлогом обеспечения их личной безопасности. Все это им рассказали турки и европейские негодяи, сбежавшие в наше посольство, спасаясь от грабежей и насилия. В городе хаос. Истины ради скажу, что русские солдаты и греческие ополченцы истребляют мародеров сотнями, но меньше их почему-то не становится.

Но не это самое удивительное. Мои информаторы своими глазами видели какие-то невиданные летательные аппараты тяжелее воздуха, которые похожи на огромных железных стрекоз. Они не только перевозят людей, но и являются носителями мощнейшего оружия. Именно так, с воздуха, был захвачен султанский дворец.

Другие летательные аппараты похожи на гигантский наконечник копья. Они с огромной скоростью проносятся над землей и водой. К сожалению, нам пока не удалось установить ни дальности их полета, ни мощности вооружения. Не исключено, что это всего лишь разведчики, — британский лорд вздохнул. — Но и это еще не все. По рассказам турецких дезертиров, не менее страшные монстры воюют у русских и на суше. Это самодвижущиеся бронированные повозки, вооруженные скорострельными орудиями, и легкие скорострельные митральезы, которые переносятся одним человеком, и странного вида карабины, которые стреляют без перезарядки много раз. Если это правда, то Британская империя в опасности. Следующей жертвой после Турции может стать наша старая добрая Англия.

Дизраэли нервно забарабанил пальцами по столу.

— Да, лорд Дерби, если в том, что вы сейчас рассказали, есть хотя бы частичка правды, то над нашими заморскими владениями нависла смертельная угроза. Но чья же все-таки эскадра вошла в Проливы? Я понял из вашего доклада, что национальная ее принадлежность точно не установлена?

Министр иностранных дел Ее Величества кивнул:

— Да, это так. Хотя корабли несут Андреевский флаг и названия их типично русские, например, «Москва», а моряки и солдаты разговаривают на русском языке, но наши люди в ставке российского императора сообщили, что ничего о какой-либо эскадре, посланной в Босфор для завоевания Стамбула, они никогда не слышали.

Правда, настораживает вот какой факт. Военным комендантом Стамбула — русские уже переименовали его в Константинополь — назначен поручик русской армии, некто Никитин, который по нашим карточкам проходил как российский разведчик, нелегально работавший на территории Османской империи.

И еще. Все донесения указывают на то, что десант крайне малочисленный — не больше полутысячи штыков. Поэтому русские срочно формируют дивизию «народного ополчения» из греков и прочих «славян». Надо сказать, что в добровольцах недостатка у них нет. Из Балаклавы в Константинополь одна за другой прибывают фелюги, набитые российскими греками, ранее служившими в Балаклавском батальоне, расформированном после 1859 года, и желающими вступить в ополчение. Их тут же делают в новой армии сержантами и офицерами. Еще немного, и у них будет полноценный тридцатитысячный корпус. Время играет против нас.

Дизраэли почесал свой огромный нос.

— Джентльмены, чем больше информации, тем гуще туман. Так кто же они? Если русские, то надо срочно направить ноту протеста канцлеру Горчакову, требуя вывести русские войска из Стамбула, а флот — из Проливов. Надо пригрозить этим варварам, что в случае упрямства они будут иметь дело с непобедимым британским флотом. Напомните им, в конце концов, про Севастополь. А если нет, если это чья-то частная инициатива, и они принадлежат к какой-то третьей силе, то необходимо выставить наглых захватчиков вон, используя для этого всю мощь Британской империи. Что скажет нам по этому поводу Первый лорд Адмиралтейства?

Молчавший все это время Джордж Хант нахмурился. Ему с самого начала не нравились известия, полученные из Турции. Помимо всего прочего, в турецком флоте и на береговых батареях в Проливах служило в качестве советников несколько сотен подданных Ее Величества. Многих из них он знал лично. И часть из них, вполне возможно, уже стала жертвой этой «эскадры-фантома» — так про себя назвал ее глава британского Адмиралтейства. Но на вопрос английского премьера надо было отвечать. И он ответил:

— Господин премьер-министр, я полагаю, что для начала надо провести разведку — направить в Стамбул какое-нибудь быстроходное судно нашей Средиземноморской эскадры. Если русские, или кто там еще, попытаются этому воспрепятствовать, то тогда у нас на Мальте есть эскадра мощных броненосцев, которые войдут в Дарданеллы и огнем своих крупнокалиберных орудий уничтожат захватчиков, нагло вторгшихся в зону наших интересов. Соответствующий приказ будет готов уже сегодня.

В этот момент в дверь вошел один из тех бесцветных клерков, на которых и держится вся британская бюрократия. Он протянул лорду Дерби запечатанную сургучом дипломатическую телеграмму:

— Из Афин, сэ, срочно, лично в руки!

Руководитель Форин-Офиса сломал печать и углубился в чтение. Лицо его внезапно пошло красными пятнами.

— Невероятная наглость, джентльмены, — сэ, Дерби швырнул телеграмму на стол, словно ядовитую змею, — командование эскадры, захватившей Проливы, объявляет Эгейское море зоной ведения боевых действий с нуля часов завтрашнего дня. Любой иностранный военный корабль, если он не принадлежит к Русскому императорскому флоту, будет уничтожен. Исключение может быть сделано для кораблей военно-морского флота Греции. Джордж, — голос министра сорвался на визг, — это в первую очередь касается вас! Какие-то русские

оспаривают право британского флота плавать, где он захочет и когда захочет! А каким-то паршивым грекам это может быть позволено только на том основании, что они, видите ли, там живут.

— Хватит! — премьер-министр Дизраэли ударом кулака по столу подвел итог совещания. — Джентльмены, мы полны решимости наказать тех, кто посмел бросить нам вызов, и наказание должно быть таким, чтобы ни у кого больше не возникло желания повторить что-либо подобное.

Вы, лорд Дерби, начинайте наступление на Россию на дипломатическом фронте. Вы, сэр Джордж Хант, поддержите лорда Дерби орудиями ваших броненосцев. И никакой разведки, удар должен быть внезапным и уничтожающим. И забудьте о том, что наговорили эти трусливые турки. Если наши валлийские сержанты не способны сделать из них настоящих солдат, то нет и никакого смысла прислушиваться к их бредням. Мы же помним Восточную войну, когда «храбрые» потомки янычар разбежались кто куда, лишь слышав казачий свист.

Ну, а я начну подготовку общественного мнения к войне с Россией и постараюсь выбить в парламенте дополнительные ассигнования на ведение этой войны. Все, джентльмены, — все свободны!

7 июня 1877 года, вечерние американские газеты.

«Нью-Йорк Таймс»

Русские нокаутировали турок! Кто станет хозяином наследства Османов? Что скажет Британия?

«Чикаго Трибьюн»

Ночной штурм Стамбула — русские рейнджеры ночью захватывают дворец султана! Турция обезглавлена! Война окончилась, так и не начавшись!

7 июня 1877 года, поздний вечер, Вашингтон, Белый дом.

Президент САСШ Рутерфорд Бирчард Хейс и госсекретарь Уильям Эвертс.

Девятнадцатый президент САСШ Рутерфорд Б. Хейс был в недоумении. По трансатлантическому телеграфу из Европы пришли сообщения, моментально оказавшиеся на первых полосах утренних газет. За какие-то несколько дней таинственная русская эскадра, ворвавшаяся подобно торнадо в Проливы, сокрушила огромную Османскую империю. При этом подробности этого сенсационного события удивляли больше, чем сам факт поражения турок.

Президент вызвал в Белый дом госсекретаря Уильяма Эвертса и потребовал, чтобы тот дал вразумительные объяснения случившемуся. Однако глава внешнеполитического ведомства и сам был сбит с толку.

Сухое бритое лицо госсекретаря было растеряно.

— Сэр, это черт знает что! Если верить газетчикам, то на бедных турок обрушились все силы ада! Корабли, которые ворвались в Проливы, смели турецкие батареи, словно крошки со стола!

А вооружение этих кораблей просто потрясает воображение! Наши мониторы против них — плавучие мишени. Связь с нашим посланником в Стамбуле до сих пор отсутствует, но мы анализируем информацию, полученную по неофициальным каналам. Самое же главное, никто не может понять — откуда взялась эта проклятая эскадра? Русский посол в Вашингтоне отказался комментировать газетные сообщения, заявив, что у него нет никакой информации из Петербурга о событиях в Проливах.

Президент задумчиво потерял свою окладистую бороду.

— Билли, я обеспокоен тем, что эта эскадра, вполне вероятно, будет искать приложения своим силам и вне Средиземноморья. А что для нее Атлантика?

Госсекретарь кивнул:

— Да, сэр, незнакомые ангелы опасней знакомых чертей. Россия на протяжении последних десятилетий была нам союзна. Мы не забудем их помощи во время Гражданской войны, когда две русские крейсерские эскадры вошли в наши порты. Англичане, готовые вступить в войну на стороне конфедератов, тогда поджали хвост. С другой стороны, мы помним, что во время турецких зверств на Балканах именно американский журналист Януарий Мак-Гахан, женатый, кстати, на русской, развернул пропагандистскую кампанию, обличающую жестокость башубузук. А вот эти новые, незнакомые русские? Что они хотят?

Президент Хейс попытался изобразить на своем постном лице улыбку.

— Знаешь, Билл, мне кажется, что твои опасения напрасны. Вряд ли эта эскадра пойдет на край света завоевывать нашу страну. У нее есть противник гораздо ближе. Я имею в виду Англию. Я думаю, что англичане, взбешенные появлением русских на Босфоре, сцепятся с ними, как два голодных койота. И русские сделают с ними то же, что уже сделали с турками. Тут, Билли, надо продумать — на чьей стороне стоит оказаться в нужный момент. Я бы предпочел быть на стороне русских.

Британская империя разрослась до невероятных размеров, как удав, проглотивший антилопу. Но это чревато заворотом кишок. Ты помнишь, как тряслись англичане, когда сипаи в Индии резали их, как цыплят. Потом, конечно, лимонники задавили индусов, но страху бритты натерпелись немало. Я слышал, что в Афганистане сейчас неспокойно, и вот-вот может начаться очередная война англичан с пуштунами. В Африке подданные королевы аннексировали Южно-Африканскую республику, и недовольные этим буры смолчали. Но война там будет, я в этом не сомневаюсь. Что все это значит? Это значит, Билл, что в случае поражения Англии все завоеванные британцами территории восстанут, как восстали сто лет назад мы, тогда еще колония Британии.

Уильям Эвертс поднял глаза к потолку, призадумавшись:

— Да, сэр, если Британия потерпит поражение, то мы должны не упустить шанс занять место англичан в тех странах, откуда их выкинут. Значит, господин президент, вы считаете, что в возможном столкновении России, или той силы, которая помогает сейчас России, с Британской империей, в нужный момент необходимо оказаться на стороне русских?

Президент Хейс глянул в окно. Сквозь тьму пробивались огоньки в окнах домов.

— Да, Билл. Я думаю, что когда русские развернут крейсерскую войну против английского судоходства, нам надо предоставить наши порты для базирования русских крейсеров. В конце концов, им надо будет где-то закупать продовольствие, уголь, давать возможность отдохнуть

экипажам. А мы, помимо щедрой оплаты за наши услуги — вы, Билл, прекрасно знаете, что на войне деньги не считают — сможем покупать у них по дешевке захваченные у англичан товары. Ну, а если англичане вздумают объявить нам войну... Тогда мы сами начнем захватывать их суда. Да и Канада у нас под боком. Без помощи метрополии она долго не продержится.

Госсекретарь пожал плечами.

— Сэр, я полностью с вами согласен. Но надо точно знать, что же произошло на Босфоре. Я полагаю, что необходимо послать в ставку русского царя нашего спецпредставителя, который смог бы разобраться во всем происходящем. Я думаю, что, во-первых, он должен быть военным, а во-вторых, достаточно уважаемым и авторитетным.

Президент Хейс кивнул.

— Билл, я думаю, что кандидатура генерала Уллиса Гранта, моего предшественника, будет наиболее подходящей. Он военный, прославившийся во время Гражданской войны, и к тому же бывший президент САСШ. Все это придаст его миссии достаточный вес. Я думаю, что генерал Грант с пользой для себя познакомится с новинками вооружений, которые появились на Балканах.

Госсекретарь Эвертс захлопнул свой бювар.

— Сэр, я завтра же напишу письмо генералу. Думаю, что он не откажется еще раз понюхать порохового дыма на полях сражений.

8 июня 1877 года, утро, поселок Малы-Дижос, неподалеку от Рущука.

Василий Васильевич Верещагин.

Сказать по правде, я и сам не могу понять — какой черт меня дернул отправиться с моряками на этой миноноске. Но наши войска готовились к форсированию Дуная, и для того чтобы турецкие мониторы, стоящие в Рущуке, не могли помешать навести мост для переправы, было решено поставить мины поперек фарватера. Ну, а мой однокашник по Морскому корпусу лейтенант Гвардейского экипажа Николай Илларионович Скрыдлов уговорил меня вместе атаковать турецкий монитор на его миноноске, носящей несколько легкомысленное имя «Шутка». Дескать, Василий, ты хотел увидеть, как выглядит взрыв мины — так если пойдешь с нами, то обязательно увидишь.

И увидел! В ночь с 6-го на 7-е июня, где-то ближе к полуночи, я услышал над головой странный шум. Как будто в небе стрекотала какая-то машина, летящая над нами на большой высоте. А потом с неба, на то место, где стояли на якорях турецкие мониторы и канонерские лодки, стали падать огненные стрелы. Вы видели падение звезды? Так вот, что-то похожее на это падение, только гораздо ярче и стремительнее.

Бегом я бросился в домик, где мы остановились, схватил этюдник и горящую свечу, приказав казаку, который, выпучив глаза, наблюдал за этим необычным явлением, держать ее у меня над головой. Не успел я сделать и нескольких мазков кистью, как в Рущуке раздался страшный взрыв, и в небо всплеснулся сноп ярко-желтого огня.

— Видать, у турок корабль взорвался! — с недоумением сказал казак, наблюдая за этим

странным «звездопадом». Несколькими минутами спустя прогремел еще один взрыв. Как одержимый я бросал краски на холст. Такого зрелища мне никогда еще не приходилось видеть.

Потом в Рущуке вспыхнули два огромных костра, которые горели долго — без малого час. Высыпавшие из домиков и палаток офицеры словно замороженные наблюдали за тем, как с неба сорвалось еще с десятков звезд и в Рущуке гроыхнуло несколько сильных взрывов.

— Господа, что это было? — раздавались недоуменные голоса морских офицеров. А матросы и солдаты радостно приплясывали и махали руками. Они видели, что от турецких кораблей в Рущуке остались одни головешки.

На следующий день, ближе к вечеру, мы вышли к Рущуку всей флотилией. Часть миноносок с шестовыми минами должны были атаковать турецкие корабли. Если они, конечно, уцелели после ночного побоища и попытаются помешать минным постановкам. Тихоходные же катера и лодки должны были ставить мины.

Вышли мы в поход затемно. Перед отправкой к нам приехал молодой Скобелев, тот, с которым я познакомился в Туркестане, и стал упрашивать командующего нашим отрядом капитана 1-го ранга Новикова, чтобы его взяли на одну из миноносок. Но Модест Дмитриевич был непреклонен, и Скобелев, огорченный, уехал, на прощание шепнув мне: «Экий вы счастливец, как я вам завидую!». Эх, дорогой Михаил Дмитриевич, если бы вы знали, от какой смертельной опасности уберег вас Модест Дмитриевич!

Вышли мы уже на закате солнца, когда последние его лучи были уже почти не видны, а на светло-красном фоне неба и воды черными силуэтами выделялись миноноски, дымящие, разводящие пары. Руки сами собой потянулись к этюднику, и я успел сделать набросок до того, как солнце окончательно скрылось за горизонтом и стало совсем темно.

Мы медленно шли по фарватеру в полной темноте. Впереди идущие катера и лодки то и дело садились на мель, и нам приходилось стаскивать их на глубокую воду. Предполагалось, что еще до рассвета мы войдем в русло Дуная и с зарей начнем класть мины. Вышло же, что уже рассвело, а еще никто даже не выбрался на фарватер.

Мы долго стояли на одном месте, чтобы дать время подтянуться остальным, и потом пошли вдоль острова, густые деревья которого скрывали еще нас от турок. Очевидно, что сделать как предполагалось, то есть тайком подойти и положить мины к турецкому берегу, было невысказано; вдобавок, кроме нашей и еще одной-двух, все остальные миноноски страшно дымили и пытели, так что одно это должно было выдать весь отряд.

Только мы стали выходить из-за первого островка, как из караулки противоположного берега показался дымок, раздался выстрел, за ним другой... И пошло, и пошло, чем дальше — тем больше. Берег был недалеко, и мы ясно видели суетившихся, перебежавших солдат; скоро стало подходить много новых стрелков, особенно черкесов, и нас начали осыпать пулями, то и дело булькавшими кругом лодки. Сделалось вскоре очень жарко от массы падавшего свинца; весь берег буквально покрывался стрелками, и выстрелы представляли непрерывную барабанную дробь.

Грозно, тихо двигались миноноски; первые уже остановились у берега и начали работу, когда последние только еще входили в русло реки. Солнце давно вышло; было светлое летнее утро, легкий ветерок рябил воду. Мины приходилось класть под выстрелами. Отряд, начав погружать их, сделал большую ошибку в том, что сейчас же прямо не пошел к турецкому, то есть правому берегу, а начал с этого — левого; вышло то, что первые мины уложили порядочно; даже около

середины мичман Нилов бросил свою мину, но второпях неладно, так как она всплыла наверх; далее же никто из офицеров не решился идти, так что половина фарватера осталась незащищенной.

Лейтенант Скрыдлов вел себя хладнокровно под огнем неприятеля. Пользуясь тем, что со стороны Рущука вооруженных пароходов так и не было обнаружено, мы с ним закусили вареной курицей и выпили по глотку хереса. После чего приятель мой прилег вздремнуть, и — странное дело — его крепкие нервы действительно позволили ему это сделать.

Я не спал: стоял на корме, облокотись о железный навес, закрывавший машину, и следил за рекой по направлению к Рущуку. Тем временем обстрел противником все усиливался. По берегу стрелки и черкесы стали кубарем спускаться до самой воды, чтобы стрелять в нас поближе, и буквально осыпали миноноску свинцом; весь берег был в сплошном дыму от выстрелов.

Видел, что Скрыдлова, сидевшего у штурвала, передернуло — его ударила пуля, потом другая. Я стоял, поставив одну ногу на борт; слышу сильный треск подо мной и удар по бедру, да какой удар! — точно обухом. Я перевернулся и упал, однако тотчас же вскочил на ноги.

Мы шли по течению, очень близко от турецкого берега, откуда стреляли теперь совсем с близкого расстояния. Как только они не перебили нас всех! Бегут за нами следом и стреляют, да еще ругаются, что нам хорошо слышно. Я пробовал отвечать несколькими выстрелами, но оставил, увидев, что это бесполезно.

Как мы добрались до дома — одному богу известно. «Шутка» была совсем разбита и, очевидно, не годилась для дальнейшей работы; оказались большие пробоины не только выше, но и ниже ватерлинии; свинца, накиданного выстрелами, собрали и выбросили несколько пригоршней. У Скрыдлова две раны в ногах. Я ранен в бедро, в мягкую часть. Пуля ударила в дно миноноски, потом рикошетом прошла через бедро навывлет — перебила мышцу и на волос прошла от кости; тронь тут кость, верная бы смерть. Нас вытащили на румынский берег. Из весел сделали носилки и положили на них Скрыдлова, а я пошел пешком; сгоряча я не чувствовал ни боли, ни усталости. Но, пройдя с версту, почти повис на плечах поддерживавших меня матросов.

На берегу встретил я Скобелева, издали наблюдавшего за установкой мин; мы расцеловались. Он только повторял: «Какие молодцы, какие молодцы!»

Признаюсь, я долго не понимал, что ранение серьезное. Через пару недель — я был в этом убежден — можно будет опять присоединиться к передовому отряду, с которым я до сих пор шел.

Кроме небольшой лихорадочности и возбужденности, ничего дурного не чувствовалось, и боли в ране не было ни малейшей, хотя мой палец и ощупал большую прореху в платье, белье и тканях мышцы, а все любопытствовавшие при виде раны, несмотря на нежелание пугать меня, не могли удержаться от восклицаний: «У-у!» или «О-о! Однако разорвало-таки вам!».

«Ничего, заживет! — утешал я сам себя. — Поеду в главную квартиру, подлечусь немного — и скоро опять буду на ногах».

Бухарест, 8 июня (27 мая) 1877 года.

Генерал-адъютант Николай Павлович Игнатъев.

Итак, в пятницу я вместе с государем отправился в Бухарест. Свита была самая малочисленная: канцлер Горчаков, один, без его клевретов, командующий императорской главной квартирой, генерал-адъютант, граф Александр Владимирович Адлерберг и дежурные.

Меня взяли в виде исключения, так как румынский домнитор-князь Кароль, или, как я называю его по старой привычке, Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген, лично приглашал меня приехать в Бухарест, а одному туда отправляться для политики мне не хотелось. Генерал-адъютант князь Александр Аркадьевич Суворов просился с нами, а вот его не взяли!

Выехали мы с утра, и въезд в город был самый торжественный. На улицы высыпало много народу, по моим подсчетам, никак не меньше сорока тысяч. И это при том, что все население Бухареста чуть больше ста тридцати тысяч! Среди встречавших я увидел множество хорошеньких дам (гм!), они бросали нам цветы, выкрикивали приветствия. У государя вся коляска была засыпана цветами.

Я ехал с военным министром Дмитрием Алексеевичем Милютиным, а князь Горчаков со своим румынским коллегой Иоаном Братиано. Так уж получилось, что у них с ездой что-то не заладилось. Сначала лошадь начала беситься. Пересадили канцлера в другую коляску. А у той колесо отвалилось, и старик чуть не вывалился на землю. Посадили в коляску обычного извозчика — лошади понесли. Эх, неспроста все это! Похоже, что наша внешняя политика схожа с сегодняшним путешествием канцлера.

Жара была сильная, и Горчаков утомился. Потом он сам признался, что ему не по силам находиться в Главной квартире. По всей вероятности, когда мы пойдем далее, его оставят в Галаце.

И это к лучшему — у меня не выходил из головы ночной разговор с пришельцами из будущего. Пока здесь, в Плоешти, «Золотая орда» интриговала и наушничала друг на друга, они фактически сделали за нас все дело. Да, с этими господами приятно иметь дело. Хотя и опасно. Они знали о нас все, а мы о них — ничего. Надо будет прикинуть — кого из моей особо доверенной агентуры направить к ним, чтобы узнать о них побольше. Хотя вряд ли получится: вон, они моих лучших разведчиков вычислили — Леонтьева, Паренсова. А ведь о них никто, кроме меня да полковника Артамонова, ну и еще двух-трех человек, не знает. Да, трудно мне будет с ними. Ну, а как иначе — какой же я разведчик, если даже не попытаюсь сунуть свой нос туда, где водятся секреты, связанные с безопасностью государства.

Пока государь вел светскую беседу с князем Каролем и его очаровательной супругой Елизаветой цу Вид, мы обговорили все насущные вопросы с Иоаном Братиано. Он был горячим сторонником вступления Румынии в войну на нашей стороне. Я думаю, что это уже вопрос решенный. А уж если румыны узнают о том, что воевать-то фактически не с кем!.. Тут они, естественно, окончательно расхраблятся...

После обеда мы попрощались с гостеприимными хозяевами и стали собираться в обратный путь. И тут произошло то, чего я с трепетом в душе дожидался... Едва наш кортеж отъехал от дворца князя Кароля, как навстречу нам, чуть ли не под копыта коней императорской коляски, бросился мальчишка-газетчик. Он что-то громко вопил по-румынски. Я понял из его воплей лишь слова «Стамбул», «султан», «русеште». Я догадался, что речь идет о моих вчерашних гостях.

Государь тоже заинтересовался содержанием газеты. Он жестом подозвал к себе крикливого мальчишку и, сунув ему целковый, стал вчитываться в заголовок на первой полосе. Ничего толком не поняв, он просил сидевшего рядом с ним Братиано перевести ему.

Из своей коляски я наблюдал за реакцией императора. Она была бурной. Поначалу государь слушал все, что переводил ему Братиано, с недоумением, потом он окончательно оторопел и, открыв рот, пытался сообразить — о чем собственно идет речь.

— Николай Павлович! — крикнул он мне. — Будьте любезны, подойдите, пожалуйста!

Я подошел к коляске государя. Он протянул мне газету и дрожащим от волнения голосом сказал:

— Я ничего не могу понять... Или я сошел с ума, или *это* написал пациент «дома скорби».

И не менее ошарашенный Братиано перевел мне заголовок: «Проливы захвачены эскадрой кораблей под Андреевским флагом! Стамбул пал! Султан в плену у русских!»

— Николай Павлович, это перепечатка сообщения французского агентства Гавас. Вы ведь знаете, что это одно из трех самых крупных мировых информационных агентств, и вряд оно будет так глупо шутить.

Я посмотрел на государя, потом на Братиано. Рассказывать царю в присутствии этого румына, пусть даже и сочувствующего нам, мне не хотелось.

— А вы не могли бы уточнить достоверность этого сообщения по каналам вашего министерства? — спросил я его. Заинтригованный и удивленный Братиано кивнул головой, и наскоро попрощавшись, пешком, почти бегом, отправился в свою резиденцию.

Оставшись вдвоем с императором, я предложил ему продолжить наш путь. А потом, когда коляска тронулась, прочитал про себя молитву, вздохнул, и сказал:

— Ваше величество, я в курсе всего произошедшего. Скажу больше — все, что написано в этой газете — истинная правда!

Государь, успевший немного прийти в себя, снова открыл рот от удивления:

— Голубчик, с вами все в порядке? Может быть, жара и солнце вызвали у вас удар?

Я улыбнулся.

— Ваше величество, ночью я общался с одним из тех, кто привел в Проливы эту эскадру кораблей. Они вооружены лучшим в мире оружием, причем таким, о котором даже никто и не подозревает. Десант, высаженный с эскадры, взял штурмом дворец турецкого султана, а сам Абдул-Гамид оказался в плену...

Я расстегнул свой саквояж и достал оттуда пакет с фотографиями, который давеча передал мне капитан Тамбовцев.

— Вот, ваше величество глядите, это не шутка — это *есть*!

— Господи, да что ж это происходит! — воскликнул изумленно царь, перебирая фотографии. — Николай Павлович, ради всего святого, кто они — эти чудо-богатыри, которые смогли сделать то, что не удавалось ни одному российскому монарху?

— Государь, это наши потомки... По неведомому пока промыслу Господнему, — я перекрестился, царь последовал моему примеру, — эскадра русских кораблей, отправившаяся под Андреевским флагом в поход к берегам Сирии, из двадцать первого века попала в век

девятнадцатый. Оказавшись в нашем времени, они, не колеблясь ни на минуту, приняли решение помочь своим предкам в их борьбе с Османской империей. И помогли...

Государь дрожащими руками вернул мне пакет.

— Николай Павлович, а почему вы ничего не сказали мне о том, что вам удалось встретиться с одним из наших потомков?

Я задумался. Надо было сказать правду государю, и в то же время не обидеть его.

— Видите ли, ваше величество, наши потомки знают о нас многое. Они знают то, что произойдет в самом ближайшем будущем. Поэтому им известно, что многие из вашего, государь, ближайшего окружения, порой бывали слишком нескромны в разговорах с лицами, которые не являлись доброжелателями нашей державы. Что имело в дальнейшем крайне неблагоприятные последствия. Именно потому я и решил переговорить о том, что мне стало известно, только с вами, ваше императорское величество, с глазу на глаз, лично.

Дело в том, что то будущее, из которого явились наши потомки, по сравнению с нашим тихим и спокойным временем — это просто ад крошечный. Например, там, если две самые крупные державы, Россия и САСШ, развяжут между собой войну, то все живое на планете может быть уничтожено несколько раз. И истоки того ада, по словам наших потомков, лежат именно здесь, в нашем времени. Они говорят, что когда Господь переправлял их сюда, Он повелел им поступать согласно со своей совестью... — я еще раз перекрестился. — К тому же, ваше величество, если вы не против, сегодня вечером вы можете встретиться с официальным представителем наших потомков. Данный представитель имеет полномочия от своего командования на ведение переговоров о сотрудничестве для борьбы с общими врагами.

Государь что-то шептал, прикрыв глаза — кажется, он молился... Потом, открыв глаза, он посмотрел на меня.

— Господи, как же все просто... Взять флотских из будущего, которым ничего не надо, кроме России и моря, и повелеть им поступать в соответствии с собственной совестью! Нет силы, способной им противостоять, и все грехи, конечно же, им отпущены вперед, — государь схватил меня за руку, — Николай Павлович, конечно же, я готов встретиться с этим посланцем! Когда и где это произойдет?

— Сейчас я переговорю об этом с одним из них. Ничему не удивляйтесь, государь, никаких чудес — это только техника будущего.

Сказав это, я вынул из кармана прибор, который капитан Тамбовцев назвал радиостанцией, нажал, как он показывал мне, на одну из кнопок и, дождавшись, когда на корпусе черной прямоугольной коробочки загорится яркая зеленая точка, нажал на другую кнопку, после чего поднес прибор к лицу и сказал:

— Капитан, здесь генерал Игнатьев.

Император, с изумлением смотревший на мои манипуляции, вздрогнул, услышав из коробочки хрипловатый голос капитана Тамбовцева:

— Николай Иванович, я слушаю вас, прием.

— Капитан, государь готов встретиться с полковником Антоновой. Просьба сообщить время, когда она прибудет в Ставку... — и, подражая капитану, перед тем как отпустить кнопку

радиостанции, сказал: — Прием!

Через минуту радиостанция голосом капитана произнесла:

— Сегодня вечером в 20.00, ждите. Конец связи.

Я выключил коробочку и убрал ее в карман.

— Вот, ваше величество, это наши потомки тоже могут. Они по беспроводному телеграфу связываются друг с другом, преодолевая огромные расстояния. Право же, какая мелочь, а приятно...

Государь еще минут пять не мог прийти в себя:

— Николай Павлович, это какая-то фантастика! Прибор, с помощью которого можно разговаривать с человеком на расстоянии! А самое главное: женщина — полковник! Неужели у них это возможно?!

Я хмыкнул.

— Ваше величество, жизнь у них сильно изменилась. Ко многому нам придется привыкнуть... — я пожал плечами. — Ну, и после вашей прабабки-императрицы разве на Руси кого удивишь женщиной-полковником? К тому же проще будет соблюсти секретность. Ведь, согласитесь, что вечерний визит незнакомки к вам... Словом, государь, вы меня понимаете?

В ответ на мою последнюю фразу государь игриво ухмыльнулся и пригладил усы...

7 июня (26 мая), полдень, борт «Адмирала Кузнецова».

Цесаревич Александр Александрович и контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов.

После обеда в компании наших офицеров, я повел его высочество на экскурсию по кораблю. Кстати, чтобы развеять некоторые мифы, распространяемые в наше время вокруг особы императора Александра III, скажу, что Александр Александрович за обедом выпил только маленькую рюмку водки. Для аппетита. И совершенно отказался от продолжения. Да-с! А то некоторые развели черный пиар, алкаш, мол, был, не просыхал ни днем ни ночью. Да после Борьки-козла — он вообще трезвенник.

Осмотр мы начали с палубы корабля. Я провел цесаревича от кормы авианосца до носового трамплина, по дороге показав аэрофинишер, газоотбойные щиты и шахты ПКРК «Гранит», пояснив ему, что взлетевшая отсюда ракета может пролететь 400 верст, после чего самостоятельно найти и утопить любой из существующих ныне кораблей. Я предусмотрительно промолчал про то, что некоторые из этих «Гранитов» снаряжены спецбоеприпасами и предназначены для уничтожения целых эскадр. Или военно-морских баз — без разницы. А в электронной памяти системы наведения хранятся карты всей нашей планеты. Не сказал я ему и о том, как порой у меня появляется желание шандарахнуть таким вот спецбоеприпасом по Лондону — вместе с его Сити, сэрами, пэрами и хэрами.

Потом наследник российского престола долго изучал стоявшие на палубе вертолеты и самолеты. Забравшись по лесенке, он даже заглянул в кабину «МиГа». Но, вполне естественно, так ничего и не разобрал в хитросплетении лампочек, кнопок и дисплеев. От идеи влезть

внутри он отказался сразу, сопоставив свое богатырское телосложение и сравнительно небольшие габариты кабины.

— Виктор Сергеевич, — пробасил цесаревич, спустившись на палубу после осмотра кабины, — сказать по чести, я там ничего не понял. А долго надо учиться на этого... на пилота?

Я пожал плечами:

— Александр Александрович, на военного летчика учатся пять лет, как и, к примеру, в Морском корпусе. Только вот летчик-истребитель — это совершенно отдельная статья. Это лучшие из лучших. Каждый из них — настоящий универсал. Во-первых, надо управлять машиной, летящей со скоростью, превышающей скорость звука. Вот, вы моргнули глазом, а полверсты уже позади. Во-вторых, он еще и штурман, который должен не только управлять машиной, но и ориентироваться на местности, определяя цели на ней. В-третьих, он бомбардир, применяющий оружие при полете на бешеной скорости. А ведь своих и чужих очень часто разделяют какие-то десятки шагов. Я бы, к примеру, не взялся управлять подобной машиной. Нет у меня таких талантов, потому-то я всего лишь моряк, а не пилот.

В ответ на мою тираду цесаревич только уважительно покосился на стоящего в сторонке подполковника Хмелева, командира авиагруппы, потом подошел к нему и пожал ему руку двумя своими лапищами.

— Хочу поблагодарить вас, господин подполковник, за дела под Баязетом и Карсом. Ведь скольким нашим солдатикам и офицерам спасли жизнь ваши люди! Передайте и им мою глубочайшую благодарность!

Расчувствовавшись, он подозрительно долго сморкался в огромный белый платок.

У ЗРАК «Кортик» мы задержались минут на тридцать. Цесаревич с почтением разглядывал стволы шестиствольных 30-миллиметровых зенитных автоматов. Когда ему рассказали, что эти «митральезы» могут стрелять на дальность до четырех верст со скоростью десять тысяч выстрелов в минуту, то цесаревич был ошеломлен и долго не мог поверить, что такое вообще возможно.

Потом мы побывали в машинном отделении, в ангаре, на камбузе, где «полковник Александров» снял пробу с наваристого флотского борща и гречневой каши с мясом. В боевой рубке он с уважением смотрел на приборы, экраны мониторов и мерцающие огоньки на панели управления. Естественно, гость из прошлого ничего толком не понял, но, однако, впечатлился по полной.

К тому времени как мы снова оказались на палубе авианосца, там, по моей просьбе, уже построили человек пять спецов из «летучих мышек» полковника Бережного. Они должны были продемонстрировать цесаревичу свое искусство обращения с огнестрельным и холодным оружием. Заодно сюда же пригласили и пленного султана, который уже успел завести нечто вроде дружбы со своим «опекуном», майором Османовым. Последнее время они частенько прогуливались вдвоем по палубе, о чем-то беседа по-турецки.

Я глазами показал цесаревичу на «сладкую парочку» и шепнул:

— Александр Александрович, обратите внимание, вон тот турок, который в феске и шитом золотом мундире, — захваченный нашими бойцами султан Абдул-Гамид II. Сейчас он наш «почетный гость».

Мой спутник внимательно посмотрел на бывшего владыку огромной империи и кивнул ему головой. В свою очередь майор Османов что-то шепнул на ухо султану. Тот вытаращил глаза, а потом, приложив к груди правую руку, вежливо склонил свою голову в феске.

Спецназовцы продемонстрировали свой типовой спарринг, с маханием руками и ногами, а также трюки для ждущей острых ощущений публики — с разбиванием ребром ладони кирпичей и проламыванием досок ногами. Цесаревичу очень понравились их экзерциции. Он одобрительно кивал, подбадривая «спецов», а в самые острые моменты даже хлопал в ладоши и кричал «браво».

Потом он не выдержал и решил продемонстрировать свою силушку. Достав из кармана медный пятак, цесаревич легко согнул его, а потом, когда посланный в корабельную мастерскую матрос принес толстый железный прут, Сан Саныч, взявшись своими огромными ручищами за его концы, завязал прут узлом. Султан с удивлением и даже с каким-то почтительным испугом смотрел на могучего сына «русского падишаха».

Матросы принесли несколько деревянных ящиков, мешок с пустыми консервными банками и предложили гостям пострелять. Цесаревич, прекрасный стрелок из всех видов огнестрельного оружия того времени, из принесенного его адъютантом револьвера «Смит энд Вессон» с расстояния тридцати шагов шестью выстрелами сшиб в море шесть пустых банок. Султан, который тоже был отличным стрелком, умоляющими глазами посмотрел на меня и через майора Османова передал просьбу — разрешить и ему показать свое умение обращаться с оружием. Я разрешил, но на всякий случай жестом незаметно показал на Абдул-Гамида одному из бойцов Бережного. Тот сразу все понял и переместился за спину султана, незаметно расстегнув кобуру своего АПС.

Османов взял из рук цесаревича перезаряженный «Смит энд Вессон» и с полупоклоном передал его Абдул-Гамиду. Тот схватил оружие и с каким-то хищным выражением лица открыл огонь по выставленным на ящиках банкам. Стрелял он действительно неплохо, во всяком случае, не сделал ни одного промаха. С таким же вежливым полупоклоном он отдал Османову револьвер и победно посмотрел на цесаревича, дескать — и мы не лыком шиты!

И вот тогда майор Османов решил показать всем — что такое стрельба с точки зрения спецназа двадцать первого века. Получив разрешение, он сбегал за своим оружием, потом расставил на ящиках сорок пустых консервных банок. Отойдя шагов на пятьдесят, остановился и стал ждать мою команду.

Я махнул рукой. Османов, мгновенно выхватив из кобур пистолеты АПС, с двух рук открыл огонь по мишеням, практически не целясь. Он несколько раз выстрелил стоя, потом — с колена, потом — с переката, потом — на ходу. Щелкнув, затворы «стечкиных» встали на затворную задержку. Османов победно взглянул на зрителей и жестом показал в сторону ящиков. Ни одной банки на них не осталось!

— Молодец, какой молодец! — не удержавшись, воскликнул цесаревич. — Никогда в жизни я не видел такой стрельбы! Майор, где вы научились всему этому?

— Нас этому учили... — загадочно сказал Османов, убирая пистолеты в кобуры. А султан, тот пришел в просто неописуемый восторг от стрельбы своего соплеменника. Абдул-Гамид снял с пальца драгоценный перстень и торжественно преподнес его Османову:

— Эфенди, этот изумруд достоин украсить руку настоящего мастера! Ничего лучше вашей стрельбы я в жизни не видел! Чок гюзел!

Александр Александрович, дабы не ударить в грязь лицом и ни в чем не уступить султану, подарил Османову свой золотой портсигар.

Цесаревич с нетерпением поглядывал на свои часы.

— Виктор Сергеевич, мне уже пора. К вечеру я должен быть в Плоешти. В противном случае меня могут хватиться. Я полагаю, что мы еще не раз с вами увидимся. Хочу сказать, что за этот день я узнал столько, сколько не узнал за всю свою жизнь. Я был бы рад считать себя вашим другом, — и цесаревич протянул мне свою огромную ладонь. Я с большим удовольствием ее пожал.

Вместе с наследником престола в Плоешти улетела и полковник Антонова. Она должна была вечером встретиться с царем. Цесаревич галантно поцеловал ручку Нине Викторовне и выразил неподдельное изумление, когда узнал, что эта очаровательная женщина носит чин полковника и руководит всеми разведывательными операциями нашего соединения. Но после всего сегодня увиденного он воздержался от комментариев.

А потом были проводы, шум улетающего вертолета и долгие раздумья по поводу дальнейших наших взаимоотношений с будущим российским императором.

7 июня (26 мая), полдень, борт авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов».

Майор Османов.

Взлетевший в небо вертолет с наследником российского престола на борту медленно растаял вдали. Проводив его взглядом, султан повернулся ко мне и задумчиво сказал:

— Мехмед-Хаджи, я знал вас как умного собеседника, тонкого дипломата и знатока Корана. Но я даже не догадывался, что вы еще и великий воин. Как жаль, что я не был с вами знаком раньше. Тогда, когда я еще был владыкой империи Османов. Клянусь, я бы сделал вас визирем. Под вашим мудрым руководством Турция не наделала бы столько ошибок, и тень погибели не коснулась ее.

Я с улыбкой посмотрел на него:

— Эфенди, а что зависит от падишаха и его визиря в Оттоманской Порте? Да ничего! Вы посчитайте, сколько императоров со времен Петра I сменилось в Петербурге и сколько султанов в Стамбуле? Брат убивал брата, сын — отца, племянник — дядю. И все это ради сомнительного удовольствия стать следующей жертвой на алтаре Власти. Вокруг трона падишаха измена, обман и предательство. Я бы не прожил в вашем дворце и двух месяцев, несмотря на все мое воинское искусство. Яд братоубийства в наших собственных жилах. Империя Османов пожрала сама себя.

Абдул-Гамид смотрел на меня с каким-то благоговейным ужасом.

— И кроме того, хоть я и турок, но я русский турок. Великой России служили мой прадед, дед, отец. Служу ей и я. Возможно, вы не знаете, что среди русских военачальников были и турки по рождению. Вам имя генерала графа Кутайсова Александра Ивановича ничего не говорит?

Султан пожал плечами.

— Так знайте, что это сын бедного турка, мальчик, которого русские подобрали в крепости Бендеры. Он был подарен наследнику русского престола Павлу Петровичу. Цесаревич стал воспитателем ребенка. Позднее он сделал из него своего приближенного и дал титул графа. А сын его стал русским генералом, командующим артиллерией 1-й русской армии, сражавшейся с Наполеоном. И во время великого сражения при Бородино генерал Александр Кутайсов геройски погиб, защищая Москву и Россию.

— Да, он, наверное, тоже был великим воином, — вздохнув, сказал султан. — Как жаль, что нашим странам приходилось больше воевать, чем жить в мире.

Я пожал плечами:

— Все несчастья империи Османов начались в 1528 году, когда султан Сулейман Великолепный получил письмо от французского короля Франциска I. Этот король сражался с испанцами, был разбит ими под Павией, попал к ним в плен, после чего, в поисках союзников, обратился за помощью к султану Сулейману. С той поры Турция стала игрушкой в чужих руках. Она помогала то одной, то другой европейской стране, лезла в ненужные ей войны, заключала опрометчивые союзы. А «друзья» Османов, пользуясь этим, потихоньку отрывали от империи один кусок за другим. Это как подстрекатели, заставившие простодушного богатыря влезть в драку с соседом, а сами тем временем растаскивающие его добро.

— Но ведь Турция столько лет воевала с Россией, — возразил мне Абдул-Гамид, — и цари, начиная с Петра I, тоже не упускали случая урвать кусок от Османской империи.

Я пристально посмотрел на него.

— Да, эфенди, Россия воевала с Турцией не одну сотню лет. Но почему! Вы бы спросили у моих русских друзей, что для них значит слово «турок»?! Они бы вам ответили, что это значит: грабеж, разбой, смерть, полон, пожар! Россия стремилась только обезопасить свои границы от набегов крымских разбойников-татар, которые грабили и жгли русские города и села. А за их спинами стояли полки янычар, которые спасали этих разбойников, когда русские полки приходили в Крым, чтобы наказать их. Да и турецкие оджаки не раз ходили вместе с татарами на русские земли для того, чтобы их пограбить. Ну как усидеть в гарнизонах, когда есть возможность захватить чужое добро.

Абдул-Гамид невольно отшатнулся, увидев мое лицо.

— В конце концов императрица Екатерина Великая присоединила Крым к России и обуздала татар-людоловов. Бывшее Дикое Поле, пустое и безлюдное, превратилось под властью русской державы в процветающий край — Новороссию. Вот на этом османским султанам и нужно было смирить свой гонор, подвести черту и дальше жить в мире с Россией.

— Да, пожалуй, — вздохнул султан, опустив голову. — Тем более что именно бритты, франки и австрийцы толкали моих предшественников на войну с русскими.

Я решил добить султана:

— А ведь именно французы, старинные друзья Османов, ударили им в спину. Наполеон Бонапарт напал на Египет и, безжалостно вырезая турецкие гарнизоны, рвался в глубь Османской империи. И тогда Турция подписала союз с Россией. В 1798 году эскадра адмирала Кадыр-бея вместе с эскадрой адмирала Ушакова завоевала Ионические острова и взяла штурмом неприступную крепость Корфу, в которой сидел французский гарнизон. Сам грозный Ушак-паша был вашим союзником!

— Да, я знаю об этом, — сказал султан, — но ведь то, о чем вы рассказывали, было в далеком прошлом!

— Тогда, может быть, стоит вспомнить события сорокалетней давности, — продолжил я. — В 1832 году на Стамбул двинулись войска взбунтовавшегося вассала Турции, правителя Египта Мухаммеда Али. Его, между прочим, подстрекали на мятеж те же французские «друзья» Османов. И кто тогда пришел на помощь султану Махмуду II?

— Русский корпус генерала Муравьева и русская эскадра адмирала Лазарева, — нехотя, буквально сквозь зубы, ответил Абдул-Гамид.

Я ткнул пальцем в грудь экс-султана:

— Да, хотя русский император Николай I легко мог бы поделить Турцию с мятежными египтянами, и никто на свете не помешал бы им это сделать. Россия в те годы была на вершине своего могущества. Ваши «друзья» опутали Турцию долгами, довели ее до банкротства и снова втравили в войну с Россией. Они уже готовятся потребовать за дипломатическую и политическую поддержку турецкие территории. Англии, например, приглянулись Кипр и Египет, а Австро-Венгрии — Босния и Герцеговина. Это их такая плата за нейтралитет. Ну, и остальные подтянутся. Они будут словно грифы-стервятники у умирающего буйвола — ждать, когда тот испустит последний вздох.

Абдул-Гамид взялся руками за голову:

— Так что же нам остается делать? Ведь теперь и вы, и Российская империя можете делать с нами все, что вам вздумается.

Мне вдруг стало жалко этого человека, вчера безмерно могущественного, пусть и ходящего по лезвию отравленного кинжала, а сегодня павшего в прах.

— Эфенди, будьте мужественны. После этой войны от Турции неизбежно отпадут все территории, где турок считают только захватчиками и грабителями. Терпение Всевышнего истощилось за триста лет разбоев и убийств. На части территории бывшей Османской Порты, по праву завоевания, будет образовано новое государство. Кажется, что его решили назвать Югороссией. Какие точно территории в европейской и частично азиатской частях бывшей Османской империи оно займет, а на какие распространит свой вассалитет — это пока под вопросом. На Кавказе Российская империя, скорее всего, заберет всю Великую Армению; а также Сирию и Палестину. Таков закон всех войн — горе побежденным! Тем более что вы сами долго и упорно лезли в эту войну, а на тех землях местное население турок люто ненавидит.

Теперь же турки могут жить как захотят, там, где они составляют большинство — в Анатолии. Конечно, это будет уже не империя, но правитель нового государства, назовем его эмир, будет полным хозяином в нем. На этой территории не будет греков, болгар, армян и прочих неверных, которых можно резать. Так что турки смогут жить в мире сами с собой. А если эмир турецкий захочет заключить договор о союзе с Российской империей или Югороссией, то никто на свете не рискнет посягнуть на его рубежи. Надеюсь, вы уже убедились, что русские свято соблюдают договора?

— Значит, трехсотлетней великой империи Османов пришел конец? — с горечью в голосе спросил меня Абдул-Гамид.

— Все империи умирают, рано или поздно. Вспомните, эфенди, империю Александра Македонского, Римскую империю, Византийскую. Они тоже распались, погибли. Где сами, а

где под ударами врагов. Но смерть зерна — это новая жизнь для колоса. На месте старых империй появились новые государства. Возможно, что государство, в котором вы будете править, не повторит роковых ошибок ваших предшественников. Оно не будет слушаться советов дурных «союзников» и будет более разборчиво в выборе друзей.

И самое главное — судьбу Турции решила религиозная нетерпимость. Российская империя сильна тем, что, несмотря на то что ее народы молятся разным богам, все они считают себя единым целым. А с тех пор как в Турции стали делить подданных на «правоверных» и «неверных собак», судьба империи была предрешена. Как говорил бог христиан Иисус Христос, а наш хазрат Иса: «Если царство разделится само в себе, не может устоять царство то; и если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот».

— Кысмет, — сказал Абдул-Гамид, склонив голову, — Иншааллах — на все воля Аллаха. Может быть, вы и правы, Мехмед-Хаджи. Я буду просить вашего падишаха Александра, чтобы он разрешил вам быть со мною рядом, когда мне придется строить новое государство Османов. Я сделаю вас своей правой рукой и без вашего совета не приму ни одного важного решения. Мне почему-то кажется, что мы с вами сможем стать друзьями.

И бывший султан, по восточному обычаю, трижды обнял меня. Я не стал ничего ему обещать, лишь сказал:

— Судьба турок — в руках самих турок. Аллах дает им возможность начать новую историю с чистого листа. Надо использовать эту возможность.

Абдул-Гамид тяжело вздохнул и сказал:

— Мехмед-Хаджи, я готов подписать фирман, в котором я прикажу всем своим войскам, где бы они ни находились, прекратить сопротивление и сложить оружие. К чему лишние жертвы? Мне понадобятся подданные для нового государства. А те безумцы, которые не захотят меня послушаться и будут продолжать лить чужую и свою кровь, пусть считаются мятежниками, и с ними каждый может поступать так, как ему заблагорассудится. Я принял решение — можете сказать об этом вашему командующему.

Я тяжело вздохнул — бедный наивный идеалист... Сейчас его фирман для многих — просто клочок бумаги. Паши и беи при известии об его пленении уже начали кровавую резню в борьбе за свой, хотя бы мизерный кусочек власти.

И еще бывший султан империи-банкрота не знал: какие несметные богатства мы уже изъяли и продолжаем ежедневно изымать на блокпостах у бегущих из столицы турецких сановников. Османская империя для всех была нищей, как церковная мышь. Но кое-кто из власти предержавших успели наворовать столько, что для вывоза их добра нужен целый караван верблюдов.

И какова будет личная судьба свергнутого Абдул-Гамида — это еще никому не известно. Быть может, ему вернут кусочек власти под нашим контролем в Анатолии и он будет там своего рода новым эмиром Бухарским? А может, его, как имама Шамиля, отправят вместе с гаремом в почетную ссылку куда-нибудь в Саратов, где он будет избавлен от государственных забот и займется своим любимым делом — изготовлением мебели? Время покажет. Но уж точно мы не будем его травить и резать кинжалом — не наш это метод.

8 июня (27 мая), Плоешти, вечер, Императорская главная квартира.

Встречу государя и прекрасной представительницы потомков пришлось организовывать лично мне. Я отправил в указанное место свою коляску с кучером и лакеем. Там в нее села мадам Антонова, сопровождаемая то ли слугой, то ли телохранителем. На полковнике было надето синее дорожное платье, подчеркивающее стройность ее фигуры. На черных волосах Нины Викторовны прекрасно смотрелась маленькая шляпка с вуалью. А вот на ее спутнике гражданская одежда выглядела неестественно. Сюртук сидел мешковато, а котелок на голове все время пытался съехать набок.

По дороге к дому, где остановился царь, они заехали за мной. И уже в сумерках мы остановились у резиденции государя. Предупрежденный заранее флигель-адъютант встретил нас у входа и пригласил пройти к ожидавшему российскому самодержцу. Стоявшие неподалеку двое «золотоордынцев» оценивающе взглядом окинули стройную, немного плотную и мускулистую фигуру мадам Антоновой и понимающе переглянулись. То-то будет завтра сплетен и слухов!

Оставив у коляски мрачного и неразговорчивого спутника посланницы, а также вездесущего капитана Тамбовцева, который как-то незаметно появился у царской резиденции, словно сконденсировавшись из вечерних сумерек, я вошел с полковником в гостиную, где нас с нетерпением уже ожидал российский император Александр II.

Скажу прямо, государь был несказанно удивлен. Видимо, он ожидал увидеть женщину, габаритами напоминающую торговку с Сенного рынка, а по ухваткам — маркитантку из обоза. А тут перед ним появилась изящная дама скорее молодых, чем средних лет. Черные волосы стянуты в классическую прическу, длинные ресницы и алые губы идеально гармонируют на пусть и не юном, но все-таки без единой морщинки лице. А ведь капитан Тамбовцев сказал, что Нине Викторовне пятьдесят два года. Ни за что ей не дать столько, максимум тридцать два. «Да они что там, в будущем, черт побери, эликсир вечной молодости нашли? — размышлял государь. — Хотелось бы приобщиться, если так!»

— Добрый вечер, мадам, — приветствовал он полковника, целуя ей ручку, — я весьма рад познакомиться со столь очаровательной гостьей из будущего.

— Вечер добрый, ваше величество, — ответила ему Нина Викторовна. — Я тоже очень рада знакомству с государем, которого еще при жизни его подданные назвали Освободителем.

— Присаживайтесь, мадам, — сказал государь, указав гостье на изящный диванчик в стиле ампир, стоявший в углу комнаты, рядом с таким же вычурным столиком. — Расскажите нам, как наши потомки дошли до жизни такой, когда такие очаровательные женщины вынуждены нести воинскую службу, издревле считающуюся чисто мужским делом?

— Видите ли, ваше величество, — сказала очаровательная гостья, — нас с вами разделяют сто с лишним лет. За это время произошло столько событий, перевернувших все понятия о мужской и женской работе, что вы даже представить себе не можете. Что вы скажете, если я сообщу вам, что в нашем двадцать первом веке канцлер Германии — женщина? Некая фрау Ангела Меркель.

Государь от удивления вздрогнул и чуть не уронил сигару, которую он доставал из изящной резной шкатулки.

— Канцлер — женщина?! — воскликнул он в глубочайшем потрясении. — Господи, какой ужас!

Мне тоже стало как-то не по себе. На мгновение я представил вместо Бисмарка, выступающего в Рейхстаге, женщину... Бр-р-р...

— А военную форму, ваше величество, — продолжила ровным голосом свой рассказ полковник, — женщины надели не от хорошей жизни. В середине двадцатого века Россия четыре года сражалась с коалицией европейских государств. Ядром этой коалиции была Германия, которая собиралась не только завоевать Россию, но и уничтожить весь наш народ. Война была страшная. Немцы и их союзники дошли до Волги и Кавказа, были на подступах к Москве, осадили Санкт-Петербург.

Россия потеряла, по разным подсчетам, до 26 миллионов человек, причем меньшую часть на поле боя. Немцы на нашей земле зверствовали так, что даже турецкие зверства на Балканах не могут с ними сравниться. Они сжигали деревни с их обитателями, расстреливали заложников, травили людей собаками.

И вот тогда-то женщины в России пошли в армию, чтобы заменить павших мужчин. Сотни тысяч их воевали, десятки тысяч погибли на поле брани. Но Россия победила в этой страшной войне. Когда наши войска вошли в Берлин, Германия сдалась на милость победителя и подписала безоговорочную капитуляцию.

Ну а потом у женщин уже было трудно отобрать военную форму, — и полковник Антонова кокетливо улыбнулась, — вы ведь прекрасно знаете, ваше величество, как трудно бывает порой мужчинам спорить с женщинами.

Рассказ нашей гостьи ошеломил меня. Боже мой! Через какие испытания прошла наша страна! Четыре года войны! Германцы у ворот Москвы и Петербурга! Сколько русских людей сложили головы, но не склонились перед германским ярмом! Двадцать шесть миллионов! Это потоки, реки крови! Нет, надо сделать все возможное и невозможное, чтобы подобное не повторилось в нашей истории.

Государь тоже был ошарашен рассказом своей прекрасной гостьи. Он заплакал. Слезы покатались по его щекам. Вообще-то, всем, кто хорошо знал его, было известно, что у царя, как говорят в народе, «глаза на мокром месте». Но скажу честно, я и сам едва удержал слезу, узнав о страшной войне будущего, несравнимой даже с великим нашествием Наполеона.

Полковник Антонова тактично промолчала, сделав вид, что не заметила минутной слабости государя, а потом продолжила:

— Ваше величество, позднее, когда у нас будет больше свободного времени, я вам расскажу еще многое из истории России XX века. А пока я хочу передать вам послание от командующего нашей эскадры контр-адмирала Ларионова. После того как вы его прочтете, я готова ответить на все ваши вопросы.

С этими словами полковник Антонова достала из своей сумочки пакет и с поклоном протянула его государю. Тот взял его, вынул из него лист бумаги, внимательно прочел, после чего снова аккуратно сложил его и положил в пакет.

— Мадам, адмирал Ларионов пишет, что ваша «авиация»... Если я правильно понял, это те летательные аппараты, которые находятся на флагманском корабле адмирала? — полковник Антонова утвердительно кивнула головой. — Да, так вот, ваша авиация пересекла Черное море и уничтожила турецкие войска в Закавказье, стерев с лица земли крепость Карс. Так ли это на самом деле?

— Да, ваше величество, именно так. Крепость Карс в данный момент представляет собой развалины, а турецкие войска в Закавказье частично уничтожены, частично пленены. Оставшиеся в живых в панике разбежались. И теперь, даже под угрозой смерти, их вряд ли удастся снова повести в бой против сеющих смерть «ифритов и джиннов, прирученных неверными». Войска же великого князя Михаила Николаевича в ходе боевых действий практически не понесли потерь.

Государь с изумлением посмотрел на полковника.

— Скажите, мадам, а что будет дальше с Константинополем? Ваш адмирал пишет, будто вы собираетесь возродить Византийскую империю, назвав ее Югороссией. Как это все будет выглядеть — я не совсем представляю себе подобное?

— Ваше величество, — ответила мадам Антонова, — мы прекрасно понимаем невозможность занятия Проливов и Константинополя войсками Российской империи. Мы знаем об одном соглашении, заключенном в прошлом году в Рейхштадтском замке с императором Австро-Венгрии Францем-Иосифом. Согласно этому соглашению, опрометчиво подписанному канцлером Горчаковым, Россия, еще не начиная войну, обрекла себя на поражение. И не военное, а дипломатическое.

Собственно говоря, за что нам приходится воевать? За то, чтобы помочь Австро-Венгрии заполучить Боснию и Герцеговину? А Британии — Кипр и Египет? Я думаю, если постараться, то можно найти еще немало других любителей дармовщинки. Италия, к примеру, не откажется от Ливии, если, конечно, ей это предложить. А в январе этого года в Будапеште соглашение было дополнено конвенцией, которая напрямую приведет Россию на конгресс в Берлин, где о нее вытрет ноги вся европейская сволочь...

Здесь я скрипнул зубами от злости. Этот выживший из ума старик одним росчерком пера загнал Россию в угол. Причем тексты тайком подписанного соглашения были даже не идентичные. В австрийском варианте вообще не шла речь о самостоятельности Болгарии. И главное — Россия отказывалась от Проливов и Константинополя. Надо еще будет разобраться — это глупость или измена?

Услышав об этом злосчастном соглашении, государь нахмурился. Он и сам был в душе против него, но дал добро на его подписание, уступив яростному нажиму канцлера Горчакова. И вот теперь, когда казалось, что мечта всех русских царей осуществилась, надо отказываться от богатства, которое само свалилось нам в руки.

Посмотрев на государя и на меня, мадам Антонова поняла, какие чувства бушуют нас.

— Ваше величество, господин генерал, я могу обещать вам, что Проливы, оказавшиеся в наших руках, не станут препятствием для прохода русских военных судов из Черного моря в Средиземное и обратно, — мадам Антонова машинально похлопывала сложенным веером по раскрытой ладони, затянутой в тонкую кружевную перчатку. — Да, мы рассматриваем Югороссию как своего рода буфер между Российской империей и другими государствами. Поверьте мне — любая держава, решившая напасть на Россию, теперь долго будет думать, а стоит ли это делать, и не слишком ли дорого ей это обойдется? И скорее всего, желающие пойти войной на Россию, а значит, и на Югороссию, вряд ли найдутся.

Император нервно погладил свои бакенбарды, от волнения он, как обычно с ним бывало в подобных случаях, начал слегка картавить:

— Да, мадам, но каковы будут взаимоотношения между нашими государствами?

— Ваше величество, а какими могут быть взаимоотношения между матерью и сыном? Ведь Россия — наша мать, и мы никому не дадим ее в обиду. Кто нашу мать обидит, тот потом и трех дней не проживет. Поверьте, ваше величество, мы никому не позволим этого сделать! Но в свою очередь Россия должна так же, по-матерински, нам помочь. В первую очередь людьми. Нас, к сожалению, слишком мало. Мы нуждаемся на первых порах в солдатах для несения гарнизонной службы, в рабочих руках, которые помогли бы нам построить нашу экономику.

В свою очередь мы поделимся с Россией своими технологиями, которые за сто с лишним лет ушли далеко вперед. Мы обучим ваших военных самым передовым приемам ведения боя. И главное, мы можем поделиться с вами самым дорогим товаром — своими знаниями о будущем. Это то, что нельзя купить ни за какие деньги на свете. Ибо ничто так не угрожает России, как различные неустройства внутри нее самой.

— Да-с, мадам, — сказал государь, — я вижу, что перспективы для нашего сотрудничества самые многообещающие и грандиозные. Но не получится ли так, что претворить в жизнь ваш план будет слишком трудно? И не появятся ли желающие помешать его осуществлению?

— Ваше величество, сопротивление неизбежно, ибо никому в мире не нужна могучая и великая Россия. Но я могу вам гарантировать, что мы, ваши потомки, сделаем все возможное, чтобы задуманное нами было воплощено в жизнь самым наилучшим образом. Ждем того же и от вас, ведь по этой дороге надо идти вдвоем, навстречу друг другу...

— Мадам, — государь приложился к ручке полковника Антоновой, — дайте нам время подумать... ну, хотя бы до завтра. Точнее, уже это завтра наступило. Сегодня вечером я хотел бы опять с вами встретиться. Хотя уже сейчас могу вам сказать, что скорее всего, наш ответ будет положительным. Вы умеете быть крайне убедительны, а ваши аргументы пусть и несколько грубоваты, но очень весомы.

8 июня (27 мая), Плоешти, вечер, Императорская главная квартира.

Капитан Александр Васильевич Тамбовцев.

Я стоял у входа в резиденцию императора Александра II и слушал. В моем ухе была вставлена капсула наушника, и мне прекрасно было слышно все, что происходило в доме, и о чем беседовали Нина Викторовна и Александр Николаевич. Вы думаете, что кулончик, оправленный в черное серебро на шее нашей прекрасной «трехзвездной» дамы — это только украшение? Ну-ну...

Стоящий рядом со мной помощник капитана Пети Хона старший лейтенант Титов руководил своими «ниндзя», которые в темноте рассредоточились вокруг императорской штаб-квартиры и отслеживали тех, кто проявлял к ней особое любопытство. Охрана резиденции была поставлена просто безобразно. Можно сказать, что она фактически отсутствовала. Вот наши люди и взяли на себя труд побереечь государя от всяческих напастей, хотя бы в эту ночь.

Правда, для начала они спугнули влюбленную парочку, которая устроилась в кустиках и тайком от окружающих удовлетворяла «основной инстинкт». При виде лохматых чудовищ с мордами, раскрашенными черными полосами и с очками-ноктовизорами на лице, барышня, млевшая в объятиях кавалера, тут же забыла про секс и с визгом бросилась бежать.

Я проводил глазами полураздетую красотку, которая с воем, напоминая спецсигнал депутатской иномарки, промчалась по пыльной улице, и подумал: «Вот так и рождаются слухи

о леших и прочей нечисти...»

Более серьезной оказалась информация о двух типах, окалачивавшихся под окнами царской резиденции. Первым был «золотоордынец», по всей видимости, страдавший вуайеризмом. Ему очень хотелось увидеть — чем занимаются царь и его гостья. С дураком не стали связываться и просто аккуратно его «отключили».

Утром, как рассказал мне Николай Павлович Игнатъев, любитель подглядывать демонстрировал своим знакомым здоровенную шишку на лбу и рассказывал, что ночью в темноте случайно наткнулся на дерево, после чего на какое-то время выпал из реальности.

Вторым же оказался более интересный тип. Его пришлось нежно повязать и отправить к капитану Хону для душевной беседы. После проведенного на скорую руку «экстренного потрошения», выяснилось, что это наш коллега из Вены. Точнее, не из самой столицы Австрии, а агент генерала Бертолсгейма, который в Ставке представлял императора Франца-Иосифа. Ну и заодно шпионил. Генерал дал ему задание выяснить — причастно ли высшее руководство России к событиям в Константинополе. Шпион, которого звали Францем Вайсом (я хихикнул, узнав об этом) пронюхал о том, что государя должен был в самое ближайшее время посетить *некто*, кто имеет самое прямое отношение к таинственной эскадре. Это меня насторожило — значит, у государя-императора где-то сильно «течет». Надо этим заняться вплотную.

А разговор Нины Викторовны с императором продолжался долго, почти до самого утра...

9 июня (28 мая), утро, Плоешти.

Капитан Александр Васильевич Тамбовцев.

Уже на рассвете полковник Антонова, не выспавшаяся, с усталым лицом и красными глазами, вышла вместе с Игнатъевым из резиденции Е.И.В. и села к нему в коляску. Стоявший на часах у входа в усадьбу казак понимающе ухмыльнулся, взглянув на лицо нашей красавицы. Антонова и Игнатъев поехали в дом к генералу, негромко обсуждая между собой проведенные с царем переговоры. А я, позевывая, побрел в сторону базы, где уже вовсю шел допрос нашего австрийского собрата по ремеслу.

Капитан Хон действовал по старинке, используя консервативные методы ведения допроса, с приправой из азиатских штучек.

К моему приходу он уже сумел найти общий язык с австрийцем. Отставной капитан генерального штаба Австро-Венгрии вполне легально жил в Плоешти. Впрочем, у него были коммерческие интересы по всей Румынии и Болгарии, и его частые разъезды не вызывали ни у кого подозрений. К тому же он имел свой интерес в товариществе «Греггер, Горовиц, Коган и Ко», которое поставляло продовольствие русской армии. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, дал указание сообщать представительству этого товарищества заблаговременно, не позже как за неделю до начала движения войск, пункты назначения и приблизительное количество личного состава, которое должно прибыть в эти пункты. Естественно, что в этом кагале было полным-полно шпионов — австрийских, английских, турецких... Греггоры и Коганы в конце концов проворовались и кинули российское военное министерство на баснословную сумму — двенадцать миллионов золотых рублей!

Как оказалось, у Вайса был контакт — один из офицеров ставки царя. Возможно, что «текло» именно оттуда. Надо будет подумать о его дальнейшей судьбе. Возможно, бедняге в

ближайшее время предстоит скоростижно скончаться. Надо только придумать — от чего.

Была у «коммерсанта» Вайса и связь в Бухаресте. Через нее шпион должен был передавать полученную информацию прямиком в Вену.

Выдоив австрийца досуха, мы с Хоном переглянулись и одновременно молча кивнули головами. Конечно, это жестоко, но в тайной войне обычно пленных не бывает. Такова специфика жанра. Через полчаса Вайс «встал на мертвый якорь» в одном из водоемов в окрестностях Плоешти. А мы стали прикидывать, как нейтрализовать выявленного вражеского агента. Общее мнение было таково — надо посоветоваться с Игнатьевым, которому уже не раз приходилось иметь дело с такими иудами.

Но похоже, что все же мы не просчитали всех соглядатаев в царском окружении. Ближе к полудню ко мне прибежал посыльный от Николая Павловича с запиской, в которой сообщалось о том, что «канцлер Российской империи князь Александр Горчаков приглашает на обед господина Александра Тамбовцева». Да, «протечек» в Императорской главной квартире у императора, видимо, полным полно. Отказываться от приглашения было неудобно. К тому же мне очень хотелось познакомиться с одним из «железных канцлеров», о которых так красочно написал в свое время Валентин Саввич Пикуль.

Я стал готовиться к визиту, изучая дополнительную информацию о внешней политике Российской империи того времени. Выводы были самые неутешительные: внешней политики России в те годы как таковой считай что и не было... Надо будет разобраться, что стало причиной такого положения дел — политическое унижение России после поражения в Крымской войне, банальное неумение вести дела или злая воля.

8 июня (27 мая), полдень, Плоешти.

Капитан Тамбовцев и канцлер Российской империи Горчаков.

Скажу честно, я подходил к дому, где расположилось «походное министерство иностранных дел Российской империи» с некоторым волнением, даже трепетом. Мне предстояла встреча с живой легендой, канцлером Александром Горчаковым, воспетым Пушкиным и Пикулем. Интересно, как он сумел пронюхать о моем существовании и что он от меня хочет?

Слуга провел меня в комнату, посреди которой стоял накрытый стол. Сам канцлер встретил меня сидя в мягком кресле. Учитывая его почтенный возраст — Горчакову было уже под восемьдесят, — я не посчитал это признаком неуважения к своей персоне.

— Капитан Тамбовцев, Александр Васильевич, честь имею! — представился я хозяину дома.

Горчаков сморщил свое и без того морщинистое лицо, что, по всей видимости, означало улыбку. А потом тихим, чуть шамкающим голосом спросил меня:

— Александр Васильевич, скажите, кто вы такой и откуда?

Вопрос звучал несколько двусмысленно, поэтому я не спешил на него отвечать. Более того, помня, что нападение — лучший способ защиты, я, в свою очередь, спросил у Горчакова:

— Князь, а чего вы, собственно, от меня хотите? В конце концов, это не я добивался встречи с вами, а вы пригласили меня к себе.

Горчаков посмотрел на меня из-под стекол пенсне неожиданно острыми и молодыми глазами, помолчал немного, а потом продолжил:

— Александр Васильевич, я не буду повторять свой, возможно, бестактный и неприятный для вас вопрос. Скажу только, что по имеющейся у меня информации, вы один из тех, кто участвовал в захвате Стамбула и пленении султана. Вы один из приближенных таинственного адмирала Ларионова, не так ли?

«Ого, ведь умеют работать, сучьи дети, даже это они знают!» — подумал я. А канцлеру ответил кратко и весьма невразумительно:

— Допустим...

Горчаков продолжал говорить своим шамкающим голосом:

— История вашего появления в этом мире таинственна и удивительна. Вы появились будто ниоткуда. Я проверял — до мая месяца двадцать четвертого числа никто и никогда и слыхом не слыхивал ни о вас, ни о ваших чудо-кораблях... Вы выскакиваете подле Стамбула, и за несколько дней переворачиваете все с ног на голову. Еще неделю назад ни о чем подобном никто не мог и помыслить. Господин Тамбовцев, или как вас там, — старик явно начал раздражаться, — еще раз хочу спросить вас — кто вы и откуда?

Я подумал: «Наверное, придется немного приоткрыть карты. Ведь через неделю-другую весь мир и так узнает о нашем инновременном происхождении», и, вздохнув, сказал Горчакову:

— Хорошо, князь, не буду больше вводить вас в заблуждение. Мы — ваши потомки, волею Всевышнего попавшие в ваше время напрямиком из 2012 года.

Канцлер Российской империи непроизвольно всплеснул руками:

— Господи, именно это я и предполагал! Скажите, вас прислал Господь для того, чтобы вы исправили наши ошибки, сделанные по глупости или по незнанию?

Видя потрясенный вид этого, не побоюсь слова, великого старика, я решил немного подсластить пилюлю:

— Возможно. Во всяком случае, мы помешаем вам наделать новых ошибок. Князь, поверьте нам, ошибки русской дипломатии еще будут сказываться на судьбах России на протяжении многих десятилетий, если не столетий. Каждая дипломатическая ошибка потом отольется реками и морями крови русских солдат.

А двадцатый век введет в моду заурядное убийство мирных обывателей и уничтожение одних народов другими. Как будто вернутся библейские времена. Ничего личного, только бизнес! Вас извиняет только то, что действовали вы, имея на руках неполную, а зачастую просто лживую информацию.

Горчаков склонил передо мной голову, признавая мое право потомка высказать ему все претензии.

— Простите вы уж меня старика. Да, я знаю, я во многом ошибался, обманывая самого себя. Но я честно старался служить России, не то что некоторые до меня.

Я улыбнулся:

— Полноте, Александр Михайлович, никто вас не винит. Злого умысла не было в ваших деяниях, тут вы правы. Скорее уж здесь просто непонимание возможных последствий. Знаете, в нашем времени был в России премьер-министр, достаточно умный и толковый человек, который по своему косноязычию не раз выдавал публично изречения, тут же становившиеся народными пословицами. Вот одно из них: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Князь, вы поставили перед собой две цели: отомстить Австрии за то, что она предала Россию во время Крымской войны, и денонсировать унижительный Парижский трактат. Вы сделали это, но цена оказалась непомерно высокой.

— Вы имеете в виду возвышение Пруссии и превращение ее в Германскую империю? — быстро спросил Горчаков. — Но я ведь всегда считал ее естественным противовесом Австрии.

Я пожал плечами:

— И в результате сначала Пруссия громит Австрию, а потом сливается с ней в экстазе военного и политического союза. И если при своем образовании Германская империя была настроена к России положительно, то в результате союза с враждебной нам Австрией она и сама заразилась этой враждебностью.

О ваших желаниях и планах знали многие, в том числе и хорошо знакомый вам Отто фон Бисмарк. Вы считали и считаете его своим учеником. Но ученик сумел переиграть своего учителя. Используя вашу ненависть к Австрии, он сумел обеспечить спокойный тыл для Пруссии во время ее войны с Францией. Вы рассчитывали на то, что обе стороны обессилят друг друга во время войны, а уж с Австрией Россия сможет сама разобраться. Но вы сильно ошиблись. Пруссия вышла из этой войны уже не королевством, а империей, во много раз сильнее, чем до начала боевых действий.

Вторая ваша ошибка заключалась в том, что вы слишком сильно давили на Германию в 1875 году, когда она захотела вторично провести экзекуцию над Францией. Немцы не забудут этот грубый нажим, а Бисмарк — личное унижение, которому вы его подвергли. Другой премьер-министр России, которого убьют в Киеве в 1911 году, сказал: «В политике нет мести, но есть последствия». И последствия будут, уж поверьте мне.

— Александр Васильевич, пощадите, неужели вы считаете, что я настолько бездарно руководил внешними делами империи все это время? — Горчаков был бледен как бумага и походил на высохшую мумию из Эрмитажа.

Мне стало его по-человечески жалко, и я решил немного подсластить пилюлю:

— Ваше сиятельство, единственный плюс, который можно зачесть в вашу пользу — это отмена Парижского трактата. Да и его можно было похерить гораздо раньше, ведь участвовавшие в нем страны почти сразу же после подписания трактата перестали его соблюдать.

Князь, все ваши беды от того, что вы, как сказал один ваш коллега, «слишком верили Европе, в „европейский концерт“, жаждали конференций и конгрессов, предпочитая громкие фразы и блестящие дипломатические беллетристические произведения настоящему практическому действию, не столь эффектному, но упорному, настойчивому и основательному».

Вы забыли, что Россия не Европа, Россия — это отдельная цивилизация, великая и самодостаточная сама по себе. Поэтому для Европы мы всегда будем варварами, всегда, при любом правителе, при любом строе, во все времена. И считаться они с нами начинают только тогда, когда наши армии с бою берут Берлин или Париж. И единственными союзниками

великой России были, есть и будут ее армия и флот.

Скрывая смущение, старик шумно высморкался в большой платок:

— Да, Александр Васильевич, скорее всего, все так и есть. Но скажите, в вашей будущей России обо мне хоть иногда вспоминают?

Я кивнул.

— Конечно, вспоминают. Вы ж не злодей какой. В Москве есть станция метро — вы видели, наверное, лондонскую подземку, так вот это примерно то же самое — носящую название «Улица Горчакова». А в Санкт-Петербурге в Александровском саду установлен ваш бронзовый бюст.

Услышав это, Горчаков заулыбался, и его сморщенное лицо порозовело. Все же он был очень тщеславным человеком и обожал лесть. Склонив голову, канцлер произнес:

— Александр Васильевич, голубчик, вы знаете о нас многое. Скажите, что я могу сейчас сделать полезного для России?

Я помедлил с ответом, но все же сказал то, что давно хотел сказать:

— Князь, самое лучшее, что вы можете сделать — это уйти в отставку по состоянию здоровья. Вполне уважительный повод в вашем возрасте. И сделать это нужно чем быстрее, тем лучше. Скоро такое начнется! Поверьте мне, вы просто не выдержите тех атак, которые обрушат на вас ваши иностранные коллеги. Отставка не даст вам совершить главную ошибку в вашей жизни, о которой вы будете жалеть до самой смерти. Запомните, князь, так уж получается, что ошибки русских дипломатов будут исправлять русские солдаты. Но исправление этих ошибок будет стоить миллионов жизней, в том числе и тех людей, которые никогда не держали в руках оружие.

Наверное, в этот момент я казался ему посланником Бога (или дьявола), который пророчествовал о рукотворном конце света. И одним из виновников грядущей катастрофы, в которой погибнет столько людей, был он — канцлер Российской империи князь Александр Михайлович Горчаков!

Старик долго сидел молча. Потом он, кряхтя, с трудом поднялся с кресла, подошел к столу и налил себе бокал белого вина. Сделав глоток, князь задумчиво посмотрел на свет сквозь стекло бокала. И только тогда медленно, дрожащим от волнения голосом произнес:

— Александр Васильевич, я думаю, что вы правы. Я сегодня же подам государю прошение об отставке. Честь имею, Господин из Будущего.

Тифлис, дворец, наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича.

Генерал Михаил Тариэлович Лорис-Меликов.

Командующий особым корпусом генерал от кавалерии Лорис-Меликов, вместе с адъютантом и конвоем, подъехал к двухэтажному дворцу наместника. Часовой, стоявший у полосатой будки ворот дворца, сразу узнал генерала и отсалютовал ему ружьем.

Генерал вошел в кабинет наместника. Огромная комната великого князя была увешана

роскошными персидскими коврами и украшена старинными кавказскими саблями, кинжалами, пистолетами и ружьями. Окна кабинета, выходявшие на главную улицу Тифлиса, Головинский проспект, были завешаны тяжелыми бархатными шторами.

Хозяин кабинета, сорокапятилетний брат царя, великий князь Михаил Николаевич, главнокомандующий Кавказской армией, с нетерпением ждал генерала. Позавчера с эстафетой, от Лорис-Меликова пришло весьма странное донесение о том, что противник совершенно разбит и крепость Карс занята. В то же время из этого донесения можно было понять, что русская армия в бой с турками так и не вступала, и потеря не имела. Что сие могло означать, великий князь, как ни старался, так и не смог понять... И вот теперь он жаждал услышать все от очевидца случившегося под Карсом.

— Здравия желаю, ваше императорское высочество, — с едва заметным кавказским акцентом приветствовал генерал своего главнокомандующего.

— Рад вас видеть, Михаил Тариэлович! — ответил великий князь. — Поздравляю вас со славной викторией! Турки разбиты и Карс взят — это полная и блестящая победа! Но как случилось, что она добыта практически без боя? Это чудо Господне или...

— Ваше императорское высочество, — Лорис-Меликов с растерянностью смотрел на великого князя своими карими армянскими глазами, — если бы я мог сам понять — что это было! Для нас это было чудо во спасение, для турок — воистину ад на земле. Я могу только сказать, что все случившееся было самым ужасным зрелищем, которое мне доводилось видеть!

Великий князь был изумлен. Он нервно затеребил свои роскошные бакенбарды, потом перевел взгляд на стоявшего перед ним генерала и жестом предложил ему присесть на диван. Сев рядом, наместник внимательно посмотрел на Лорис-Меликова, после чего участливым голосом спросил:

— Михаил Тариэлович, как у вас со здоровьем? Может быть, вам стоит немного отдохнуть, а свой рассказ вы продолжите завтра?

Генерал вспыхнул от обиды.

— Ваше императорское высочество, неужели вы заподозрили меня в умственном помешательстве?! Клянусь, что я здоров и вполне отвечаю за свои слова и поступки. Вы знаете, что я не трус, я воевал в Чечне и Дагестане, в Крымскую войну сражался в отрядах князей Барятинского и Бебутова, дважды награжден золотым оружием за храбрость. Но то, что я увидел там, под Карсом... Ваше императорское высочество, разрешите мне все вам рассказать по порядку.

Наместник кивнул, и генерал продолжил свое повествование:

— Как вы знаете, я выступил со своим отрядом в сторону Карса с целью обложения крепости. Разведчики доложили, что навстречу нам выдвигается турецкий корпус под командованием Мухтар-паши. Я остановился у селения Зивин и стал готовиться к бою с превосходящим меня неприятелем. Но боя как такового не было. Днем мы заметили в небе странную блестящую металлом точку, которая пересекала его на недостижимой высоте, наверное, под самым солнцем, оставляя за собой белый след, как бы сотканный из ваты...

— Я получил донесение об этом странном явлении, — перебил наместник рассказ генерала, — и не только от вас. Продолжайте...

— Да, ваше императорское высочество, я тоже послал вам пакет с эстафетой. Но самое странное и страшное произошло ночью. От нас до турецкого лагеря было верст десять, не больше. Где-то в полночь меня разбудил далекий грохот, как будто в горах шла сильная гроза. Я вышел из палатки. По тому месту, где, по нашим сведениям, остановились на ночь турки, метались яркие зарницы и гремел гром. Но что удивительно, на небе не было ни облачка, да и вспышки света были только на земле. Я тут же отправил на разведку казаков. Вернулись они только к утру и доложили, что по турецкому лагерю был нанесен удар страшной силы. С ними был один пленный, который все время плакал и молился. С его слов, он отошел в овраг по нужде, что его и спасло. Судя по его рассказу, около полуночи случилось вот что.

Сначала по небу из конца в конец прокатился страшный грохот, сильнее, чем раскат самого сильного грома. А потом... — тут нервы у старого вояки, по всей видимости, не выдержали, и он, замолчав на минуту, уставился на великого князя остекленевшими глазами, словно вспоминая *это*... — А потом, ваше императорское высочество, по земле прокатилась волна разрывов. Наверное, почти так же происходило в библейских Содоме и Гоморре. Волна огня прошла по турецкому лагерю, сметая все живое. Рано утром, получив донесения разведчиков и выслушав сбивчивые речи обезумевшего от ужаса турка, я сам съездил к месту расположения лагеря Мухтар-паши. Я не видел сам, как это все происходило ночью, но зато потом лицезрел то, во что превратился лагерь турецкого корпуса. Точнее, то, что от него осталось.

Это было поле, сплошь заваленное трупами людей и лошадей. Палатки, превращенные в решето. Запах крови и жужжание мух. И повсюду на земле вот это, — генерал достал из кармана стальной шарик величиной с горошину. — Ваше императорское высочество, очевидно, что турок убили посредством взрыва множества гранат, начиненных именно этими шариками. Я не знаю, что *это* было, но это было ужасно! Тридцать тысяч турок были убиты. То, что произошло, войной называть нельзя — единственное подходящее для этого слово — бойня!

Но это еще не все. Перед самым рассветом пришла очередь Карса. Это уже я видел сам. В небе раздался чудовищный гул и грохот. А потом крепость превратилась в огнедышащий вулкан. Земля дрожала под нашими ногами, от взрывов закладывало уши. Над турецкими укреплениями вспыхивали огромные огненные шары, и стены фортов рушились, словно под ударами гигантского молота. Тысячи турок были убиты, сгорели заживо, были погребены под обломками крепостных сооружений. Полному разрушению подверглась не только цитадель, но и малые форты, вынесенные на равнину, а также укрепления и на другом берегу реки.

Я признаюсь вам, ваше императорское высочество, мне и моим солдатам было страшно смотреть на все происходящее. Мы никак не могли понять — кто воюет на нашей стороне. По корпусу поползли слухи о том, что сам святой Георгий Победоносец обрушился на войско агарян, — при этих словах Лорис-Меликов и великий князь Михаил Николаевич перекрестились, а потом генерал продолжил рассказ: — Я стоял у своей палатки и наблюдал за новоявленной гибелью турецкой крепости, как Лот наблюдал гибель Содомы и Гоморры.

Приглядевшись, я заметил в лунном свете острые силуэты, подобно молниям пронсящиеся по небу над крепостью. После каждого их появления в Карсе следовала очередная серия ярких вспышек и грохот взрывов. Потом все стихло. Мне показалось, что это светопреставление продолжалось всю ночь, но взглянув на часы, я с удивлением обнаружил, что крепость была уничтожена менее чем за четверть часа.

После того ангелы, или кто там еще из небесного воинства, улетели, и все стихло. Я послал в крепость разведку, чтобы она выяснила обстановку. Вернувшись, разведчики сообщили мне, что крепости больше нет. Заодно казаки пригнали сотни полторы пленных турок, напуганных до смерти. Они молили нас спасти их от страшных ифритов, подобно птицам летающих по небу

и извергающих на войско османов пламя, сжигающее все живое. По показаниям пленных, командующий турецким гарнизоном Гуссейн-паша был убит, а остатки его воинства разбегаются по домам, сея панику рассказами о страшной гибели воинов султана.

Ваше императорское высочество, посланная мною разведка продвинулась на полсотни верст в глубину Турции, не встречая никакого сопротивления. Мы можем беспрепятственно двигаться на Эрдоган, Ван и далее... Хоть на Дамаск и Иерусалим... Если будет, конечно, на то приказ государя...

Потрясенный рассказом Лорис-Меликова, великий князь Михаил Николаевич долго молчал, а потом встал с дивана, подошел к иконам, висевшим в красном углу, и начал читать «Отче наш» и «Верую».

— Михаил Тариэлович, я не знаю, что *это* было, но могу сказать лишь одно — все произошло по промыслу Божьему! Я велю бить во все колокола во всех храмах Тифлиса и отслужить молебен в честь победы над супостатом... Кроме того, я издам приказ, предписывающий нашим войскам начать подготовку к походу в глубь Турции...

В этот момент в дверь кабинета наместника постучали.

— Разрешите, ваше императорское высочество? — спросил у наместника вошедший в кабинет дежурный адъютант. — Срочная депеша — только что по телеграфу было получено сообщение о том, что эскадра под Андреевским флагом вошла в Проливы и ночным штурмом взяла Стамбул.

Генерал Лорис-Меликов и наместник повернулись к вошедшему и с изумлением уставились на него, потеряв на какое-то время дар речи...

День Д+4, 9 июня 1877 года, Черное море, ВПК «Североморск».

Старший лейтенант Игорь Синицын.

После разгрома турок у Сухума наш ВПК отправился в Севастополь. Получена команда адмирала: высадить там всех полонянок и забрать оттуда в Варну командира минного транспорта «Великий князь Константин». Догадайтесь, кого? Да-да, того самого, лейтенанта Степана Макарова. Еще не импозантного адмирала с окладистой седой бородой, а молодого двадцативосьмилетнего офицера, на своем кораблике совершающего лихие ночные набеги на турецкие военно-морские базы. Вопрос о его дальнейшей деятельности вроде бы уже согласован в самых верхах.

Но высшей политикой пусть занимаются командиры. А на меня капитан 1-го ранга Перов свалил обязанность нянчиться с девицами, освобожденными нами из турецко-британского плена. Кстати, тот «восставший из ада» рыжий англичанин, после «закрытого массажа печени», который ему провели мои ребята, больше не качал права и сидел под замком тихо, как мышь под веником. Мы же первоначально в Аденский залив собирались — пиратов ловить, вот и было оборудовано своего рода КПЗ в одной из технических выгородок. «Русское гостеприимство» так подействовало на него, что он стал подобострастно кланяться каждому матросу и приговаривать при этом: «Йес, сэр, ноу, сэр...» — так-то оно лучше. Насколько я знаю, уже решено передать этого британскоподданного властям Российской империи для дальнейшего суда и каторжных работ. Там, на Акатуе или в Нерчинске, ему и техническая выгородка дворцом покажется.

А я сейчас больше смахиваю на красноармейца Сухова из «Белого солнца пустыни». Конечно, полонянки в гарем какому-нибудь Абдулле попасть еще не успели, но они так же, как киношные «гюльчатаи», считали меня своим спасителем и старались не отходить от меня ни на шаг. Так в свои двадцать семь с хвостиком лет я неожиданно стал дядькой Игорем, или даже Игорем Николаевичем. Усатый нянь, да и только.

Для начала я провел санобработку красавиц. Отвел их в душевую, дал мыла и шампуни, предварительно объяснив, как ими пользоваться, дал матросскую сменку. На все возражения ответил, что дамской одежды у нас в запасе нет и если кто не хочет переодеваться, то пусть ходит в своем грязном вонючем платье. И вообще пресная вода, даже техническая — это одно из величайших сокровищ в море. И что они должны это ценить, а не капризничать. После моей проникновенной речи все без раздумий взяли сменку и отправились мыться.

Душевая преобразила моих подопечных. С грязью и пылью они, похоже, смыли все, что угнетало и мучило их. Девицы были одна краше другой. Морячки «Североморска», то и дело заглядывавшие якобы по делам в мое «бабье царство», просто млели при виде красавиц в матросских форменках и брюках. А те кокетливо строили им глазки и томно расчесывали свои длинные мокрые волосы. Ну прямо русалки.

А Ольга Александровна — та вцепилась в меня как клещ и не отпускала от себя ни на минуту. Пока они все мылись и приводили себя в порядок, я сбегал в библиотеку и кое-что прочитал про нее и ее семью.

Родилась она в 1864 году. Мать внучки Пушкина, Софья Александровна Ланская, умерла в 1875 году. Отец, полковник Александр Александрович Пушкин, был сейчас в действующей армии на Балканах. Он командовал 13-м Нарвским гусарским полком.

После смерти жены Пушкин отправил все свое большое семейство в Лопасню — это под Москвой. Там они жили на попечении ее двоюродной сестры, Анны Николаевны Васильчиковой. Перед войной Александр Александрович заезжал в Лопасню проститься с детишками. Позднее я узнал у Ольги, что он приехал вместе со своим сослуживцем, штаб-ротмистром Николаем Быковым. Кстати, племянником Николая Васильевича Гоголя. Отец Быкова, полковник, в свое время служил в Тифлисе и имел там кучу знакомых. Непоседа Ольга попросила у отца разрешения съездить на Кавказ. Николай Быков обещал дать надежного спутника из своих тифлиских знакомых и служанку, которые будут сопровождать Ольгу в ее путешествии. Так внучка Пушкина отправилась навстречу своей судьбе.

На Военно-Грузинской дороге на коляску, в которой ехала Ольга, напали абреки. Они убили кучера и сопровождавшего девицу отставного майора, а Ольгу и ее служанку увели с собой. Служанку позднее они продали в одном из аулов какому-то джигиту, а юную и красивую девушку решили отправить в Турцию, где за нее можно было получить немалые деньги.

Так внучка великого русского поэта едва не оказалась в гареме турецкого бея или паши. Но помешал наш «Североморск», который как раз устраивал туркам «никто никуда не идет». Ну и морская пехота тоже сказала в этом деле свое веское слово. В результате роли резко поменялись, к удовольствию одних и глубокой печали других.

Несмотря на свой юный возраст, Ольга вела себя как взрослая девица. Сказывалась пылкая африканская кровь ее великого предка. Да и внешне она была очень похожа на Александра Сергеевича. Такие же, как у него, рыжеватые волосы, голубые глаза, овал лица, разрез глаз, наследственные — «пушкинские» — длинные и тонкие пальцы. Я вспомнил, что в реальной истории Ольга, когда ей еще не было и шестнадцати лет, без разрешения отца обвенчалась с

Николаем Павловым, прапорщиком 13-го драгунского полка. Правда, супружеская жизнь у нее не заладилась. Павлов пристрастился к морфию, говоря языком наших современников — «сел на иглу», после чего Ольга ушла от него, забрав единственного сына. Я с грустью посмотрел на юную девушку, которую ожидала такая несчастливая судьба. Не хотелось бы мне, чтобы так все произошло.

А Ольга, подвижная и непоседливая как ртуть, таскала меня по всему кораблю, теребила, просила рассказать — что и как устроено. Ее удивляло все — и яркие лампы дневного света, и наши приборы, с помощью которых мы легко и просто управляли таким огромным кораблем. Удивила ее и радиостанция, с помощью которой мы связались со ставкой царя в Плоешти и попросили сообщить полковнику Пушкину, что его дочь жива, здорова и в ближайшее время будет отправлена домой в Лопасню.

Правда, у Ольги на этот счет было несколько другое мнение. Она неожиданно взбунтовалась и сказала, что ни за что на свете не поедет домой. Ольга в ультимативной форме заявила, что будет служить на нашем корабле юнгой и, по ее словам, «будет воевать с подлыми работоторговцами» и «не успокоится до тех пор, пока не освободит всех пленников и пленниц». Спорить со строптивой девицей мы не стали, решив, что по приходу в Севастополь отправим ее на берег явочным порядком.

Ольга упростила одну из наших полонянок, которая немного владела портновским ремеслом, и та подогнала ей по фигуре матросскую форму. Скажу честно, внучка Александра Сергеевича очень даже неплохо смотрелась в тельняшке, брючках и форменке. Стиль «милитари» был явно ей к лицу. Правда, многие из ее спутниц посчитали, что девица ведет себя слишком уж раскованно, а в матросской одежде выглядит совсем уж неприлично. Но Ольга откровенно игнорировала все их намеки и нравоучения.

А «Североморск» тем временем почти уже добрался до Севастополя. Милях в двадцати от того места, где в 1898 году будет построен знаменитый маяк Форос, мы повстречали небольшой изящный кораблик с тремя мачтами и одной трубой, шедший под Андреевским флагом. Наши знатоки русского флота сразу же узнали его — это и был легендарный пароход «Великий князь Константин». Видимо, неугомонный Степан Осипович вышел в свое очередное крейсерство в поисках новых жертв. Но турецкие корабли частью были уже нами уничтожены, частью загнаны в порты и якорные стоянки, где они в самое ближайшее время должны были стать трофеями лихих греческих каперов.

«Великий князь Константин», при виде такого чуда, как наш «Североморск», да еще и с Андреевским флагом на флагштоке, заложил правую циркуляцию и пошел на сближение. Мы сбавили ход. Вскоре оба корабля уже легли в дрейф, на расстоянии менее четверти кабельтова друг от друга.

— Эй, на «Североморске», — раздался с мостика «Константина» зычный, усиленный рупором голос, — откуда и куда вы следуете?

Капитан 1-го ранга Перов поднес к губам микрофон:

— Для командира «Великого князя Константина» лейтенанта Макарова, — разнеслись над морем его слова, усиленные громкоговорителем, — имею распоряжение командующего эскадрой Югороссии контр-адмирала Ларионова. Мне предписывается встретить минный транспорт «Великий князь Константин» и вместе с ним следовать в Одессу. По распоряжению государя императора аналогичный приказ должен был поступить к вам из Плоешти за подписью главнокомандующего российскими войсками великого князя Николая Николаевича.

Вы его получили, Степан Осипович?

На мостике «Великого князя Константина» от неожиданности поперхнулись. Во всяком случае какое-то время стояла тишина, а потом через жестяной «матюгальник» прозвучало несколько типично боцманских выражений. Облегчив душу, Макаров заговорил более-менее литературным языком:

— Приказ такой был, не спору. Сказать по правде, я в нем почти ничего не понял, потому в поисках вашего корабля и вышел в море. Впрочем, не нам обсуждать приказы начальства. Выполняю приказ и следую вместе с вами в Одессу.

На протяжении всего этого разговора мне очень хотелось заткнуть Ольге уши, чтобы она не слышала всех тех эмоциональных слов, которыми так богат русский язык и которые вовсе не предназначены для нежных дамских ушек.

9 июня (28 мая), Плоешти, вечер, Ставка командования русской армии.

Генерал-адъютант Николай Павлович Игнатъев.

Следующая встреча полковника Антоновой и государя состоялась, как они и договаривались, вечером следующего дня. Правда, с утра наш неутомимый Александр Васильевич Тамбовцев «порадовал» меня сообщением о том, что один из офицеров Главной квартиры связан с австрийским Генштабом. Оказывается, пока мы с мадам полковником и государем беседовали, головорезы Александра Васильевича провели превентивные мероприятия, должны обеспечить секретность переговоров. И не зря. Они уловили некоего сотрудника австрийского разведбюро, который пытался сунуть нос туда, куда не следовало.

Потомки излишним человеколюбием не страдали и довольно быстро разговорили беднягу. Он-то и сдал этого офицера. Я дам указания своим людям заняться предателем. В Императорской главной квартире мы его трогать не будем. Надо будет переговорить с кем надо, и в самое ближайшее время отправить его с донесением в Петербург. Все курьеры проезжают мимо моего имения Круподеринцы, расположенного неподалеку от Винницы. Вот там его и задержат и побеседуют с глазу на глаз. Ну, а потом... К сожалению, случаются разные неприятности в пути — то лошади понесут, то ветхий мост обрушится... Все в руце Божьей...

И еще одна новость, которая стала известна уже к вечеру. Канцлер Горчаков неожиданно подал государю прошение об отставке! Это произошло после его беседы с капитаном Тамбовцевым — ай да Александр Васильевич, ай да хват! Видать, капитан сумел найти аргументы, которые неотразимо подействовали на нашего канцлера. Непрост капитан, ох не прост! Нужно держать с ним ухо остро. Теперь надо прикинуть — кто займет место Горчакова. Надо намекнуть потомкам, чтобы они не забыли меня, старика.

А мадам Антонова подъехала к резиденции государя на моей коляске, как мы и договаривались, ровно в восемь. Тамбовцева с ней не было, а вот тот самый, звероватого вида, слуга-телохранитель наличествовал. Мы вошли в дом. Государь находился в великолепном расположении духа. По всей видимости, он еще раз перечитал письмо адмирала Ларионова и продумал все возможные преференции от союза с Югороссией.

Для начала Александр Николаевич решил задобрить свою прекрасную гостью и с ходу объявил ей о том, что он награждает ее высшим женским орденом Российской империи — орденом

Святой Великомученицы Екатерины 1-й степени. И намекнул, что это неспроста, потому что орден этот носит и второе название — Освобождения.

Царская милость прилась по душе Нине Викторовне. Она поблагодарила государя. Ну а потом мы снова занялись нашими насущными делами.

Мадам Антонова предложила с помощью кораблей эскадры перебросить часть наших сил в Закавказье, где силы турок, после разгрома под Карсом, практически отсутствуют, и начать подготовку к маршу на Ван, и далее — на Дамаск.

— Ваше величество, нельзя терять времени. Как говорил великий полководец Александр Суворов, «на войне деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, время дороже всего». Бесхозные ныне территории Османской империи будут прибираться к рукам разные европейские проходимцы. В случае с Проливами и Константинополем Россия связана опрометчиво подписанными соглашениями и конвенциями. А вот насчет восточных владений Турции у Российской империи руки не связаны, не так ли, Николай Павлович?

Я ответил утвердительно. Действительно, нужна ли нам новая головная боль в виде появления у границ империи государств, находящихся под влиянием наших недругов и, соответственно, недружественных нам?

Государь задумался.

— Хорошо, мадам, я дам указание военному министру, генерал-адъютанту Дмитрию Алексеевичу Милютину, продумать план продвижения наших войск в южном и восточном направлениях. И насчет переброски части наших сил в порты на Кавказском побережье мы тоже подумаем. Хорошо бы прислать вашего военного представителя в Ставку, дабы продумать чисто практические вопросы предстоящей операции.

Потом государь попросил помочь его союзнику, черногорскому князю Николе I Петрович-Негошу.

Двадцать первого мая турки начали наступление на Черногорию со стороны Северной Албании. Командующий турецкими войсками Сулейман-паша, прорвавшись к осажденному черногорцами Никшичу, двинулся на соединение с двумя турецкими армиями, наступавшими с юга и востока. Используя свое численное превосходство, турецкая армия вышла в долину реки Зеты и стала угрожать столице Черногории Цетинье. Надо помочь черногорцам.

— Мадам, ваши войска смогут помочь князю Николе? Это один из самых надежных наших союзников, — спросил государь.

Полковник немного подумала — и кивнула головой. Мне стало ясно, что должность Сулейман-паши в турецкой армии скоро будет вакантной. Но только лишь обещанием помочь дело не ограничилось. Полковник Антонова, извинившись, достала из своей изящной дамской сумочки небольшую коробочку рации, на глазах у изумленного государя длинным ярко-алым ногтем выщелкнула антенну. Лицо ее вдруг стало властным и жестким, голос сухим и отрывистым, и я впервые поверил, что эта милейшая дама действительно самый настоящий полковник.

— Товарищ адмирал, добрый вечер! Государь-император Александр Николаевич просит нас помочь его союзнику князю Николе Черногорскому... Да, дело серьезное и не терпит отлагательств! Спасибо, товарищ контр-адмирал, я сама, вы только подтвердите, если что, — она нажала на своей коробочке еще какую-то кнопку: — Оперативный отдел! Анатолий Иванович, это Антонова. Запишите: Черногория, район реки Зеты и города Цетинье.

Произвести воздушную разведку, выявить расположение турецких частей. Потом поднимите авиагруппу и устройте этим мерзавцам второй Карс, да так, чтобы выжившие турки бежали из Черногории впереди собственного визга. Да, товарищ контр-адмирал в курсе.

Кстати, в тот раз их перебросили в Болгарию, против русской армии на Шипке, а где они окажутся в этот раз — неизвестно. Может, под стенами Константинополя... Нет уж, пусть их хоронят там, где они есть! Все, конец связи.

Коробочка исчезла в сумочке, а лицо любезной Нины Викторовны снова стало милым и приветливым.

Государь склонил голову:

— Да уж, мадам, не ожидал, не ожидал! Теперь я сам убедился, что вы по праву носите погоны полковника. Вам смело можно доверить настоящий полк — к примеру, лейб-кирасирский. Шучу. Но, как говорится, в каждой шутке есть доля...

— Шутки? — подсказала Антонова.

— Мило! — восхитился государь. — Надо сказать, неожиданная трактовка знакомой поговорки. Кто это так сказал?

— Слова народные, — отшутилась Антонова. — Никто не помнит имени этого человека, как не помнят фамилию изобретателя колеса.

Слово за слово коснулись и темы дальнейших взаимоотношений Российской империи и Югороссии. Государь сообщил, что для заключения межгосударственных договоров надо каким-то способом заявить о создании Югороссии.

— У государства должны быть соответствующие атрибуты: территория, властные органы, флаг, герб... Гимн, наконец. А так, с кем заключать договор, чтобы его признали и другие государства? С группой лиц, которые неизвестно откуда приехали и неизвестно кто? Ведь вы не кочевая орда, господа, на дворе все же не тринадцатый, а девятнадцатый век.

Полковник Антонова сказала, что адмирал Ларионов уже думает над этими вопросами, и в самое ближайшее время все государственные атрибуты у Югороссии появятся. Далее она сообщила, что неплохо было бы поддерживать постоянную связь между Императорской главной квартирой и флагманским кораблем эскадры Ларионова.

— Ваше величество, соответствующая аппаратура у нас уже есть. Но пользуемся мы ею по-кустарному, менее эффективно, чем могли бы. После легализации здесь нашего присутствия, надо будет развернуть полноценный узел связи. Вы могли бы поддерживать устойчивую связь не только с вашими войсками и адмиралом Ларионовым, но и с вашим братом, великим князем Михаилом Николаевичем в Тифлисе, и даже с Санкт-Петербургом.

Государь задумался, а потом, представив себе открывающиеся перед ним возможности, загорелся идеей потомков.

— Николай Павлович, — обратился он ко мне, — познакомьте полковника Антонову с полковником Чингисханом, пусть они решат все технические вопросы!

Тут уже Нина Викторовна была удивлена до чрезвычайности.

— Какой еще полковник Чингисхан, ваше величество? Это шутка такая?

Пришлось объяснить нашей гостье из будущего, что связью в Императорской главной квартире действительно заведует Чингисхан. Но не тот, который был ханом монголов и мечтал довести свои непобедимые тумыны до «последнего моря», а другой — флигель-адъютант императора полковник Губайдулла Чингисхан. Он был младшим сыном последнего хана казахской степи — Жангира.

Чингисхан закончил Пажеский корпус, а потом долгие годы служил в телеграфном департаменте. А после начала войны его назначили начальником движения телеграфной корреспонденции в действующей армии. Вот с этим-то Чингисханом и придется иметь дело мадам Антоновой.

Посмеявшись над этим историческим курьезом, мы прошли в соседнюю комнату, где уже был накрыт стол. Все правильно, по своему опыту дипломата я знал, что самые серьезные вопросы обычно решаются в самой несерьезной обстановке.

10 июня (29 мая), Плоешти, Императорская главная квартира.

Капитан Александр Васильевич Тамбовцев.

Со всеми повседневными хлопотами, связанными с организацией встреч полковника Антоновой с государем, я как-то не смог выкроить времени для встречи с цесаревичем. Он в четверг слетал на вертолете на «Кузю», встретился там с адмиралом Ларионовым и вернулся поздно вечером, полный незабываемых впечатлений. Похоже, что все увиденное и услышанное там настолько потрясло Александра Александровича, что он дня два не выходил из дома. Наблюдавшие за ним люди сообщили мне, что цесаревич написал несколько писем своей «душке Минни» — цесаревне Марии Федоровне, потом достал корнет и несколько часов наигрывал на нем военные марши и народные мелодии.

Сегодня я решил навестить наследника, благо что появился повод для разговора. Нина Викторовна поручила мне провести зондаж соседней с Югороссией Греции на предмет возможного сотрудничества и взаимодействия — Греция была нашим самым близким соседом, родственна по вере, и ей сам бог велел дружить с Югороссией.

Правда, с греческими делами было не все так просто. Так уж получилось, что страна, получившая самостоятельность во многом благодаря России, из-за откровенного головоутиательства канцлера Горчакова стала придерживаться проанглийской политики. В 1863 году британцы, в честь коронации нынешнего короля Георга, подарили Греции Ионические острова. Но король Георг — это принц датский Кристиан-Вильгельм-Фердинанд-Адольф-Георг Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургский. Во как! Он был избран на греческий престол в семнадцатилетнем возрасте. Через четыре года король женился. Супруга его была русской — старшая дочь генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича, племянница императора Александра II и, стало быть, двоюродная сестра цесаревича. Да, я забыл сказать, что греческий король Георг был родным братом цесаревны Марии Федоровны.

Вполне естественно, королевская чета была настроена прорусски. Вот только проанглийские депутаты греческого парламента поспешили стреножить короля, лишив его практически всех средств влияния на внутреннюю и внешнюю политику. Дело дошло до того, что в 1877 году по инициативе Харилаоса Трикуписа, наиболее яркой фигуры греческой политики того времени, король был лишен права влиять на Национальное собрание путем выдвижения вотума

недоверия премьер-министру страны.

С другой стороны, старая неприязнь греков к туркам обострилась в 1876 году, когда турки начали резню в Сербии и Болгарии. А в 1877 году, после того как Россия объявила войну Турции, Греция начала концентрировать свои войска на турецкой границе. Даже гневный окрик из Лондона не остудил греков. Тот самый Трикупис, который родился и вырос в Англии и старался ограничить власть короля, ответил на английский демарш заявлением о том, что Греция в данный момент не собирается начинать войну против Турции, но как независимое государство, она сохраняет за собой полную свободу действий. Не может греческое правительство дать и обещания удерживать от восстаний греков, проживающих во владениях Османов.

Наглый британский демарш вызвал всеобщее возмущение в Греции. Английский посланник в Афинах Стюарт оценивал английское влияние в Греции в этот момент как «весьма близкое к нулю». Вот тут-то российской дипломатии и надо было воспользоваться сложившейся ситуацией, чтобы перехватить инициативу и окончательно вытеснить британцев из Греции.

Но канцлер Горчаков продолжал как глухарь токовать о некоем «европейском концерте», который должен решать все конфликты в Старом Свете. Хотя руководители русской внешней политики и были готовы поддержать претензии Греции на определенные территории, но они уклонялись от подписания формального союза с Грецией, опасаясь, что это ухудшит и так достаточно сложные русско-английские отношения. Товарищ (заместитель) министра иностранных дел России Гирс заявил греческому послу в Петербурге: «Мы бы желали, чтобы Греция проявила к нам больше доверия; мы не можем заключить соглашение с вами, которое вызвало бы гнев Англии...»

Вот так, послушно заглядывая в рот Лондону, российское министерство внешних дел и завело российскую же внешнюю политику в тупик, закончившийся позором Берлинского конгресса.

Проанализировав сложившуюся ситуацию, полковник Антонова и адмирал Ларионов решили взять дело в свои руки. Они решили направить меня в Афины, чтобы от имени сил, разгромивших Турцию и захвативших Константинополь, начать переговоры с греческим королем и правительством об установлении постоянных контактов с руководством Югославии. И здесь цесаревич был бы очень кстати. Формально он отправлялся в частную поездку, чтобы навестить кузину и своего старого приятеля «Фреда», с которым сдружился в Копенгагене, когда тот познакомился со своей любимой Минни.

Связавшись по рации с цесаревичем (этим современным девайсом того снабдили на «Адмирале Кузнецове»), я попросил у него аудиенции. Александр Александрович сказал, что он будет рад меня видеть.

Зайдя в уже знакомую мне гостиную, я увидел, что пребывание на флагмане эскадры не прошло для цесаревича даром. На столе у него, рядом с футляром его любимого корнета, лежал разобранный АПС — еще один подарок адмирала. Александр Александрович, заглядывая в отпечатанную для него на ксероксе инструкцию, занимался сборкой пистолета. Обстоятельный и сурьезный мужчина наш цесаревич!

Как я и предполагал, он с радостью согласился навестить своих родственников в Афинах. Правда, цесаревич поинтересовался — будет ли на то согласие государя, но я успокоил его, сказав, что сей вопрос легко уладит мой начальник, полковник Антонова. Немного знакомый с нашей бравой Ниной Викторовной, Александр Александрович понял, что возражений со стороны его царственного батюшки, скорее всего, не будет.

Немного подумав, цесаревич спросил меня:

— Александр Васильевич, а мы как будем добираться до места — по земле или по воздуху?

Похоже, что цесаревичу понравилось летать на вертолете. Я поспешил огорчить своего собеседника:

— Ваше императорское высочество, скорее всего, мы отправимся в путешествие по морю. Согласитесь, что прилетев в Афины на вертолете, мы до смерти напугаем добрых греков, после чего разговаривать о чем-либо нам будет довольно сложно. По земле добираться долго, да и опасно. Поэтому наиболее удобным, быстрым и достаточно эффективным способом передвижения будет военный корабль. Какой именно — это решит адмирал Ларионов.

— Ну что ж, корабль так корабль, — пробасил Александр Александрович. — Скажите, капитан, сколько человек я могу взять с собой?

— Ваше императорское высочество, исходя из соображений секретности, я бы посоветовал взять лишь самых надежных и близких вам офицеров. Человек пять, я думаю, будет вполне достаточно.

— Хорошо, — сказал цесаревич, — а когда мы отправляемся, и как я узнаю о времени отправления?

— Ваше императорское высочество, мы сообщим вам об этом по радиации. Кстати, вчера на встрече вашего батюшки с полковником Антоновой было принято решение о том, что мы получим дом, в котором теперь будет находиться неофициальное представительство Югории, и о том, что будет создан радиоузел, из которого можно будет связаться с «Адмиралом Кузнецовым», Тифлисом, а со временем — и с Санкт-Петербургом. Тогда вы сможете, что называется, вживую поговорить с вашей очаровательной супругой и детками.

Услышав об этом, Александр Александрович не мог удержаться от радостной улыбки. Он был хорошим мужем и любящим отцом.

10 июня (29 мая), ранее утро, Черногория, позиции Черногорского войска на склонах гор над рекой Морачей.

Уходящие в небо горы поросли хвойным темно-зеленым, почти черным лесом. Потому и страну эту издревле зовут Черногорией. Населена она гордыми, упрямыми, непокорными людьми, которых соседи кличут черногорцами.

Сейчас эта земля пропахла кровью и порохом. Уже неделю, даже не с упорством, а каким-то остервенением, турецкие аскеры карабкаются по склонам этих гор. Черногорские воины стреляют в пришельцев из ружей, рубят их саблями, режут кинжалами, сбрасывают вниз с обрывов. Но турок слишком много, они ползут по склонам гор как бесчисленная саранча. Вот опять по мостам через реку Морачу маршируют свежие турецкие таборы. Сорок семь тысяч турок против семнадцати тысяч черногорцев.

Черногория — страна маленькая, ей просто не под силу собрать столько же воинов, сколько может позволить себе огромная Оттоманская империя. Если бойцы, вросшие в склоны этих гор, не выдержат и дрогнут, то черногорцы как народ перестанут существовать на этой земле. Турки в захваченных селениях не щадят ни детей, ни женщин. Ну, а мужчины и сами не просят

пощады.

Черногорцы знают, что огромная русская армия пока стоит за Дунаем и готовится к переправе. И никто не ведает, хватит ли у черногорцев сил продержаться до того момента, пока она войдет в Болгарию.

Правда, народный телеграф принес невероятную весть о том, что русский флот внезапно захватил Стамбул. Но князь Никола Негош не верил в это. Весть о том, что проклятая столица Османов в руках русских братьев, была слишком хороша, чтобы быть правдой.

Закрыв глаза, князь перед боем истово молился у походного алтаря. Впереди его ждал еще один пропитанный кровью длинный день. Он сам, как и заповедано предками, всегда был среди своих людей на самых опасных местах. У него уже сменились — погибли или были ранены — все телохранители. Вместе с князем оборону держат и его лучшие воеводы — надежный как скала Илья Пламенац и бунтарь, авантюрист, военный гений Пеко Павлович. Но даже их талантов не хватало, чтобы преодолеть тройное превосходство турок в числе. Еще чуть-чуть, и...

Хорошо еще, что турецкая артиллерия не может стрелять вверх по склону, тогда бы было совсем скверно. Собственно, именно из-за пушек черногорцы и отступили от переправ. Внезапно телохранитель князя Данило, один из последних еще остававшихся на строю, дернул его за рукав:

— Смотри, княже, знамение Господне!

Князь открыл глаза и поднял голову — это действительно было знамение. На востоке, высоко в небе, яркую голубизну рассекали полтора десятка ярких точек, составляющих что-то вроде восьмиконечного православного креста. Белый дымчатый след, тянущийся следом за ними, свивался в общий жгут, и казалось, что его несет с востока длинная белая рука и вот-вот в утренней голубизне прорежется лик Спасителя.

Князь опустил голову и посмотрел на своего телохранителя.

— Данило, это действительно знамение, но вот что оно означает? Русские перешли Дунай? В Стамбуле сдох султан? Или вообще — наступило Второе пришествие? Я... — князь не успел закончить свою фразу.

Серебристые точки, на ходу перестраиваясь в тройки, ринулись с высоты на изготовившиеся к очередной атаке турецкие войска. Буквально на глазах вырастая в размерах, они превратились в сияющих на солнце металлических птиц. У князя, да и у всех черногорцев, уже изготовившихся к последнему смертному бою, вдруг захолонуло сердце, когда железные птицы, выровнявшись над самой землей, молнией пронеслись над турецкими войсками, над их лагерем, брошенным селением Ботук в излучине Морачи, сейчас полным турецких аскеров, жаждущих крови и добычи...

Вслед за железными птицами по многострадальной земле Черногории прокатилась волна адского огня, сжигающая незваных гостей. На глазах князя в пепел превратились и ставка Селим-паши на левом берегу реки, и турецкие таборы, только что перешедшие реку. Те же турки, что уже начали свой путь вверх по склону, были поражены чем-то иным, чем огонь. Среди них будто пронеслась стальная метель, но только вместо снежинок на воинов султана Абдул-Гамида упали сотни, тысячи, миллионы стальных шариков.

Сделав свое дело, железные птицы снова поднялись ввысь и растаяли в небе. Разъяренными

тиграми бросились черногорцы вниз — добивать оглушенных и испуганных турок. Чисто количественно силы сторон сравнялись, но если учесть, что в одних при виде помощи Небесной Рати вселилась нечеловеческая сила и храбрость, а у других в животе стало жидко при виде того, как по их соплеменникам словно прошла жуткая коса Малакуль-маута — ангела смерти Азраила.

Из турецкой армии спаслось не больше двух тысяч человек. В основном из тех, кто находился на левом берегу реки и избежал огня. Они-то и принесли в Албанию весть о страшном разгроме при Мораче и ужасной гибели войска Османов. В числе погибших был и командующей армией Селим-паша, которого неизвестная сила смешала с землей вместе с его походным гаремом.

К вечеру десятого числа черногорское войско под командованием князя Николы Негоша без боя вошло в Подгорицу. Тогда же стало известно, что турецкий отряд в районе города Бар был уничтожен такими же небесными птицами. После этой радостной вести все церкви в Цетинье и окрестных горных селах залились радостным пасхальным перезвоном.

10 июня (29 мая), утро, блокпост неподалеку от Сан-Стефано.

Командир отделения сержант контрактной службы Игорь Андреевич Кукушкин.

Погоняли мы в Стамбуле, пардон, Константинополе тамошних бандюков, а потом, седьмого июня, получили приказ и отправились на блокпосты. Выпало мне, с моим отделением, перекрывать дорогу, ведущую из города в сторону Адрианополя. Это рядом с местечком Сан-Стефано. Всего два десятка километров от центра Константинополя.

Вместе с нами на блокпосте несут службу еще два десятка новонабранных греков-ополченцев. Да еще две супружеские пары болгар, которые считаются кем-то вроде вольнонаемных. Мужчины работают по хозяйству, а женщины готовят пищу. Еще мы их припахиваем, когда нужно осмотреть женщин-мусульманок. А иначе никак — турки, несмотря на то что боятся нас как огня, не задумываясь лезут в драку, если мы начнем обыскивать их жен, сестер или дочерей. А под женской одеждой мы пару раз уже ловили богатеньких турок, которые, как Абдулла из «Белого солнца пустыни», пытались смыться из города.

Задача, которую поставил нам старлей Бесоев, была простая, как апельсин: всех встречных-поперечных шмонать на предмет незаконного вывоза культурных и материальных ценностей. А если поподробнее, то проверять всех выезжающих из Константинополя, изымать у них оружие и ценности, награбленные у пролетариата, тьфу, у угнетенных народов Османской империи. Ну и, по мере сил и возможностей, гасить всякую сволочь, которая, пользуясь безвластием, промышляет грабежом и разбоем.

Прапор из состава роты, что перекрыла дорогу в самый первый день, сдавая нам блокпост, рассказал, что служба, в общем-то, относительно спокойная. Ну, это если держать ухо остро. Главная опасность — не сами турки, а разные там башибузуки и черкесы. Эти сволочи стараются напасть внезапно, подловить отставшего или потерявшего бдительность бойца и поизмываться над ним. Наши ребята, слава богу, не расслаблялись, и неприятностей с ними не было. А двое греков, отправившихся в ближайший поселок за продовольствием, угодили в лапы к этим уродам. Потом наши ребята нашли их трупы. Не буду описывать — что они с ними сделали. Несколько наших — наиболее впечатлительных — потом недели две были вегетарианцами.

Ну, а потом на грузовиках и «Тиграх» приехали головорезы из спецназа ГРУ, прилетел вертолет, и в холмах была устроена облава по всем правилам. Одну крупную банду черкесов показательно затравили. Головы с отрезанными ушами потом выставили в ближайшем турецком селении. Но это была только одна банда. Блокпост вроде пока не беспокоили, а вот дальше по дороге на Адрианополь разбойнички шалят.

А так все просто и скучно — стой на дороге да проверяй всех выезжающих. Вон, опять что-то запылило на дороге. Едут. Похоже, что народ небогатый. Две арбы; на одной барахлишко, на другой — женщина и трое детей. Одна девица уже вполне созревшая, наверное, скоро замуж выдадут.

Сам хозяин, высокий черноволосый турок средних лет, через грека-переводчика сообщил, что он мастер-чеканщик. Из города решил уехать, потому что кто-то на базаре рассказывал о том, что якобы новая власть собирается перерезать всех мусульман, а их жен раздать неверным. Чушь, конечно, но люди во все времена склонны верить слухам. И чем глупее слух, тем больше ему верят.

Пытаюсь разъяснить Мустафе — так зовут турка, — что власть Югославии не тронет тех, кто не нарушает законы и живет своим трудом. Он смотрит на меня с недоверием. Говорит, что пару месяцев поживет у родственников в Эдирне (так турки называют Адрианополь), а там видно будет. Оружия у него нет, ценностей особых тоже не обнаружено, поэтому мы беспрепятственно отпускаем его семью с миром. Советую ему быть поосторожней, так как одиноких путешественников активно грабят на дорогах.

Похоже, что я накаркал. Через четверть часа со стороны Адрианополя мы услышали крики и выстрелы. Хватаю пулемет и бросаюсь к тачанке. Да, я забыл сказать, что мы, по опыту небезызвестного батки Махно, для экстренных выездов используем тачанку. Это четырехместный подрессоренный экипаж, запряженный парой лошадей. На нем мы оперативно добираемся к месту происшествия, при необходимости имея возможность вести огонь прямо с колес.

Вот и теперь мы в считанные минуты оказались там, где разыгралась трагедия. Шайка бродяг-черкесов напала на Мустафу. Самого его они сразу же пристрелили. С жены Мустафы и его старшей дочери подонки сорвали все украшения, а потом потащили в придорожные кусты, чтобы там изнасиловать. Остальные с увлечением рылись в вещах чеканщика.

И тут появилась наша тачанка. Я и Мишка Иванов, парень из моего отделения, первыми же выстрелами положили четверых бандитов. Я стрелял из «Печенега», Мишка — из СВД. Грек Константинас, который был у нас кучером или, как мы шутили, «механиком-водителем», с винчестером в руках бросился к арбе. Одного мародера он подстрелил на ходу. Двое других, увидев, что к ним быстрыми шагами приближается «северный пушной зверек», бросились бежать к своим коням, которые были привязаны к дереву у дороги. Но далеко они не убежали. Константинас, прицелившись, несколькими меткими выстрелами завалил беглецов.

Стало тихо. Лишь брнчала сбруя лошадей, стонал один из подстреленных черкесов, да тихо и горько плакали жена и дочь убитого Мустафы.

— Ну, ты молодец, Константинас, — от души похвалил я храброго грека. — Хоть и годов тебе под пятьдесят, а дело свое знаешь и любому молодому сто очков форы дашь.

Грек, услышав мою похвалу, заулыбался:

— Командир, я был в сентябре 1854 года под Балаклавой. Тогда наш батальон под

командованием полковника Матвея Манто до последнего дрался с англичанами. Вот где было жарко. Много наших погибло, но никто не отступил. А эти бродяги с большой дороги — разве они воины?

Мы подошли к стоявшим на дороге повозкам. Утешать женщин было бесполезно. Обливаясь слезами, они погрузили на арбу сброшенные на землю мешки, потом положили туда же окровавленное тело главы семейства, и, развернувшись, тихо поехали обратно в сторону города.

А мы осмотрели трупы убитых черкесов. Внешне они были похожи на жителей Северного Кавказа. То ли лазы, то ли абхазы. Двое из них еще были живы. Один, правда, уже отходил, и грек из милосердия добил его выстрелом из винчестера. А второй, раненный в плечо, сидел, прислонившись к дереву, и зажав рукой рану, злобно смотрел на нас.

— Сволош урус, — прошипел он сквозь сжатые от боли и ненависти зубы, — я буду тэбе и твоим свиньям башка рэзать и жену твою...

Тут мне вдруг вспомнилась моя любимая Мерседес, с которой я не виделся уже почти три дня. Мой ПМ словно бы сам прыгнул мне в руку из кобуры, и я, не целясь, вlepил пулю в лоб этому подонку. Черкес мешком повалился набок.

До вечера у нас больше не было приключений. Из нескольких следовавших из города повозок мы изъяли четыре старых кремневых ружья и пару кинжалов. У стамбульского еврея-менялы, который выдавал себя за болгарина и, в подтверждение своего якобы христианства, повесил на грудь здоровенный крест поверх рубахи, мы нашли мешок с золотыми монетами и украшениями. Бедный Шейлок долго ругал нас последними словами, призывая на наши головы все беды на свете. Но нам было наплевать на его завывания.

Потом мы переговорили с несколькими армянами, которые ехали в Константинополь из Болгарии. По их словам, турецкая армия стремительно разлагалась. Известие о падении столицы Османской империи вызвало шок у командиров и солдат. Началось повальное дезертирство. А те, кто еще остался в строю, принялись грабить и насиловать христиан, вымещая таким образом свою злость за поражение на болгарях, греках и армянах. В свою очередь христиане, вооружившись чем попало, шли громить турецкие аулы, и даже нападали на небольшие турецкие отряды. Вроде бы военные действия и не велись, но жертв с обеих сторон было много. Я составил донесение о том, что рассказали мне армяне, и с оказией переслал его своему командиру. А он уже отправит его дальше по инстанции.

Ночью, о чудо, на нас попытались напасть обкурившиеся анаши башибузуки. Но эти любители ганжи были не знакомы с такой штукой, как снайперская винтовка с ПБС и ночным прицелом. Наш штатный снайпер, Мишка Иванов, без особого напряжения перестрелял большую часть любителей ночных приключений. Лишь когда две трети отряда были уже мертвы, до этих убогих наконец-то дошло, что что-то тут происходит не так. Бросив своих убитых, отморозки свинтили в неизвестном направлении.

А утром к нам пришла долгожданная смена. Мы передали ребятам блокпост, рассказали о своем житье-бытье, после чего сели на подводы, которые привезли нашу смену, и отправились домой. Да-да, для многих этот город уже стал вторым домом. Ведь то место, где тебя ждут — это и есть дом. А в Константинополе меня с нетерпением ждала моя ненаглядная Мерседес. Я так по ней соскучился!

10 июня (29 мая) 1877 года, Бухарест, госпиталь.

Рана моя оказалась серьезной. При осмотре врачи выяснили, что пуля, пробив бедренную мышцу, прошла около самой бедренной кости. Еще чуть-чуть — и мне пришлось бы идти в «червивую каморку». Это милые черкесы, бежавшие вдоль берега за миноноской и стрелявшие на самом близком расстоянии, так наградили меня.

Местный фельдшер, когда я высказал ему надежду, что дней через десять-двенадцать я снова вернусь в отряд, огорошил меня откровенным замечанием, что раньше двух месяцев мне и думать нечего о возвращении. Такое горе взяло меня, когда услышал это, что я чуть не удрал из госпиталя и не пошел назад пешком; кабы приятели не отговорили меня от этой глупости, я, наверное, так бы и поступил. Все же откровенность эта принесла мне ту пользу, что я стал серьезней относиться к своей беде.

А в госпитале мне промыли рану, причем из нее пинцетом вытащили кусочки сукна и белья, забитые туда пулей. И так было каждый раз, утром и вечером, когда мне делали перевязки. На этом врачебное попечение надо мной и заканчивалось. Русские, доктор и старший его помощник, приходили в палату два раза в день. Больше я их не видел. Туземный доктор, не то румын, не то австрийский еврей, чтобы смягчить боль в раненой ноге, стал делать мне уколы морфином.

А служащие госпиталя после утренней перевязки пропадали, и, исключая время завтрака, мы не видели их до самого вечера. Следовательно, мы не могли получить никакой помощи, а между тем многим из нас нельзя было не только вставать, но и шевелиться, не рискуя вызвать кровотечение.

Скрыдлов, который лежал в одной палате со мной, стал быстро поправляться. А у меня каждую перевязку продолжали таскать из раны кусочки белья. Началось нагноение раны. Затем, и это печальнее всего, нашла лихорадка. Дело в том, что я часто и подолгу страдал от лихорадки малярийной формы, в первый раз схваченной еще в 1863 году в Закавказье, потом исправленной и дополненной в Туркестане, Китае и Индии. Хинин, лекарство от этой гадости, мне начали давать тогда, когда лихорадка сказалась очень сильной. Она имела чисто восточный характер: лишь только я закрывал глаза и забывался, как передо мной открывались громадные, неизмеримые пространства каких-то подземелий, освещенных ярко-красным огнем. В этой кипящей от жары бесконечности носились миллионы человеческих существ, мужчин и женщин, верхами на палках и метлах, пронесившихся мимо и дико хохотавших мне в лицо...

Рана моя не заживала, а доктора отказывались сделать операцию и прочистить ее. Лихорадка просто замучила; некоторые ночи приходилось по двенадцать-тринадцать раз менять намокавшее белье! К счастью, наши сестры милосердия, к этому моменту появившиеся в госпитале, исполняли эту обязанность, иначе застудиться и окончательно свихнуться было бы простым делом.

Одну ночь мне было особенно плохо. Понимая, что дело неладно, я решил оставить кое-какие распоряжения на случай возможного конца. Ах, как смерть была близка, и как мне не хотелось умирать!

А на следующий день госпиталь посетил государь. Войдя с большой свитой в нашу палату, он прямо обратился к Скрыдлову:

— Я принес тебе крест, который ты так славно заслужил!

Скрыдлов поцеловал руку государя, положившую крест ордена Святого Георгия 4-й степени. Я его понимал — такой же наградой я, двадцатилетний прапорщик в отставке, был награжден в 1868 году при осаде Самарканда войсками бухарского эмира. Как давно это было!

Потом его величество обратился ко мне:

— А у тебя, Верещагин, уже есть такой, тебе не нужно! — и государь подал мне руку.

— Есть, ваше величество, благодарю вас, — ответил я.

После еще нескольких приветливых слов от цесаревича и румынского князя Карла, государь и его свита покинули палату. Кроме одного человека, одетого в партикулярное платье. Но выправка его говорила, что привычней для него был военный мундир. Это был мужчина в возрасте, среднего роста, с уже заметной лысиной. Круглое лицо, загорелая кожа, небольшая седая бородка. А вот его глаза...

Мужчина нагнулся надо мной, взял мое запястье, пощупал пульс, а потом внимательно посмотрел на меня. Лицо его стало озабоченным.

— Василий Васильевич, вам срочно нужно сделать операцию. Собирайтесь-ка вы, голубчик, в путь-дорогу, будете лечиться в нашем госпитале на «Енисее», — сказал мне этот господин.

— Милостивый государь, — ответил я, — прежде всего скажите, с кем я имею честь говорить?

— Прошу извинить меня, Василий Васильевич, — сказал незнакомец, — позвольте представиться: капитан Тамбовцев, Александр Васильевич. В Главной квартире государя я представляю руководство Югороссии. А для нормального лечения я предлагаю вам отправиться на наш плавучий госпиталь «Енисей», который сейчас находится в Золотом Роге.

Услышав это, я подумал было, что у меня снова началась лихорадка, и я опять начинаю бредить.

— Какая Югороссия?! Какой плавучий госпиталь «Енисей»?! Какой еще Золотой Рог?! — я ведь как-никак закончил Морской корпус и прекрасно знаю, что Золотой Рог — это залив, на берегах которого расположен Стамбул!

Мои мысли, по всей видимости, отразились на моем лице. Господин Тамбовцев по-отечески покачал головой и, улыбнувшись, сказал мне:

— Василий Васильевич, похоже, что вам еще не сообщили о том, что флот Югороссии внезапным ударом прорвался через укрепления Дарданелл и захватил Стамбул, который теперь снова именуется Константинополем. Турецкий султан Абдул-Гамид захвачен в плен, его армия деморализована, флот уничтожен. Не сегодня-завтра начнется полное освобождение Болгарии от остатков турецких войск.

Я был как во сне. Неужели все обстоит именно так, как рассказывал мне господин Тамбовцев?! Похоже, что пока я лежал в горячке и в навеянном морфином сладком сне, в мире произошли такие замечательные события!

Или ко мне снова явились мои видения, и господин Тамбовцев — это всего лишь фантом, который издевается надо мной в преддверии моей смерти?

Похоже, что вид у меня в этот момент был совсем неважный. Господин Тамбовцев достал из

кармана какую-то плоскую продолговатую коробочку черного цвета, с торчащим из нее отростком. Он на что-то там нажал, потом приложил эту коробочку к уху и заговорил:

— Нина Викторовна, это Тамбовцев! Нахожусь в госпитале в Бухаресте.

Я вздрогнул, услышав раздавшийся из этой коробочки приятный женский голос:

— Александр Васильевич, с вами что-то случилось?!

— Нет, Нина Викторовна, со мной все в порядке! Просто здесь находится тяжело раненный Василий Васильевич Верещагин...

— Верещагин?! — изумилась женщина в коробочке. — Тот самый?

— Да, Нина Викторовна, тот самый, — сказал господин Тамбовцев. — Его необходимо срочно эвакуировать на «Енисей». При таком лечении, как здесь, я боюсь, что он долго не протянет. Прошу прислать санитарный вертолет, и пусть он приземлится где-нибудь поближе к Бухаресту. Я дам команду парням из группы капитана Хона, чтобы они нашли подходящую площадку.

— Хорошо, Александр Васильевич, я немедленно свяжусь с адмиралом Ларионовым. На «Енисее» есть свой вертолет. Он может с промежуточной посадкой на «Кузнецове» добраться до Бухареста. Надо спасти Василия Васильевича — это наша гордость!

Сказать по чести, я спокойно слушал переговоры господина Тамбовцева с неизвестной мне Ниной Викторовной. Ситуация была настолько фантастической, что я уже теперь не сомневался, что я снова нахожусь в бреду и все происходящее мне мерещится. Что и государь, и господин Тамбовцев, и крест лейтенанта Скрыдлова привиделись мне в лихорадочном видении. Проклятая лихорадка!

Но я ошибался. Вскоре я убедился в этом. А самое обидное то, что реальность оказалась намного фантастичнее самых буйных моих видений.

10 июня (29 мая) 1877 года, полдень, Константинополь, мобильный госпиталь МЧС.

Командир отделения сержант контрактной службы Игорь Андреевич Кукушкин.

И вот, наконец, после службы на блокпосту мы вернулись в город. Добрались до своих казарм, считай, без приключений. Разместили наш взвод на постой в доме одного турецкого вельможи, который на следующий день после захвата Константинополя удрал из города вместе со всей своей семьей и награбленными ценностями. Тогда мы еще только-только начали перекрывать дороги, ведущие из Константинополя, и, похоже, этому паше повезло, сумел проскочить мимо наших постов. А может, и не повезло. Уж больно много на тамошних дорогах грабили и убивали.

В основном этим делом занимались черкесы. Тут наш зам по воспитательной работе провел у нас беседу, рассказал о том, что нынче творится в Турции. С его слов получалось, что эти джигиты беспредельничали покруче, чем разные там банды во время нашей Гражданской войны. Те хоть были отморозками, но своими. А эти — чужаки.

Оказывается, лет за десять-пятнадцать до начала войны, с Северного Кавказа в Турцию уехала

уйма народа; цифры были разные, кто говорил — сто тысяч, кто — пятьсот. Турки обещали переселенцам помощь. Только, как это часто бывает, чиновники турецкие деньги разворовали, и люди, бросившие дом и хозяйство, оказались в чужой стране без копейки денег и без крыши над головой. Тут и болезни начались. Словом, умирали они тысячами. Чтобы раздобыть хлеба, джигиты продавали туркам в рабство своих жен и детей. Только султан запретил работорговлю.

В конце концов, всех, кто выжил, отправили на жительство в Болгарию. Ну и там, озлобленные на весь свет кавказцы, получившие прозвище «черкесы», начали грабить местных жителей. Те в ответ взялись за оружие. Резня была страшная. Она, в общем-то, и стала поводом для объявления Россией войны Турции. Вот так оно бывает — событие в одной стране аукается в другой.

Сейчас эти черкесы оказались вообще как бы вне закона. Все вокруг их ненавидели: и греки, и болгары, и сами турки. Как бешеные волки, они нападали на всех, грабили, насиловали, убивали. И их тоже истребляли все. Никакого пока выхода из этого замкнутого круга не было. Назад, на Кавказ, им дороги не было, в других странах и своих разбойников хватало. Так что пока шла война на уничтожение. Спецназовцы и греческие патрули, чистящие окрестности города от банд, с ними тоже не церемонились, за бандитизм по законам военного времени — смертная казнь на месте преступления.

Ну, а в самом Константинополе уже стало более-менее тихо. По ночам, правда, постреливали. Но в городе было введено военное положение и комендантский час. Комендант Никитин с его советниками и помощниками потихоньку налаживал жизнь. Главное — работали базары, где горожане могли купить себе еду. Деньги пока ходили турецкие, но, как я слышал, готовились к печати новые, «югоросские», рубли, пока условно именуемые «тугрики». Почему «тугрики»? А черт его знает! Но наши умельцы уже разрабатывают на компьютерах макеты купюр. Споры идут насчет символики и прочих атрибутов. Даже самому адмиралу приходится иной раз вмешиваться. Ходят слухи, что пока сошлись на портретах великих русских флотоводцев.

Ну а я, немного отдохнув и помывшись, направился к своей красавице Мерседес. Замечательное у нее, черт возьми, имя! Мне оно очень нравится. И сама она, солнышко мое черноглазое, совсем меня с ума свела. Сколько у меня девиц было до этого, а вот эта прелестница из прошлого — единственная, кто смогла взять в плен мое сердце. Скорей бы ее увидеть!

Кстати, Мерседес сейчас в госпитале МЧС уже не на положении пациентки. Она уже пришла в себя, и сейчас подполковник из этого госпиталя — Игорь Петрович его имя и отчество — к делу ее приставил. Язык они общий нашли — Игорь Петрович служил на Кубе, там научился разговаривать по-испански. А моя любимая мало-помалу осваивает русский язык. Сейчас она работает в госпитале кем-то вроде сиделки. Ничего, справляется, Игорь Петрович ее хвалит.

Многие женщины из тех, кто остался без кормильцев, причем не только гречанки и армянки, но и турчанки, сейчас работают в нашем госпитале. Тут и заработок, и возможность найти себе нового главу семьи. Ведь многие ребята в нашем времени были женаты, имели семьи. И все наши близкие остались в веке двадцать первом. А в нынешнем девятнадцатом веке мы, похоже, застряли надолго, если не навсегда. Надо как-то налаживать личную жизнь, ведь в поход отправились не монахи какие-нибудь, а молодые и здоровые мужики. «Основной инстинкт» — он и в прошлом основной инстинкт. И никуда от него не денешься.

Поначалу знакомые греки стали приглашать наших орлов в портовые бордели. Их в городе было немало. Только наш доктор Сергачев велел передать всем желающим потешить плоть,

что в этих борделях заразу найти проще пареной репы. И что он не потратит ни одной дозы антибиотиков, чтобы лечить того, кто подхватит от какой-нибудь местной путаны «гусарский насморк». В местных магазинах изъяли все имевшиеся в наличии «изделия № 2». Но они были такого ужасающего качества, что желающих ими воспользоваться нашлось не так уж и много.

Но, помимо чистой физиологии, людям требовалась женская ласка, забота. Поэтому многие морпехи и моряки находили себе вдовушек, пусть даже с детьми. У многих чувства оказались достаточно серьезными. Местный греческий батюшка уже обвенчал несколько пар. Остальные пока под венец идти не собирались, но крепко подумывали об этом.

Ну а я со своей красавицей повенчался бы хоть сегодня. И она вроде бы не против этого. Мы с ней с грехом пополам научились понимать друг друга. Да и какие еще слова нужны в этом деле. Посмотришь в глаза своей любимой — и все становится ясно.

Вот и она. Бежит ко мне, в белом халатике, с белой косынкой, на которой нашит красный крест. Прямо с работы, должно быть. Раскраснелась вся — от волнения, видать. Черные глаза светятся от счастья. Подхожу к ней, обнимаю. Осторожно так обнимаю, уж больно плечики у нее худенькие, боюсь, как бы не сломать чего, ведь хочется обнять ее крепко-крепко.

Отпускаю ее, она ласково так смотрит мне в лицо. Замечает свежую царапину — поцарапало щепкой, отскочившей от повозки. Это два дня назад какая-то сволочь обстреляла нас, когда мы проезжали через турецкую деревню. Потом, конечно, мы перевернули все дома, а ружья так и не нашли. Местные же мужики смотрят исподлобья и как попугаи твердят: «Йок, йок, йок...»

Мерседес своими тонкими пальчиками проводит по щеке, осторожно касаясь царапины.

— Больно? — спрашивает она. Это одно из первых русских слов, которое она выучила. Слишком часто такой вопрос ей приходится задавать, когда она ухаживает за ранеными.

— Но, Мерседес, — отвечаю ей. Я тоже учу потихоньку испанский язык.

Потом я обнимаю ее за плечи, и мы идем гулять по дворцовому саду. Здесь так красиво. Я рассказываю ей о своем родном городе Выборге, стоящем на берегу залива, о старинном замке, который находится в центре города. Потом об огромном и прекрасном городе Санкт-Петербурге, где я учился и откуда ушел служить в армию.

Говорю по-русски, но моя испаночка внимательно слушает меня, кивает, словно понимает, и сочувственно смотрит на меня своими прекрасными глазами. Я шепчу моей любимой в маленькое нежное ушко слова любви, и она радостно смеется — ей щекотно. Потом она прижимается ко мне и шепчет:

— И я тебя люблю, Игорь.

Так чисто у нее это получилось, что я даже удивился. Должно быть, она попросила у нашего доброго доктора, чтобы он сказал, как будет звучать эта фраза по-русски, а потом долго и старательно ее заучивала.

Я обнимаю Мерседес и целую ее. Она вздыхает, и еще крепче прижимается ко мне. Похоже, что скоро мне придется заняться поиском обручальных колец.

10 июня (29 мая) 1877 года, полдень, Афон, Свято-Пантелеймоновский монастырь.

Да, много где мне приходилось побывать, но вот на святой горе Афон как-то не довелось. Про Святую гору и ее монастыри уже здесь мне много рассказывал поручик Никитин. Долгими вечерами мы вели немало бесед о монастырях и скитах, о схимниках, живущих здесь подобно отшельникам первых веков христианства. Я хочу понять эту страну и это время, понять и полюбить.

И вот пришло время, и мы с поручиком, наконец, выбрались сюда, чтобы переговорить с игуменом русского Свято-Пантелеймоновского монастыря архимандритом Макарием. Никитин рассказал мне, что настоятель русский, родом из тульских торговых людей. На Афон он приехал в 1851 году, а через четверть века братия избрала его игуменом монастыря святого Пантелеймона.

Именно с ним поручик и посоветовал побеседовать насчет возможной кандидатуры нового Константинопольского патриарха. Среди монастырской братии и монахов, живущих в скитах, было немало русских. Нам хотелось, чтобы именно из их числа и был избран глава Православной церкви Югороссии. И это не простой каприз, не простое желание видеть на этом посту соотечественника, тому есть очень и очень веские причины.

Греческий каик, на котором мы отправились в путешествие, подошел к монастырской пристани, именуемой здесь «арсаной». Монастырь был расположен на пологих зеленых склонах Святой горы. Шатровые колокольни и купола с золочеными крестами были так похожи на церкви наших старых русских городов, что у меня даже сердце защемило от тоски по дому. Вот только когда я его еще увижу? Скорее всего, никогда. Наша родина со всеми ее бедами и радостями, достоинствами и недостатками осталась где-то там, за непроницаемой стеной времени. И, как ни хочется надеяться на обратное, пути назад нам уже нет.

Тем больше у нас оснований построить здесь свой, лучший мир. Мир, не знающий ни смут, ни разгула толерантности и гомосятины, ни международного терроризма, ни мировых войн, наконец. А пока нам, да и всему человечеству, нужен стопроцентно православный, уважаемый всеми Константинопольский патриарх. К тому же если учесть, что Московская патриархия ликвидирована Петром I и неизвестно когда возродится, Константинополь будет противовесом и католическому Риму, и протестантским странам, исповедующим иудео-христианство с его поклонением золотому тельцу.

Монах с большой окладистой седой бородой подошел к нашему каику. Мы с поручиком склонили головы и произнесли по-гречески: «Эвлогите» («Благословите»), Монах в ответ сказал нам: «О Кириос» («Господь благословит»), — после чего пригласил нас следовать за собой.

Архимандрит Макарий встретил нас у входа в монастырь. Мы с Никитиным склонили головы под его благословение, после чего представились. На Никитина игумен посмотрел обыденно, как на простого паломника, а вот меня он разглядывал долго. Мне показалось, что его спокойные серые глаза заглянули прямо мне в душу. Удивительный взгляд...

— Да, никогда бы не подумал, что придется мне когда-нибудь разговаривать с пришельцем из другого мира, — ясным и неожиданно молодым голосом произнес Макарий. Мне с большим трудом удалось сдержаться от возгласа удивления — вот так игумен! Насквозь видит! И как ему удалось меня раскусить? Как он догадался, что мы действительно чужие в этом мире?

— Отче, — сказал я ему, склонив голову, — вы правы, мы действительно пришли к вам из

будущего. Это тот же мир, только почти на полторы сотни лет старше. Неисповедимы пути Господни. Скорее всего, мы оказались здесь по Его воле. Во всяком случае, нам так кажется. И лучшее подтверждение этому то, что мы сражаемся на стороне Христа. И именно нами освобожден Константинополь, город, из которого на Русь пришел свет православия. Мы обещаем, что над Святой Софией скоро вновь будет сиять христианский крест.

— Это большая радость для нас, — склонил свою седую голову Макарий, — и вместе с нами всему, что произошло в граде святого Константина, радуются миллионы православных. Но скажите мне, что привело вас, людей ратных и грешных, в нашу обитель?

— Отче, вы, наверное, уже знаете, что радость освобождения Второго Рима была омрачена кончиной Константинопольского патриарха.

Игумен при этих словах перекрестился, мы последовали его примеру.

— Так вот, нам очень бы хотелось, чтобы вакантное место покойного патриарха занял достойный служитель церкви. Учитывая, что в новом государстве, которое будет называться Югороссией, доминировать будут русские, мы полагали, что было бы неплохо, если бы новый патриарх оказался русским. И это не пустой каприз. Только русский патриарх, равно уважаемый всеми, сможет примирить между собой греков, болгар и сербов, в последнее время рассорившихся между собой. Только русский сможет остудить жар и утешить раны. Только к русскому патриарху будут прислушиваться в Петербурге и даже в Риме, ибо за ним будет стоять сила. Как ни прискорбно, владыки земные прислушиваются не к высокой мудрости, а только к грубой силе. Мы знаем, что среди братии, живущей на Святой горе, есть немало тех, кто своим служением Господу доказали, что они по праву могут стать главой Константинопольской патриархии.

При этих словах игумен посмотрел на нас с каким-то испугом.

— Вы считаете, что именно я должен взвалить на свои плечи сей крест? — Макарий перекрестился и сделал едва заметный жест рукой, словно показывая, что не готов к такому подвигу. — Скажу вам, что я грешен, сильно грешен. Когда началась эта война, я, мних недостойный, попытался спасти наши православные церкви и монастыри от поругания агарянами. И стал я просить султана, чтобы он запретил своим воинам разорять наши храмы. Султан согласился, но потребовал за это выкуп в свою казну — полтора миллиона золотых рублей. Наш монастырь отдал все до копейки ненасытным сребролюбцам. Пришлось даже продавать церковную утварь, чтобы собрать требуемую сумму. Узнав о нашем поступке, государь Александр Николаевич сильно на нас разгневался. Но я слышал, что султан все же сдержал свое слово, и турки щадят православные святыни...

Я не стал разочаровывать архимандрита Макария. По нашей информации, банды черкесов и башибузуков при первой же возможности грабили церкви и монастыри, безжалостно убивая православных священников и их паству.

— Отче, мы понимаем вас, поэтому и не настаиваем, чтобы именно вы возглавили патриархию. Мы ждем вашего лишь совета. Подскажите нам — кто из наших соотечественников достоин стать новым главой Константинопольского патриархата?

Макарий задумался. Он долго перебирал четки, сделанные из продолговатых бусинок, именуемых на Афоне «слезами Богородицы», и шевелил губами, беззвучно читая одну молитву за другой. Так прошло минут двадцать. Мы с Никитиным терпеливо ждали его решения. Наконец Макарий встрепенулся, отложил в сторону четки и сказал:

— Есть такой мних. Родом он из донских казаков. В молодости воевал здесь же — при царе Николае Павловиче, дошел с фельдмаршалом Дибичем до Адрианополя. А потом вернулся домой, женился. Только жизнь у него не сложилась. Двое деток померли еще в младенчестве. Потом умерла жена. И решил наш казак оставить службу мирскую и стать служителем Божьим. Отправился он на Афон, да постригся здесь под именем брата Николая. Сейчас он служит Богу в одной из келлей — это маленькие монастыри, управляемые старцем-настоятелем. Вот он и есть такой настоятель. Братия его уважает за прямоту, честность и подвижничество. Я вызову его, поговорю с ним. Думаю, что он не побоится взвалить на свои плечи крест служения Богу и людям. Лучшего патриарха для державы воинов и тружеников, пожалуй, вряд ли можно найти.

Архимандрит Макарий замолчал и снова начал перебирать четки. Мы с Никитиным переглянулись, кивнули друг другу. Подойдя к игумену русского монастыря на Афоне, мы попросили у него благословения.

На пристани нас встретил тот же седобородый монах. Он перекрестил нас и каждому подарил по иконе местного, афонского письма. Мне — икону с изображением архистратига Михаила, Никитину — с изображением Дмитрия Солунского. «Эвхаристо!» — поблагодарили мы монаха. В ответ он перекрестил нас.

В Константинополе мы еще раз обсудили кандидатуру старца Николая и единодушно решили, что он действительно именно тот человек, который должен занять вакантный пост патриарха нашего нового государства. Пришло время готовить собор, новый патриарх должен быть избран гласно, лучшими представителями мирян и духовенства. Нашего кандидата надо срочно сделать епископом, чтобы он получил право на белый клобук патриарха.

Особенно тщательно должен поработать поручик: его спецслужбы должны проследить, чтобы в число избранных мирян и клириков на собор не попали местные «квислинги», запятнавшие себя сотрудничеством с турками. И попали лояльные нам епископы, которые поддержат нашу кандидатуру.

А пока поручик Никитин уже успел расследовать несколько дел греческих епископов, скупавших за полцены церковную утварь у грабителей. Вы спросите, откуда у Никитина в Константинополе на пятый день взялись спецслужбы? На работу в «органы» охотно пошли те люди, из которых некогда состояла его разведывательная сеть. Греки, болгары, сербы, и даже некоторые турки. А известный мне по захвату дворца Долмабахче Аристидис Кириакос вообще оказался местным Берией, жестким, хватким и очень умным. Так что процесс пошел и лед тронулся, как говорил небезызвестный Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей.

10 июня (29 мая) 1877 года, вечер, Одесса, БПК «Североморск».

Старший лейтенант Игорь Сеницын.

Неспешно — «Великий князь Константин» мог идти с крейсерской скоростью не более одиннадцати узлов — мы направились к Одессе. Наши ребята высыпали на палубу и с любопытством разглядывали «корвет» — такое прозвище дали они кораблю, который под командованием знаменитого Макарова творил на Черном море чудеса. Отчаянной смелости человек!

Мы видели, что и на «Константине» рассматривают в бинокли и подзорные трубы наш БПК. У предков, наверное, появилось много вопросов к нам, на которые придется давать ответ. Но

всему свое время. Надо в Одессе выгрузить наших дамочек, дать возможность подготовить «Великого князя Константина» и остальные корабли Черноморского флота к дальнему походу. Как я понял, наш командир получил приказ — взяв лейтенанта Макарова на борт, отправиться в Варну, где на «Кузнецове» на самом высшем уровне пройдет совещание и где будут определены планы на будущее.

На подходе к Одессе повстречали мы тогдашнее чудо российского кораблестроения — так называемую «поповку». Это броненосец абсолютно круглой формы. В общем, плавучий поднос, на котором установлены два мощных орудия. А впрочем, каков запрос — таков и ответ.

В 1869 году военное министерство предложило построить на Черном море броненосные корабли, которые должны были соответствовать трем условиям. Они не должны сидеть глубже двенадцати или четырнадцати футов (3,7–4,3 м); должны иметь большую толщину брони, чем существовавшие тогда иностранные броненосцы; и должны носить наибольший калибр крепостных орудий, то есть не меньше 11-дюймовых нарезных стальных пушек. Так на свет появились круглые броненосцы, тихоходные — скорость не более восьми узлов, но хорошо бронированные, и вооруженные мощной артиллерией. Потом про них сочинили множество легенд. Дескать, при стрельбе они вращались как волчок — на самом деле поворачивались от отдачи при выстреле из-за слабости стопоров именно сами орудийные станки, расположенные внутри бронированного барбета. Эти уникальные по своей конструкции корабли имели шесть(!) гребных винтов. Правда, впоследствии их число уменьшилось. Критики потом обвиняли морское министерство в выброшенных на ветер деньгах. Они, видимо, забыли, для чего предусматривались эти суда. Ведь строились они не как мореходные броненосцы, а как плавбатареи, и вполне соответствовали своему назначению. Для обороны мелководного Днепро-Бугского лимана они вполне годились.

Видимо, предупрежденный командующим Черноморского флота вице-адмиралом Николаем Аркасом броненосец — кажется, это был «Новгород» — отсалютовал нам флагом и, отчаянно пыхтя своими двумя трубами, неспешно проследовал мимо, в сторону Очакова.

А вскоре мы увидели на горизонте «жемчужину у моря». Одесса в те годы по количеству населения считалась четвертым по величине городом России (после Санкт-Петербурга, Москвы и Варшавы). В ней проживало без малого четыреста тысяч человек обоего пола. И нам показалось, что все они вышли нас встречать. Знаменитая Потемкинская — здесь ее пока еще звали Гигантской — лестница была полна народу. Орудия гарнизона Одессы встретили нас артиллерийским салютом. На пристани духовые оркестры наяривали brave марши.

Когда мы пришвартовались и спустили трап, к «Североморску» подошла делегация встречающих. Ее возглавляли: губернатор города генерал-майор граф Левашов и архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий. Командир БПК капитан 1-го ранга Перов был явно смущен почестями, которые оказали ему и его команде темпераментные одесситы. А впереди нас, как выяснилось позже, ждал торжественный проход под сделанной за одну ночь деревянной триумфальной аркой, подарки от купечества и дворянства Одессы и бал во дворце губернатора.

Одесса ликовала — именно ее жителям посчастливилось первыми приветствовать тех, кто сумел осуществить вековую мечту большинства русских, греков и болгар — разгромить ненавистную Османскую империю и освободить от турок древнюю столицу Византии — Константинополь. Нас буквально носили на руках, моряков и морпехов угощали вином, жареной рыбой, сыром и прочими вкусняшками. Девушки с горящими глазами старались чмокнуть в щечку героев. Словом, как там у Грибоедова: «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали».

Но праздник праздником, а нам надо было разобраться с текущими делами. И прежде всего — с нашими полонянками. Для этого мы решили воспользоваться услугами Одесского славянского благотворительного общества и местного отделения Красного Креста. Видели бы вы, как наши подопечные плакали, расставаясь со своими спасителями! Они бросались к нам на шею, целовали нас, обещали, что никогда не забудут то, что мы для них сделали. Они клялись, что назовут своих будущих детей именами тех, кто спас их от рабства. Честно скажу, что и некоторые наши орлы, уж на что люди не сентиментальные, но и они не выдержали — прослезились.

Местные чиновники обещали выправить всем бывшим невольницам документы, переодеть их в новую одежду — многие из них так и щеголяли в наших подменках — снабдить девиц деньгами и продовольствием и посадить их на поезд, следующий в нужном им направлении. Директор Одесской железной дороги Чихачев обещал, что полонянкам билеты продадут в полцены.

Ну, а с Ольгой свет Александровной, как я и предполагал, случилось ЧП. Она пропала! Как рассказали мне ее спутницы, последний раз они видели ее перед тем, как «Североморск» подошел к пристани и начал швартоваться. Куда она подевалась — никто не знал. На всякий случай по приказу командира ВПК матросы перешерстили все помещения корабля, но «потеряшка» так и не была найдена. Посоветовавшись, мы решили, что неугомонная девица рванула на фронт к своему отцу. На всякий случай мы дали ее описание местным полицейским, тем более что сбежала она в нашей форменке — ее старые вещи так и остались в кубрике, где жили бывшие невольницы.

Как было сказано в приказе, врученном лейтенанту Макарову, он должен был, временно сдав командование старшему офицеру «Константина», перейти на «Североморск» и на его борту отправиться в Варну. Зачем и для чего — сказано не было, и бедный Степан Осипович ломал голову, решая, что это — наказание или, наоборот, награда. У меня были на этот счет мысли, но Макарову я их озвучивать не стал. Но явно, что после того как Черное море очищено от противника, ждало лейтенанта Макарова море Средиземное, если вообще не Атлантический океан. Ну, и разумеется, новые противники взамен старых.

Впрочем, горечь расставания Макарова с его любимым «Константином» была скрашена возможностью познакомиться с «Североморском». Как человек дотошный и любопытный, он просто замучил вопросами своего коллегу — капитана 1-го ранга Перова. Тому приходилось нелегко — ведь не так просто объяснить человеку девятнадцатого века принцип действия радиолокатора, газотурбинной ГЭУ или ТТХ бортового вертолета Ка-27. А уж обилие электричества во всех видах и вовсе вводило бедного лейтенанта Макарова в ступор. Конец семидесятых годов — это время, когда парус еще до конца не уступил позиции пару, а мы тут со своими дизелями да турбинами...

А когда вечером наш «Североморск», весь в цветах и подарках, вышел в море из Одесской гавани, неожиданно нашлась и наша «потеряшка» — Ольга Пушкина. Оказывается, этот чертенок спрятался в какой-то каютке и сидел там тихо-тихо. Она решила, что останется у нас на корабле и будет юнгой.

— Дядя Игорь, — сказала она мне елеиным голосом, — ведь на «Североморске» надо не только из пушек стрелять и машинами управлять. Есть дела, с которыми может справиться и такая девочка, как я, — Ольга умильно посмотрела на меня своими лучистыми голубыми глазами. — Дядя Игорь, оставьте меня на корабле. Я буду хорошей и послушной.

— Вот ведь... — я с трудом удержался от ненормативной лексики. И в то же время мне было смешно. Смешно и радостно. Мне не хотелось расставаться с этой отчаянной девицей, нашим

корабельным Гаврошем. И не только потому, что мы уже все привыкли к ее веселому, неунывающему характеру. В глубине души я испытывал к внучке Пушкина какое-то незнакомое мне чувство, какого у меня еще никогда не было.

У меня уже были в жизни романтические приключения, один раз я чуть было не испортил штемпелем страницу своего паспорта. Но такого нежного чувства, которое возникало во мне при виде этой хрупкой девочки-девушки, у меня никогда не было.

Посоветовавшись с командиром, мы решили не гонять в Одессу вертолет — горючее жалко тратить, да и стемнело уже, погода ухудшилась, налетел ветер, началась сильная качка. А окончательно принять решение — что с ней делать — в Варне. Возможно, что к тому времени мы узнаем точное местонахождение Александра Александровича Пушкина — и с рук на руки передадим ему непутевую дочь. По-иному не получится, только из рук в руки, а то эта неугомонная еще чего-нибудь отмочит. Я так думаю, и в плен она попала по такой же глупости. А пока...

— Юнгой, говоришь, хочешь быть? — я грозно, как сумел, нахмурил брови. — Тогда, юнга Пушкина, слушай мой приказ: шагом марш на камбуз, чистить картошку.

— Есть, товарищ старший лейтенант, — бодро ответила мне голубоглазая чертовка и, приложив руку к головному убору, повернулась через левое плечо. После чего вприпрыжку отправилась на камбуз. Лишь бы кок перенес ее помощь без особого ущерба для своего здоровья. А вообще-то картошку на камбузе у нас чистит специальная машина, но об этом — тсс!

10 июня (29 мая) 1877 года, вечер, где-то неподалеку от Бухареста.

Верещагин Василий Васильевич.

Перед тем как попасть в рай, мне пришлось пройти, как и положено, семь кругов ада. Дело в том, что до места, откуда меня должны были отправить на некий плавучий госпиталь, носящий имя великой сибирской реки, надо было еще доехать. А знаете ли вы, что такое полковая госпитальная повозка? Если нет, то вам сильно повезло. В инструкции написано, что сие сооружение «специально предназначено для перевозки раненых воинов». Похоже, что те, кто писал подобные инструкции, были большими шутниками.

Трудно представить себе, до чего сильна тряска этих полковых госпитальных повозок и, главное, жестка — от множества винтов, гаек, цепей, шумевших, гремевших и прыгавших при малейшей неровности дороги. Не сомневаюсь, что изобретатель этих «специально приспособленных» повозок получил награду за свое изобретение. У нас ведь никто не считает, что служит за жалованье, все требуют еще особенных вознаграждений. Думаю, однако, что поступили бы справедливо, если бы заставили этого изобретателя ездить в таком экипаже, в каком морили меня и за мной тысячи других несчастных.

Я был совсем разбит. Ехавший рядом на смирной лошадке капитан Тамбовцев, увидев мое побелевшее лицо, покрытое потом, приказал вознице остановиться. Он слез с лошади, подошел ко мне и жестом опытного лекаря взял меня за запястье. Потом озабоченно покачал головой и достал из своей объемистой кожаной сумки, висевшей у него на боку, небольшую коробочку, с нарисованным на ее крышке красным крестом. Открыв ее, капитан вынул оттуда какой-то предмет — яркое солнце и мое плохое самочувствие помешали мне понять, что именно. Тамбовцев участливо сказал мне:

— Василий Васильевич, потерпите немного, — после чего меня что-то укололо в предплечье.

— Готово, — сказал капитан, — сейчас вам станет полегче.

Действительно, боль куда-то пропала, и я почувствовал облегчение. Мы проехали еще немного, и я неожиданно увидел рядом с собой самого настоящего лешего. Да-да, именно лешего. А как бы вы еще назвали человеческую фигуру в лохматой одежде, к тому же увешанной веточками и пучками травы? Лицо этой нечисти было размалевано черными и зелеными полосами.

— Не бойтесь, Василий Васильевич, — сказал мне капитан Тамбовцев, увидевший мелькнувший в глазах испуг, — это наши охранники пришли, чтобы проводить к тому месту, откуда нас заберет вертолет.

Самочувствие мое к тому времени настолько улучшилось, что во мне даже проснулось любопытство, и я спросил своего сопровождающего:

— Господин капитан, если вас не затруднит, то объясните мне, что такое вертолет?

Капитан Тамбовцев внимательно посмотрел на меня и, видимо, удовлетворившись моим внешним видом и самочувствием, ответил:

— Василий Васильевич, если вы не против, то можете называть меня по имени и отчеству — Александр Васильевич. А вертолет — это такая машина, которая может летать по воздуху. С его помощью мы и доставим вас в наш госпиталь, где вам окажут квалифицированную медицинскую помощь. Поверьте, наши врачи могут творить чудеса.

Через несколько минут я услышал необычные звуки, доносившиеся откуда-то сверху. Я поднял голову и увидел, как в небе появилась машина, одновременно напоминающая и стрекозу, и пузатого головастика. Она-то и издавала эти звуки. То, что Александр Васильевич назвал вертолетом, сначала зависло над нами, а потом стало медленно снижаться, поднимая вокруг огромные тучи пыли. Вскоре оно приземлилась в нескольких десятках саженей от нас. Крылья, подобные крыльям мельницы, только расположенные сверху и горизонтально, перестали вращаться. Шум затих.

Сбоку машины открылась дверца, из которой вышли два человека, одетые в белые халаты, с каким-то длинным предметом в руках. Они подошли к нашей повозке и разложили то, что принесли с собой. Неизвестный мне предмет был раскладными носилками с изголовником. Санитары, а именно ими и оказались люди из вертолета, стали аккуратно перекладывать меня из повозки на эти носилки.

В этот самый момент я услышал топот копыт и минутой позднее — зычный голос моего старого знакомого, генерала Скобелева:

— Василий Васильевич! С вами все в порядке?! Кто эти люди и куда они вас собираются везти?!

— Михаил Дмитриевич, голубчик, не беспокойтесь, — ответил я генералу, повернув голову, — эти люди — представители Югороссии, которые обеспокоились состоянием моего здоровья и, с ведома государя и цесаревича, решили отправить меня в свой госпиталь. Он находится в Константинополе.

— Как?! — изумленно воскликнул Скобелев. — Так это те самые храбрецы, которые захватили столицу Османов и взяли в плен самого султана? И вы собираетесь к ним? Василий

Васильевич, друг мой, вы не могли бы попросить у своих благодетелей, чтобы они взяли меня с собой — посмотреть на город, который так неожиданно оказался в руках русского воинства? Простите, не знаю вашего имени и отчества, — обратился Скобелев к капитану Тамбовцеву, который с интересом слушал наш диалог, — господин...

— Тамбовцев, — коротко ответил Александр Васильевич генералу.

— Господин Тамбовцев, не возьмете ли вы с собой русского генерала, который оказался на этой святой войне волонтером без места и должности? Для меня здесь нашлась только должность начальника штаба дивизии. И то лишь потому, что этой дивизией командует мой родной отец.

— Михаил Дмитриевич, — ответил господин Тамбовцев, чуть заметно кивнув, — мы рады будем видеть вас в освобожденном Константинополе. Только одна к вам просьба — ничему не удивляйтесь. Мы понимаем, что эта просьба практически невыполнима, но все же... Итак, господа, — обратился капитан Тамбовцев ко мне и к генералу Скобелеву, — милости прошу вас в вертолет. Путь нам предстоит неблизкий, да и состояние здоровья уважаемого Василия Васильевича таково, что чем быстрее он окажется под наблюдением медиков, тем лучше.

Санитары осторожно подняли мои носилки и направились к вертолету. Вслед за ними, передав повод своего коня казаку-ординарцу и придерживая саблю, шагал генерал Скобелев. Наш Вергилий в этом странном мире, Александр Васильевич, передал нас с рук на руки юному подпоручику, который оказался военным медиком, после чего мы попрощались с провожающими.

Меня внесли на носилках в вертолет. Вслед за мной и санитарями туда неловко забрался и генерал Скобелев. Он удивленно вертел головой, обозревая внутренности летучей машины. Дверь захлопнулась, все вокруг заревело и завывало, за окнами поднялся столб пыли, и покатила по земле фуражка ординарца Скобелева, сдутая с головы испуганного казака.

Я почувствовал, что мы начинаем взлетать. Такие ощущения я испытывал лишь в детстве, во сне. Скобелев, не отрываясь смотрел в окошко. Вертолет, по-видимому, набрав нужную для него высоту, полетел. Я почувствовал странное спокойствие. Мне показалось, что самое ужасное осталось позади и дальше все будет хорошо. Почему-то я испытывал доверие к этим странным людям, так непохожим на тех, кого я знал долгие годы. Как художник, я всегда обращал внимание на особенности поведения окружающих, на манеру их говорить, на их глаза. Так вот, люди из Югороссии были совсем другими. Они разительно отличались от нас. Они говорили, двигались, реагировали на все не так, как мы. И самое главное — это их глаза...

Знаете, есть глаза мудрецов — обычно это старые, повидавшие жизнь люди — они смотрят на вас как-то снисходительно добро, словно взрослый, который глядит на неразумных детишек. Так вот, именно так люди из Югороссии смотрели на нас. Причем независимо от их возраста. Словно они знали о нас нечто такое, что мы еще не знаем о самих себе. Эти люди были словно не от мира сего.

Мы путешествовали таким образом уже более часа. Трясаясь мелкой дрожью, со свистом и грохотом, машина рассекала воздушные просторы, подпрыгивая на невидимых ухабах. Меня посетила непонятно откуда взявшаяся мысль, что дороги в воздухе не лучше вымощены, чем на земле, и я, убаюканный этим монотонным гулом и покачиваниями, сам того не заметив, задремал. Проснулся я от того, что шум мотора стал другим, а машина словно стала проваливаться вниз. Скобелев, все это время не отрываясь смотревший в окно, увидев что-то, стал кричать и размахивать руками. Но шум мотора был таким, что я не мог ничего слышать. Поняв это, Михаил Дмитриевич наклонился к самому моему уху и закричал:

— Василий Васильевич, внизу... Я даже не могу вам описать *это*. Скажу только, что ничего подобного я не видел никогда в жизни!

К сожалению, я не мог подняться с носилок, чтобы заглянуть в окошко. Скоро наша машина коснулась чего-то твердого, всколыхнулась — я застонал, мое раненое бедро словно пронзило что-то острое — и звук мотора стал стихать. Когда он окончательно прекратился, дверь открылась, и подпоручик, сидевший на скамейке, встал и сделал нам приглашающий жест:

— Господа, я рад приветствовать вас на борту тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов». Мы вылетим в Константинополь примерно через час, когда нашу машину проверят и дозаправят топливом.

Носилки со мной вынесли наружу. Мы находились на палубе огромного корабля, большего, чем все, что может вообразить себе обычный человек. Я повернул голову: в нескольких верстах от нас был берег с портом и закопченные развалины какой-то крепости. Очевидно, это было то, что осталось от цитадели крепости Варна. Она была разрушена югороссами в тот день, когда они обосновались в этой бухте. Чуть ближе к берегу на волнах покачивались два корабля, гораздо меньшие по размеру, чем тот, на котором мы сейчас находились. Но все равно они не уступали размерами самому грозному кораблю российского флота, броненосцу «Петр Великий».

Все это я успел разглядеть и почувствовать, пока носилки со мной несли через всю огромную палубу. Час до вылета в Константинополь мы провели в санчасти гигантского крейсера, где меня осмотрел военный медик Югороссии. Было видно, что огнестрельные раны ему не в новинку. После перевязки и нескольких уколов, он вручил сопровождавшему меня подпоручику довольно объемистую записку. Тогда я впервые в жизни услышал сочетание слов «медицинская карта». Но наше время пребывания на «Адмирале Кузнецове» истекло, надо было лететь дальше — в Константинополь...